

Диана

Орлов

МОЯ ЧУЖДАЯ

(Не)вернуть любовь

Семь лет назад я осталась с разбитым сердцем. Так больно было заново учиться жить и дышать. Казалось, я не выдержу, просто сломаюсь...

Но вот у меня чудесный муж, отличная работа и... прошлое, которое вернулось в самый неподходящий момент.

Моя чужая. (Не)вернуть любовь

Диана Орфей

На улице жарко. В воздухе висит душное марево, деревья съжились под июльским солнцем, а меня озноб бьёт.

По спине холодный пот градом, пальцы ледяные... и внутри тоже холодно. Больно.

Я облизываю пересохшие губы и тревожно кошусь на часы. Почти шесть вечера. Очень скоро из офисного здания начнут выходить люди, и, я очень надеюсь, Демьян будет среди них.

Сердце мучительно сжимается.

Не хватало только расплакаться, но глаза по-прежнему сухие — кажется, я успела выплакать все слезы. Ревела днями и ночами до тошноты, билась в мучительной агонии, снова и снова пытаюсь выкорчевать из себя ядовитое чувство под названием «любовь». Но проще разучился дышать.

Оно родилось слишком быстро. Росло и крепло, я насквозь им пропитана! Но Демьяну плевать... Всегда было. А я просто дура, что мечтала о большем. И не просто мечтала — решила попробовать...

Пальцы сводит судорогой, и в кожу ладони впивается тонкая белая полоска теста на беременность.

Я здесь только ради этого. Уговариваю себя, что не ищу повода для встречи, а просто хочу рассказать правду.

Но от одной мысли об этом язык прилепает к небу, а в глазах начинает двоиться. Мне всё ещё больно. И в ушах сквозь грохот крови пробивается жестокая фраза: «Нам не стоит больше видеться, Алена».

Что он говорил дальше — я не помнила. Не услышала. Мобильный выпал из ослабевших пальцев, а я сползла по стенке.

Моргаю, пытаюсь сосредоточиться на реальности. Грудь сдавило раскалёнными тисками и приходится срочно считать дыхание. Мне надо взять себя в руки. Прекратить нервничать, ведь сейчас это совсем не полезно!

Но дыхательная гимнастика не помогает. Я судорожно осматриваю каждого выходящего из здания человека и не знаю, куда себя деть.

Торчу, как дура, около стоянки, мнусь с ноги на ногу. Голова гудит от жары, тень от дерева не спасает, и низ живота начинает немножко тянуть.

Мне нельзя напрягаться. Надо найти лавочку!

Но только я собираюсь отступить в глубину аллеи, как двери распахиваются и на крыльцо офисного здания выходит Демьян.

Я узнаю его сразу.

Между нами почти тридцать метров, но я вижу, что это он!

Густые темные волосы, лёгкая небритость и вечная едва заметная ухмылка на губах. Я так любила пробовать ее на вкус... Прыгала на его колени, как кошка. Обнимала за широкие плечи и целовала, целовала, целовала... Но теперь это право принадлежит другой.

Я хватаю ртом раскалённый воздух, не в силах оторвать взгляд от роскошной длинноногой брюнетки.

Она висит на локте Демьяна, прижимаясь откровенно и пошло. Скалится, чертит ноготком по борту его серо-стального пиджака. А любимый не собирается это прекращать!

По-хозяйски кладет руку на крутое бедро и целует девушку в щеку.

Я думала, что мое сердце разбито вдребезги.

Неправда.

Сейчас оно не разбито, а уничтожено! Вместо него сгусток боли, беспомощности и жгучей, как кислота, обиды. Дикий коктейль разъедает изнутри. Жжет, тянет, ноет...

Я смотрю во все глаза на влюбленную парочку и чувствую, как меня начинает трясти. По ребрам словно бьёт кузнечный молот, нервы звенят...

Он променял меня не на карьеру. И даже не на свободу.

Демьян просто выбрал другую. А я для него так и осталась надоедливой влюбленной дурочкой. Перевалочным пунктом между прошлой девушкой и нынешней. Пустышкой с щенячьим взглядом...

Мой палач поворачивает голову, и наши взгляды встречаются. Меня словно опалает огнем. Господи, как плохо!

Демьян хмурится и чуть склоняет голову. Всегда так делает, если нервничает или недоволен.

Глупо надеяться, что он рад меня видеть. Но гораздо глупее — рассказать о том, ради чего я все ещё дышу.

Ноги сами делают шаг назад. А потом ещё и ещё один.

Развернувшись, я бреду прочь.

Между лопаток утыкается тяжёлый взгляд. Препарирует душу наживую, выгрызает из нее остатки надежды на то, что всё ещё может быть по-другому. И сейчас Демьян меня догонит и прижмёт к себе...

Чушь! Моя любовь для него — обуза. Он легко от нее избавился.

По щекам опять бегут слезы. Почти ничего не вижу, все смазалось в пыльное серое пятно.

Но я продолжаю упрямо переставлять ноги. Двигаюсь, как шарнирная кукла, рывками, нескладно... на одной силе воли.

Внутри меня теперь живёт маленькая частичка того, кого я любила больше жизни. И я хочу ее сберечь. Во что бы то ни стало!

Но моих сил хватает ненадолго. Живот скручивает острым спазмом, и я сгибаюсь в три погибели. Стону сквозь закушенные губы.

— Девушка, что с вами?! — раздаётся над ухом испуганный женский голос.

Я хочу сказать, но вместо слов опять выходит стон. Голова идёт кругом, и я вдруг падаю куда-то вниз, в бесконечную тьму.

Глава 1

— Выглядишь потрясающе...

Теплое дыхание щекочет кожу за ухом. А тыльной стороны запястья касаются сухие и твердые губы.

Я улыбаюсь.

Артур — настоящий джентльмен. Из той редкой породы мужчин, что отодвинут стул для своей спутницы, или заранее позаботятся о пальто.

— Должна же я соответствовать мужу, — отвечаю, разворачиваясь к мужчине.

Смахиваю невидимую соринку с его плеча, привычным движением поправляю галстук.

Артур благодарит поцелуем в губы. И я с отвечаю со всей теплотой, на какую еще способна.

Мне повезло с мужем. Он — моя опора и нерушимая стена, за которой я спряталась от реальности. Моя история похожа на сказку, где оборванка встретила прекрасного и мудрого короля. Звание принца для Артура мелковато.

— Прошу, — муж галантно предлагает локоть. — Но я до сих пор уверен, что тебе будет скучно.

В его голосе нет недовольства. Артур переживает искренне. Он у меня слегка старомоден и считает, что женщину надо водить по театрам и музеям, а не на деловые ужины.

— Мне будет скучно в четырех стенах, — замечаю мягко. — Я и так выпала из ритма.

Месяц провалялась дома с температурой и кашлем. А бизнес простоев не любит. Я только начала чувствовать себя нужной... Значимой.

— Почему же? — удивляется муж. — Ты отлично справляешься. Впрочем, я буду благодарен, если моя Елена Прекрасная скрасит этот унылый вечер.

Да, теперь я не Алена, а Елена. Сменила имя, семейное положение и... жизнь.

Я опять улыбаюсь. А муж ведёт меня к машине, помогает устроиться на переднем сиденье. Как только ремень безопасности пристегнут, я достаю из клатча мобильный.

Надо ещё раз просмотреть списки гостей. Постараться запомнить их лица, род занятий и вообще... Большинству мужчин нравится, когда девушки уделяют им внимание. Роняют фразы вроде «Такой Такойтович? А мы ведь немного знакомы... я читала статью о вашей компании...» или смотрела репортаж, или что-то ещё.

Завуалированная лесть, я знаю. И пользуюсь ей. Так же, как и умением слушать.

Демьян особенно любил во мне это качество.

Дурацкая мысль о бывшем отзывается внутри приступом ноющей боли. Но на моем лице ни один мускул не дрогнул. Привыкла. Корни первой любви не так-то легко выкорчевать и работы над собой предстоит много. Но я справлюсь. Обязана справиться.

Машина скользит по городу плавно и очень неторопливо. Артур — осторожный водитель. А ещё он знает, что мне нравится любоваться вечерним городом. Хочет меня отвлечь.

Бросаю на мужа укоризненный взгляд и получаю в ответ хитрую усмешку. Вокруг его темных глаз собираются лучики морщинки. Уже довольно глубокие, но мне нравится каждая.

Со вздохом откладываю телефон и перенаправляю внимание на окно.

— Люблю тебя, Петра творение... — бормочу первые строчки стиха.

Артур хмыкает:

— Совсем по Москве не скучаешь?

— Я ведь не москвичка, — возражаю ему. — Родители — замкадыши были, ну а потом... Ты знаешь.

Не вижу, но чувствую, как Артур качает головой.

Он-то как раз столицу любит. Вернее, любил. Теперь этот город для него навсегда связан с болью утраты. Как и для меня.

Авто тормозит у сияющего огнями ресторана.

Здесь пройдет аукцион и благотворительный ужин с участием многих важных дядь и тетей. А у Артура намечается крупный проект по строительству — без партнёров не обойтись. Решил присмотреться к ним в более неформальной обстановке.

Дверь открывается, и муж подаёт мне руку.

Я осторожно выбираюсь из машины. На мне кремового цвета костюм, лёгкий и нежный. Не хотелось бы посадить на него пятнышко — недавно прошел весенний дождик и оставил лужи.

Но вроде бы порядок. Без приключений мы заходим в здание и сразу же окунаемся в водоворот роскоши и фальши.

Сначала мне это было непривычно. Даже неприятно. Мало кому тут нужна эта благотворительность. Половина из собравшихся — вчерашние братки, сменившие малиновый пиджак на деловой костюм. Ворье, нахapaвшее достаточно, чтобы плевать на закон. Мерзко от их лицемерия. И радостно, что Артур не сотрудничает с «мутными типами».

Вторая половина — дельцы разной степени зубастости. Вот среди них можно отыскать достойные экземпляры.

Я машинально отвечаю на приветствия, выискивая глазами иностранцев интересных людей.

Конечно, мое мнение — не истина последней инстанции, и в большинстве случаев Артур поступает по-своему, но и женское слово для него — не пустой звук.

Тем более прошлый мой выбор поставщиков оказался на редкость удачным. Получилось заключить выгодный договор. Ай да я.

— Артур, смотри. Там Георгий Назарович! — кивнула на стоявшего у слова закусок мужчину. — Надо поздороваться.

Георгий Назарович — один из наших знакомых. Импозантный черноусый мужчина с небольшим животиком и улыбочивой физиономией. Замечательный семьянин, отец и вообще человек. Жаль, что его ниша — юридические услуги.

— Иди, — согласился муж. — Я сейчас буду. Кажется, у той колонны скучает Хвалевский. Он мне договор отправить уже третий месяц не может...

Ах да, наш хорошо известный "человек рассеянный"... Как его бизнес ещё жив?

Я кивнул мужу и, подхватив у пробежавшего мимо официанта бокал с соком, направилась к Назаровичу.

Мужчина меня заметил. Расцвел своей фирменной улыбкой, от которой усы торчком, а глаза превращаются в щелочки.

— Елена-а-а свет Николаевна! Рад, весьма рад! А где же ваш супруг?

— Скоро подойдёт. Увидел недалеко Хвалевского...

Георгий Назарович досадливо морщится. Он тоже знает этого персонажа. Его постоянный клиент. На Хвалевского то и дело подают иски.

— Не поминайте всуе. Лучше расскажите, как слетали на Кипр. Мусенька мне все уши прожужжала...

Мусенька — жена Георгия Назаровича. Кудрявая, маленькая и полненькая. Обожает готовить и кормить мужа. Тот очень даже не возражает.

Я начинаю рассказ о путешествии. Мужчина с интересом слушает. Наверняка организует для своей семьи отдых.

Увлекаюсь. Беседа становится оживленнее. Переходим на юридические темы — теперь рассказывает Георгий Назарович. Сдабривает беседу шутками, и я смеюсь — он умеет шутить.

И вроде бы мне уже начинает нравиться вечер, как за спиной раздается удивлённое:

— Алена?!

Тело каменеет, а внутренности связываются в один стылый тошнотворный ком. Я знаю этот голос. Бархатистый и глубокий, он отпечатался в сознании жженым клеймом. Когда-то я млела от него и готова была слушать вечно, но сейчас от понимания кому он принадлежит бросает в холодный пот.

Я не готова! Нет, не могу обернуться и посмотреть. Умру, если сделаю это.

Но тело реагирует само, и я встречаюсь лицом к лицу с тем, кто подарил мне крылья, а потом вырвал их безжалостно и равнодушно.

Успеваю отметить, что Демьян стал ещё красивее. Заматерел, возмужал... от него веет хищником. И мне не нравится блеск его небесно-голубых глаз.

Во рту пересохло, но язык кое-как двигается, воспроизводя первые звуки.

— Елена Николаевна, — поправляют строго. — Какая неожиданная встреча... Демьян Викторович.

***

Демьян

На мгновение теряю дар речи. Елена Николаевна?! Какая к черту... одёргиваю себя и киваю.

Понял, не дурак.

На самом деле Аленка имеет право плеснуть мне соком в лицо и сдобрить приветствие ударом в пах.

Но она не двигается. Кажется, даже не дышит. И я с трудом делаю вздох.

— Прошу прощения, Елена Николаевна, — говорю сдержанно.

А в голове тьма вопросов. Почему Елена? Откуда здесь взялась? И какого черта я решился подойти?

Молчание затягивается — Аленка не торопится возобновлять беседу. Мне бы стоило распрощаться и уйти, но не могу оторвать взгляда от знакомого и уже такого чужого лица.

Разве можно так измениться? И при этом стать ещё краше... Алена всегда была симпатичной, но сейчас она блистала. Огромные глаза умело подчёркнуты тенями, на свежих губах блеск, а кожа будто бархатная — искушает прикоснуться пальцами, чтобы ощутить ее мягкую упругость.

А я ведь узнал Алену не сразу.

Стоял в стороне, наблюдал за гостями, и вдруг заметил изящную женскую фигуру в брючном костюме. И было в ней что-то... непонятное. Воздушное и чистое. Девушка лениво

проигрывала бокалом, в котором плескался сок, а я ловил себя на мысли, что мне нравится наблюдать за тонкими пальцами и тем, как незнакомка встряхивает шапкой светлых волос.

В голове рождались планы, как подойти и завязать разговор.

А потом я услышал смех... И стало не по себе. Внутри шевельнулось тревожное предчувствие. Поколебавшись, я сделал несколько шагов, чтобы увидеть лицо незнакомки, и остолбенел.

Аленка!

Девочка, которая бегала за мной хвостиком! Когда-то это бесило до трясучки, а потом... Что было потом, я старался не вспоминать. Закинул далеко на задворки памяти.

Но оно все равно сидело занозой... Напоминало о себе время от времени, а в итоге прилетел ответ по всей морде.

Елена Николаевна!

А чего ты, Демьян, ждал? Страстных объятий? Слов любви? Нет, конечно... Но и не ледяного равнодушия.

Некогда теплые дымчато-серые глаза превратились в ничего не выражающие стекляшки. Алена смотрела на меня как на пустое место, и это... это непривычно. Но заслуженно. На самом деле я должен радоваться, что девочка теперь свободна от своих чувств. Нам обоим они были в тягость.

Но только я собрался бросить какую-нибудь банальность и ретироваться, как около Алёны объявился объект моего делового интереса. Артур Бесстужев собственной персоной!

— Прости, дорогая, я задержался, — приобнял Алёну за талию.

А меня второй раз встряхнуло. Дорогая?! То есть они... Я бросаю взгляд на правую руку девушки, и под ребрами почему-то давит.

Обручальное кольцо. И у Бесстужева такое же.

— Артур, познакомься с Демьяном Викторовичем, — бесстрастно отзывается Алена. — Демьян Викторович — это мой супруг Артур Бесстужев.

Меня мало что могло выбить из колеи, но сегодняшний вечер — определенно один из таких моментов.

Аленка замужем! Ещё за тем, кто ей в отцы годится! И, очевидно, уже обо мне наслышан... Взгляд Бесстужева из расслабленно добродушного превратился в острый, как скальпель.

Черт.

А ведь я тут именно для того, чтобы подцепить на крючок крупную рыбёшку. «Вектору-Элит» не помешали бы денежные вливания.

— Приятно познакомиться, — я первый протягиваю руку.

На самом деле мне ни черта не приятно. Бесстужеву хоть и полтинник, но выглядит он отменно. Подтянутый, высокий, с густой шевелюрой цвета перец с солью и породистым лицом. Лакомый кусок для женщин всех возрастов. Но Алена... она же ещё совсем молоденькая!

Хотя, какое мне дело? Нужно сосредоточиться на рабочих вопросах

Ладонь давят тиски чужого рукопожатия. Мысленно морщусь — силен, зараза.

— Я представляю «Вектор-Элит», — заставляю себя собраться. — Фирма строительных материалов плюс сопровождение сделок.

Бесстужев чуть поджимает губы. Его компания сейчас на коне, ему и музыку заказывать.

— «Вектор-Элит»... Наслышан. Но ожидал увидеть Георгия Оболенского.

Да, в Питер должен был приехать мой тесть собственной персоной. Но он заболел. И выпихнул меня с Юлией. Кстати, надо будет проверит бар, цел ли ещё.

— Ему нездоровится, — отвечаю спокойно. — Ничего серьезного, но пришлось приехать мне с женой.

Последняя фраза не к месту. Но я хочу сразу обозначить границы. А не для того, чтобы посмотреть на реакцию Алёны... которой нет.

Меня откровенно проигнорировали. Опять.

Ну что ж, пожалуй, это к лучшему. Не будет никаких недомолвок и... может, нам удастся пообщаться? Нет, стоп. Это невозможно. Не верю, что Алена забыла мою выходку. Я и сам никак не могу ее забыть.

— И где же ваша супруга? — интересуется Бесстужев.

А мне хочется сплунуть себе под ноги. Юлия усвистала в бар. Весь день мне мозги колупала как ей скучно. Я уже обрадовался, что хоть вечером от нее отдохну, но она неожиданно передумала и поперлась со мной.

Чтобы сразу же исчезнуть, завидев какую-то подружку. Или друга — мне все равно. Поэтому над равнодушным пожатием плеч стараться не пришлось.

— Жена отдыхает. Деловые разговоры — не ее стихия.

Юлия бы с удовольствием сбежала в клуб или на какую-нибудь тусовку. Но об этом я умолчал.

Бесстужев неопределенно кивает:

— Что ж... понимаю. «Вектор-Элит», говорите... Я рассматривал вашу фирму в качестве партнёра.

На самом деле фирма не моя. Я просто доверенное лицо, и у меня свой бизнес, вернее — проекты. Впрочем, не важно.

Начинаю аккуратно лить информацию, но мысли никак не хотят собираться в кучу, кружат рядом с утонченной женщиной, которая однажды бегала босиком, лихо взбиралась на деревья и вместо ассиметричного каре носила толстую косу. Ей очень шли длинные волосы. Мне нравилось их перебирать.

Диалог набирает обороты, но Алена все так же меня не замечает. Беседует с черноусым мужчиной. Улыбается.

Да, она очень изменилась. Стала настоящей леди. Но без пафоса, без нарочитого желания кому-то понравиться. И мужчины бросают на нее откровенно заинтересованные взгляды.

Выросла девочка... Ну так семь лет прошло. И от этой мысли внутри опять неприятно тянет. Навевает ненужные воспоминания, которые я давно похоронил в шелухе прошлого.

Наш кружок постепенно становится больше. Алену перехватывает какая-то незнакомая женщина. Забрасывает вопросами, уводит в сторону...

Смотрю, как девушка удаляется, плавно покачивая бедрами. И некстати вспоминаю, насколько часто на них оставались синяки от моих пальцев.

В груди тяжело екает, расплзается жаром.

Черт...

Угораздило же встретиться. Лучше бы поехал Оболенский. Вместе с Юлией.

В кармане вибрирует мобильный. Смотрю на экран и мысленно закатываю глаза — а вот и тесть.

— Прошу прощения, я на минуту, — киваю на мобильник. — Слушаю, — а это уже Оболенскому.

Тот неожиданно бодро интересуется, как идут дела. Распрашивает про Юлию. У Оболенского куча недостатков, но отец он хороший.

Кратко ввожу его в курс дела. Тесть недоволен моей сдержанностью, но, когда я упоминаю, что меня ждёт Бесстужев, быстренько сворачивает разговор. Наконец-то.

Возвращаюсь обратно, а Бесстужева и след простыл. Черт! Я раздражённо оглядываюсь по сторонам. Куда он отправился? К супруге?

И опять по нервам царапают тонкий коготок неудовольствия. И недоумения... Я до сих пор не могу поверить, что Алена — его жена.

— ... какая красotka, видали? — доносится до меня негромкий разговор троих мужчин. — Я б с такой...

— Прикрой пасть, — цыкает его приятель. — Король за свою жену глотку перегрызает. Король? А, да... Король Артур. Я что-то такое слышал о Бесстужеве.

— Так уж и готов. Она же обычная...

— Данила, заberi у этого придурка стакан. Не обычная, Васек. Очень необычная...

И мужчины удаляются.

А я остаюсь стоять. Хреновый вечер... И перспектива сработаться с Бесстужевым тоже так себе.

— Милая, ты в порядке?

В глазах мужа плещет беспокойство. И еще злость... Он знает мою историю, со всеми самыми болезненными и стыдными подробностями.

Из груди рвется тяжелый вздох. Только с Артуром я могу быть собой. И не бояться, что он меня осудит. Мы хорошо понимаем друг друга.

— Нет. Не в порядке. Я не рассчитывала на эту... встречу.

Не рассчитывала и не хотела — так будет правильней. Хватит с меня Демьяна. Все отдала бы, чтобы забыть прошлое, но есть сердечные раны, которые время не лечит. Можно лишь свыкнуться с ними и научиться дышать заново.

А муж накрывает своей ладонью мою. Слегка сжимает пальцы.

— Не волнуйся, больше он тебя не побеспокоит.

Я качаю головой:

— «Вектор-Элит» очень выгодный партнер, ты же сам говорил. Цена у них ниже, а качество на порядок больше. Тем более после недавнего скандала они совсем не в том положении, чтобы диктовать условия. Можно выбить скидку.

Артур хмурится. В уголках его губ залегают упрямые складки и, кажется, серебристый ежик волос становится злее.

— Найду другого поставщика.

А я вздыхаю и, собравшись с силами, говорю то, что должна:

— Времени нет. Брось, Артур. Все в порядке. Тем более Ястребовский женат.

И я даже знаю, кто эта счастливица.

Наивную, влюбленную по уши дурочку Аленку променяли на упакованную стилистами и осыпанную деньгами Юлию Оболенскую.

Демьян не просто бросил меня — он продался. Выбрал роскошную жизнь и наверняка ни о чем не жалеет.

Я бы тоже так хотела, но внутри почему-то болезненно тянет. А низ живота вспыхивает фантомной болью. Я опять слышу равнодушное «На чистку», и мерзкий перезвон хирургических инструментов.

— Вышли им копию договора, — убеждаю мужа. — В любом случае, вряд ли Ястребовский будет лично с тобой работать.

— Надо было вести тебя в ресторан, — продолжает ворчать Артур. — Черт...

А я ласково поглаживаю пальцами ладонь мужа. Неужели он переживает больше, чем я? На сердце становится легче и даже хочется немного улыбнуться. Что я и делаю.

— Сейчас уже поздно по ресторанам. Поехали домой, король Артур. Ваша королева изволит испечь блинчики.

В серых глазах мужа зажигаются лукавые искорки. Он любит мою стряпню. В некотором смысле я повторила путь многих женщин — подобралась к сердцу мужчины через желудок, хоть не старалась специально.

— На ночь есть вредно, — уже пытается шутить. — Вот стану я толстым, что тогда скажешь?

Моя улыбка становится шире, а ледяная гранитная плита, давившая на грудь весь вечер, почти исчезает.

— Скажу, что вы все так же прекрасны, Ваше Величество. И вызываете интерес у молоденьких фрейлин. Я видела, как вились вокруг тебя официантки...

Артур вздергивает брови и смеется. А мне нравится слушать эти отрывистые, чуть резкие звуки. На самом деле, между нами никогда не было и нет ревности.

Оба с переломанными судьбами, мы встретились в момент отчаяния.

Не любовь, а горькая безысходность толкнула нас выстроить отношения как единственную возможность спастись.

И теперь в нашем мире тихо и размеренно. А еще никакой грязи. Ни ревности, ни упреков, ни лжи... Это ведь счастье, верно?

Артур заводит машину и мягко трогается с места. Он всегда осторожен за рулем. То есть теперь осторожен. А я больше не стану жертвой безумно-красивых глаз Демьяна. Не очаруюсь его беспечной улыбкой и не клюну на широкий разворот плеч.

Пусть Ястребовский лично курирует сделку или через свою ненаглядную жену. Мне все-равно.

***

Демьян

За окном хлещет так, что еще немного — и стекло выбьет к чертям собачьим.

Мерзкая погода. Самое время забраться в постель и как следует выспаться, но я до сих пор сижу в гостиной.

В руке бокал первосортного виски, в спальне красавица-жена, которая не против интима, но... Не хочется. Ни того, ни другого. А мысли, как будто в издевку, все кружат рядом с Аленой... Точнее — Еленой Николаевной.

Как меня отшила! Просто мастерски! да еще и муженька своего увела. Наверняка назло! И от этого внутри тихонько закипала ярость.

И ведь мозгами понимал — глупости. Аленка не из тех, кто мстит. Она напрочь лишена задатков стервы. Но успокоится все-равно не мог.

А перед глазами все еще мелькает изящная фигура и шапка пшеничных волос, остриженных под каре.

Отвратительная стрижка. Ей не подходит, делает старше и холоднее. Только какая мне разница? И зачем я снова и снова прокручиваю в голове наш разговор?

Надо же было так вляпаться!

Не терзался ведь все эти годы. То есть время от времени бывало. Накатывало что-то. Но старался не заикливаться, ведь ничего ей не обещал.

Все, что случилось между нами, было инициативой Алены, помноженной на мое желание встряхнуться. Но если бы я знал, что девушка еще нетронута...

В паху вдруг свело напряжением.

Черт. Я слишком хорошо запомнил ту ночь. А еще восторженные глаза Аленки. Ее жаркий шепот и неумелые, но такие горячие поцелуи.

Это было слишком контрастно с тем, что я наблюдал этим вечером — хладнокровная, знающая себе цену женщина с внешностью девочки-из-прошлого.

Да и плевать. Меня интересует только сделка с Бесстужевым. Заклучу ее и займусь своим проектом. Дорогой тесть слишком закручивает гайки. А я не люблю, когда на меня цепляют ошейник, пусть даже он блестит золотом.

***

— Документация в порядке, можете сами посмотреть. Нормы соответствуют, со

складами проблем нет...

Я монотонно чеканю фразу за фразой. А сам до сих пор поверить не могу, что Бесстужев согласился рассмотреть «Вектор-Элит» в качестве возможного партнера.

Только не после того вечера. Но через день мне на телефон упало смс.

Сухие строчки, обозначающие место встречи.

Неужели Бесстужев не в курсе наших прошлых отношений с Аленой? Или слишком уверен в себе...

Я мысленно морщусь. Пора бы уже выкинуть всю эту чушь из головы. Семейная жизнь Бесстужевых меня не касается. Своей сыт по горло. Юлия опять ускакала в турне по барам Питера, и меня порядком задолбало видеть ее пьяную морду.

В этот раз, кстати, мне чертовски сильно хотелось побыть одному, привести мозги в порядок, а заодно сочинить Оболенскому красивую лабуду, почему «Вектор-Элит» в полете.

Но и половины придумать не успел.

И вот теперь сижу, как идиот, перед Бесстужевым, выторговывая лучшие условия. А сам кабинет оглядываю, в котором прямо-таки чувствуется женская рука. Вон там рамочка с фотографии, тут забавная фарфоровая статуэтка в виде кота с монеткой... Аленка любила такие штучки. Но без фанатизма, в меру... Однажды я ей презентовал какого-то лебедя или аиста — черт знает что, в общем. Купил первую попавшуюся на день рождения, только чтобы подарок был, но девушка обрадовалась. Понравилась ей эта дешевка! Интересно, сохранилась ли?

Проклятье! Опять не о том думаю!

Я тут только по просьбе Оболенского. Сейчас закончу и вернусь к своим делам.

Никогда на «Вектор-Элит» не рассчитывал, даже когда Юльку окольцевал. Мне нужен свой кусок, на который никто не разинет хавальник.

— ...прайс я вам скинул на почту, — заканчиваю расхваливать «Вектор-Элит».

Все, с меня хватит. И так чуть ли не из шкуры выпрыгиваю.

— Хорошо, я ознакомлюсь, — сухо бросает Бесстужев. — Перезвоню вам через час.

Намек понят. Погуляй-ка ты, Ястребовский, где-нибудь в парке, голубей покорми... А биг-босс подумает.

Я встаю и, сдержанно попрощавшись, иду в приемную.

Как и все в офисе Бесстужева, она роскошна и продумана до мелочей.

Секретарша сверлит меня внимательным взглядом. Молодая девчонка... Интересно, Алена в курсе, что рядом с ее мужем трется юная фотомоделль?

Мысленно чертыхаюсь. Да что со мной такое?!

А перед глазами до сих пор уютный кабинет Бесстужева.

Спорить готов, Аленка его дизайном занималась. Помню, как она рассказывала, что мечтает накопить для поступления на дизайнера... Внутри опять неприятно колет. Дергает. Иногда я думал послать ей денег. Даже попытался, стоило чуть на ноги подняться. Но они вернулись обратно все до последней копейки.

А вместе с ними приписка, чтобы я их себе на гробовые оставил. Это уже был привет от Виолетты Максимовны — бабушки Алены. С железным характером женщина, она сразу меня невзлюбила, с самого детства. Еще бы — сын местных маргиналов, которые по недоразумению обзавелись никому не нужным дитем. Максимовна постоянно гоняла нашу ораву и внучке своей запрещала подходить. Но деревня есть деревня...

Я морщусь, пытаюсь избавиться от навязчивых воспоминаний. Где-то тут была комната отдыха. Как раз ноут на зарядку поставлю и поработаю нормально.

Мой проект вообще никак не связан со строительством.

Разработка ПО (прим. автора — программное обеспечение) и систем защиты персональных данных — вот чем я занимался.

Всегда бредил компьютерами. Как только восемнадцать исполнилось, рванул столицу покорять. Подальше от своей семейки. Поступать думал... И угодил с разбега в армию. А потом... Потом мне судьба такую подножку устроила, что на всю жизнь запомнил.

Я прибавляю шаг, заметив впереди комнату, обставленную креслами и диванчиками.

Только бы еще розетку найти... Но их тут достаточно.

Я падаю в угловое кресло и погружаюсь в работу. Надо подтянуть хвосты, кое-что почистить... Есть на примете несколько инвесторов, которым моя задумка понравится. Осталось проверить все так, чтобы тесть в это не сунул нос. Последнее время Оболенского вокруг стало слишком много. И разговоров о детях тоже...

— ...И в следующий раз будьте добры указывать конечную сумму, — вдруг прокаркал за спиной сварливый голос. — Ей богу, ну что за глупые ошибки? Я понимаю — болезнь. Но это не оправдание!

— Простите, Антонина Федоровна. Я постараюсь учесть, — мягко отзывается... Алена!

Ее голос я ни с кем не спутаю. Пальцы замирают над клавиатурой, и я прислушиваюсь, пытаюсь уловить дальнейшую беседу.

— Еще отчеты доделаете к концу недели. И возьмете новый проект обсчитывать. Меня уже внуки заждались, между прочим! Я на пенсии уже два месяца должна отдыхать, а не с вами возиться! — не унималась женщина.

— Понимаю, Антонина Федоровна. Я поднажму.

Это что, у меня сейчас галлюцинации такие? Жена хозяина вот этого всего оправдывается, вместо того чтобы на место поставить?

Я выглядываю из своего угла, но женщины меня не замечают.

Зато я очень хорошо их вижу... И вид Алены сегодня ничуть не уступает ее недавнему образу.

Строгий песочный костюм подчеркивает изгибы юной фигуры, густая шапка локонов волосок к волоску, а на кончике носа очки в тонкой золотой оправе.

Но Алена никогда не жаловалась на зрение, я это точно знаю!

— К концу рабочего дня жду отчет, — пригрозила стоявшая рядом женщина.

С такой прямо карикатурный образ бухгалтера писать. Плотная, в цветастой блузке, с гулькой на голове. И голос сварливо-противный. Я бы уже сказал пару ласковых, но Алена лишь кивала.

Все такая же терпеливая, да. И слушает внимательно, а не на отвали... Она и меня так же слушала, когда я ей про неудачи в Москве расписывал. Черт его знает, сколько часов душу изливал. Мат через слово. А она молчала. И слушала, слушала, слушала... Очень редкое качество в наше время.

— Можете приступать, — наконец-то заканчивает «бухгалтерша» и с достоинством выплывает в коридор.

А Алена идет к окну.

Через несколько шагов все-таки меня замечает. И на красивом личике мелькает тень.

Досада? Недовольство? Я не успел разобрать, но мне не понравилось. Девушка сухо

кивает и отворачивается. Просто идет к выбранному месту, четко давая понять, что на дальнейшее общение не настроена.

Остается лишь мысленно пожать плечами.

У меня есть чем заняться, и я возвращаюсь к работе. Пытаюсь вникнуть в символы на экране, но заманчивый мир кода не увлекает. Мысли назойливо кружат рядом с девушкой, не желая возвращаться в привычный ритм. Искушают снова взглянуть на идеальную осанку и точеный профиль.

Алена все так же задумчиво грызет ручку. Она вечно «съдает» колпачки или стерки на карандашах. Бабка ее страшно ругалась, пыталась отучить, но Аленка упорно тянула в рот писчие принадлежности.

А память тут же услужливо подкидывает, что любит тянуть в рот моя жена. Морщусь, как от зубной боли и вновь поднимаю глаза.

Алена работает.

Упорно пишет, высчитывает что-то на планшете. А могла бы вместо своей начальницы давно сидеть. Но нет, конечно, это не метод правильных девочек — идти по головам.

«Я обязательно буду работать! Сама добыюсь! И мы с бабушкой на море съездим... Путевки в Сочи не дорогие, быстро успею накопить»

Наивные детские мечты. Аленка щедро делилась своими планами, но вместе с тем всегда шла мне навстречу, готовая хоть выслушать, хоть суп сварить... А теперь мастерски отыгрывает равнодушие. Или это не игра?

Неожиданно понимаю, что слишком хочу знать ответ.

Идиотская ситуация. Здравый смысл орал, что это — наиболее приемлемый вариант. Девушка не швырялась обвинениями, а я не доказывал, что наши «свиданки» — только ее инициатива.

И все равно гаденькое ощущение вины опять дает о себе знать. Сколько раз себе повторял — можно с любой, кроме этого «хвостика».

Но как же соблазнительно она расцвела... И смотрела с таким обожанием, что мое «эго» просто визжало от восторга.

Это ведь очень подкупает, когда в самую трудную минуту рядом человек, который верит в тебя безоговорочно. И неважно, кто кому первый кинулся на шею.

В мятущиеся мысли вклинился звук мобильного.

Guns n' Roses, ну конечно.

Одна из любимых Аленкиных групп. И, так уж получилось, моя тоже.

В груди опять неприятно тянет. Я вглядываюсь в монитор, но ничего не вижу — внимание сосредоточено на негромком разговоре.

— Привет, — мягко тянет Алена.

И я понимаю, кто ей звонит. Бесстужев.

— ... Уже? Нет... М-м-м, разбираю отчеты... Хорошо... Нет, не буду. Честно... Ну не сердись. Испеку пирог, ладно?

Голос Алены еле слышен. Она действительно не хочет выпячивать свою жизнь напоказ, но и нарочно не скрывается.

А у меня почему-то во рту слюны хоть залейся. Помню Аленкины пироги... Отменная выпечка, да и остальное девушка готовила хорошо.

Так что Бесстужева можно поздравить с образцово-показательной женой.

— ...Все, мне пора. Иначе Антонина Федоровна меня съест, — заканчивает Алена с

улыбкой. — Буду ждать, — и вешает трубку.

А потом начинает собираться. Движения плавные, без суеты. И на меня, естественно ноль внимания.

Никаких красных щек, как было раньше, или дрожания пальцев.

В юности меня откровенно бесила эта ее реакция. А еще ужасная прилипчивость. Всюду караулила, смотрела влюбленными глазами. Друзья на смех поднимали. Ну а мне, пацану сопливому, обидно, конечно, было. Сколько раз шипел мелкой отвалить, но Алена через некоторое время принималась за старое.

Сейчас я бы во многом по-другому поступил. Хотя бы прикусил язык крепче, а заодно присмотрелся к своим «друзьям»-придуркам.

Мысленно морщусь, вспоминая, как красиво меня кинули. Да, потом я отомстил. Вогнал в долги по самые гланды, одного тесть помог в тюрягу упечь, но все равно удовлетворения не получил. Так, пшик один. Еще и на Алenu не вовремя наткнулся...

Провожая удаляющуюся девушку взглядом. И снова мысленно отмечаю, как она чертовски похорошела. Но каре ей определенно не идет.

В кармане вибрирует мобильный. Оболенский... До ужаса не хочется его слышать, но ничего не поделаешь.

— Да? — произношу вместо приветствия.

И сам удивляюсь раздражительности в голосе. С чего бы?

— Привет, Демьян, — доносится сиплый шепот. — Сделка твоя. Я на больничном. Ангина.

Крепче сжимаю зубы, чтобы не выматериться как следует. Вот же... попал! Какая, к черту, сделка? У меня своей работы выше крыши, жену в очередной загул потащило, настроение ни к черту и вообще — манал я с Бесстужевым работать. Но вместо отказа с губ срывается короткое:

— Понял.

Вот черт.

Я старательно проминаю тесто снова и снова. Оно должно быть еще чуточку мягче, воздушнее. Такая работа требует сосредоточенности не меньше, чем снабженческие подсчеты, но в голове носятся колкие воспоминания, и от этого по спине пробегает озноб.

Сегодня я опять видела Ястребовского.

И кто бы знал, чего мне стоило держать себя в руках.

Наверное, нужно опять обратиться к психологу. Нельзя так остро реагировать на давно прошлые отношения, но забыть о них не получается. Это так глупо! У меня прекрасный муж, спокойная и размеренная жизнь... В ней нет места Ястребовскому!

И все равно — слишком тяжело стучит сердце.

Любовь к Демьяну забрала у меня самое важное... Внизу живота опять вспыхивает фантомная боль.

А в ушах звучит сочувственный голос врача, объясняющего мой диагноз. Это была не та женщина, что сделала мне чистку. Нет. Эта чудесная доктор говорила мягко и пыталась ободрить. Убеждала, что яичники отлично функционируют, и можно...

— Хм, выглядит отлично, — грохочет над головой.

От неожиданности я подпрыгиваю и чуть не разбиваю миску.

— Артур! — вскрикиваю, прижимая испачканные руки к груди. — Ты... Ты зачем крадешься?

А муж тихонько смеется, весело ему!

— Не дуйся, Леночка. Я хотел сделать сюрприз.

— Тебе это удалось, — фырчу недовольно, но злости уже нет.

Разве можно злиться на Артура? Хоть шутки иногда у него довольно... специфические.

— О, вишня! — обнимает меня за талию муж, а подбородок устраивает на плече. — Люблю вишню.

Да, я знаю. Демьян тоже любил... Я с силой запускаю пальцы в тесто.

— А в холодильнике ждет солянка, — стараюсь улыбнуться, но почему-то выходит натянуто.

Артур реагирует моментально. Недаром ведь бизнесмен — ему не нужно смотреть в глаза, чтобы уловить настроение собеседника.

— Ты чем-то расстроена?

Ужасно хочется отговориться какой-нибудь банальностью. Соврать или молча уйти, но я не позволяю себе ни того, ни другого.

— Я не расстроена. Скорее до сих пор не могу отделаться от встречи с Ястребовским. Ты же знаешь, некоторые события лучше постараться забыть.

Артур осторожно разворачивает меня к себе. В его движениях бесконечная забота. Я очень люблю, когда по вечерам мы устраиваемся перед телевизором и он просто держит мою руку в своей. Спокойный уютный отдых.

Но сейчас муж смотрит на меня с напряжением.

— Я понимаю, милая. И все больше жалею, что не отказался от работы с «Вектор-Элит».

— Зачем? Это нелогично.

— Дело не в логичности, а...

Фразу Артура перебивает звонок мобильного.

Муж хмурится, но трубку поднимает. Он у меня такой, весь в бизнесе. Для него фирма — вторая жена. А первая... Эту печальную историю я вспоминать не любила. Мне искренне жаль мужа. Он потерял намного больше, чем я.

— Что?! — недовольно рычит Артур. — Нет, Оболенский, мы так не договаривались. Да, для меня — принципиально...

А вот сейчас мне стало интересно. Пытаюсь уловить суть разговора, но из трубки доносится одно сипение, будто говоривший болен.

— ...Тогда пришли своего зама. Нет, другого человека. Потому что. Считай это моей прихотью...

Трубка опять сипит, на этот раз в голосе Оболенского — напряжение и упрямство.

Артур слушает. Сжимает в нитку губы, а взгляд мечется по кухне, иногда цепляясь за меня. Почти нутром чувствую суть беседы. И от этого внутри опять тянет холодком.

Но, напрягая всю свою скудную волю, я тихонько качаю головой — нельзя отказываться.

Я видела сегодня примерные сметы — цены «Вектор-Элит» подходят компании идеально! А на оставшиеся финансы можно заказать новое оборудование. Или премии сотрудникам выписать, или... Или я просто уговариваю себя, что так правильно. А мне следовало бы научиться реагировать нормально, а не дергаться, как обиженная истеричка.

Ястребовский мне ничего не обещал.

Как бы ни было больно признавать, но это я липла к нему, как банный лист. Никакого стыда и самоуважения. Я была слишком ослеплена чувствами, которые испытала с того самого момента, как впервые увидела высокого загорелого мальчика с небесно-голубыми глазами.

Мне было всего девять лет, но я до сих пор помню, как мучительно сжалось сердце. На мгновение я даже забыла о самой страшной своей беде — предательстве мамы, которая легко променяла дочку на новую семью.

Все мои обиды утонули в этих бездонных голубых глазах. А когда Ястребовский заговорил...

Я вздрагиваю и опять качаю головой.

Не нужно отказываться. Я уже большая девочка и способна держать себя в руках.

Артур по-прежнему хмурится, но его слова звучат уже не так резко. Муж сомневается, и я его хорошо понимаю и не обижаюсь. Подумаешь, придется потерпеть Ястребовского чуть дольше, чем один день.

— Я перезвоню, — наконец завершает разговор муж и, не дождавшись ответа собеседника, сбрасывает вызов. — Нет, Елена, даже не начинай, — обращается ко мне.

А я нахожу сил на усмешку. Если Артур перешел на полное имя, значит вот-вот капитулирует. Но это при условии, что я сумею правильно донести мысль.

— Я и не собиралась, милый. Но ты ведь и сам все прекрасно понимаешь. И потом... Неужели ты думаешь, что Ястребовский может меня хоть чем-то удивить?

На самом деле может. Одним своим видом. Но я предусмотрительно постараюсь держаться от мужчины подальше.

Между нами все кончено. А если быть честной — никогда не начиналось.

— Тебе неприятно его видеть, — напоминает Артур, и я, не скрываясь, морщусь.

— Да, ты прав. А с другой стороны, это ведь неплохо, когда сталкиваешься с

трудностями лицом к лицу.

Артур вздыхает и ерошит волосы. Жесткая щетка блестит серебром, на висках небольшие залысины... И шрам. Глубокий порез от осколка лобового стекла. Еще бы немного — и пострадал глаз, но врачи говорили, что моему мужу повезло... Не назвала бы этом везением, на самом деле. Как и свое внезапное прошлое, свалившееся нам на голову. Откуда вообще Ястребовский в Санкт-Петербурге? Он же столицей грезил.

— Не думаю, что тебе придется часто сталкиваться с трудностями, — недовольно цедит Артур.

Ну вот, один раунд за мной. Муж действительно очень дорожит своим делом, а я должна ему в этом помогать.

— Вот и отлично, — я возвращаюсь к тесту. — Давай оставим все неприятности за порогом, ладно? Скоро будет готов пирог, а солянка, между прочим, все еще в холодильнике.

Как и множество другой еды.

Моя кухня похожа на мини-ресторан, но гораздо более уютная. Я старалась уравновесить хром и глянец разноцветными прихватками, полотенчиками и панно.

Муж опять обнимает меня за талию и трется лбом об плечо.

— Пошел за грибами, а нашел клад, — бормочет едва слышно.

Я смеюсь.

Да, наша первая встреча произошла на лесной тропинке. Я жутко перепугалась. Оказывается, у Артура аллергия на укусы комаров, и в тот момент лицо у него было весьма... живописное.

— Скажешь тоже — клад... — ерошу ему волосы. — Давай сегодня фильм посмотрим?

Артур вздыхает. Я знаю — он колеблется, потому что привык работать и дома.

У него даже кровать есть в кабинете. Муж частенько засыпает там, чтобы не тревожить меня ночными перебежками, как он это называет.

— Посмотрим, — сдается наконец, — только не фантастику!

Уж если в чем мы с мужем и не совпадаем, так это в выборе развлечений.

Книги, музыка, фильмы, музыка... Хотя по части последнего точки соприкосновения все же имеются. Например, нам обоим нравится джаз.

— Давай посмотрим «Пианиста»? — предлагаю с улыбкой.

Это любимый фильм Артура. И я знаю, что он не откажет.

Муж ворчит для приличия о том, что я его «подкупаю», но через час мы уже сидим перед огромной плазмой в гостиной.

На столе исходят парком сочные кусочки пирога, рядом свежесваренный чай, а на моем плече лежит сильная и немного тяжелая рука.

Я ерзаю, чтобы устроиться поудобнее. Самое время выкинуть из головы лишнее.

А что касается Ястребовский... Ничего, перетерплю пару встреч. Мир точно от этого не рухнет. А я — тем более.

***

Демьян

— Что значит остается?!

Юлия кривит напояженные губы и смешно взмахивает руками, как будто хочет отмахнуться от моих слов.

— У своего отца спроси.

Я стараюсь говорить равнодушно, но внутри все кипит.

Достала! Этими своими вечными выходками, капризами и упертостью... Не спорю, в первый год наших отношений это добавляло перчинки. Мы громко ссорились, а потом так же бурно мирились. В постели Юлия мастерица. Хотя меня иногда посещали не очень приятные мыслишки насчет того, сколько у нее было учителей. Свой старт на постельном поприще она начала далеко не совершеннолетней.

Нет, я не ханжа. Это ее право. Просто...

— Не стану я ему звонить! — визгливый голос возвращает к реальности. Когда Юлия орет, становится похожей на бензопилу.

Я откидываюсь на мягкую спинку дивана и массирую виски. Чертова головная боль...

Аленка вот ни разу не скандалила. Даже, когда я решился на звонок, чтобы все точки над *i* расставить.

Неприятные воспоминания заставляют морщиться, словно зубы вдруг заныли. Все до единого.

Я помню каждое сказанное слово. А еще тишину в трубке. Такую пугающую, что, не добившись от Алены никакого ответа, я позвонил ее бабке.

И когда получилось дозвониться, выслушал о себе вагон и маленькую тележку матерщины... Примерно тем же тоном, каким сейчас орет Юлия.

— ...этот сраный Питер с его сраной погодой! — продолжала визжать супруга. — Да пошел он! Я не собираюсь тут киснуть!

— Тогда вали в Москву, — соглашаюсь моментально.

А это будет очень неплохо! Месяц в тишине и покое, а Оболенский пусть сам свою дочурку нянчит. Юлия же резко прекращает бегать по комнате. Тычет алым когтем в мою сторону и зло щурит глаза.

— Избавиться от меня решил?!

Внутри закипает ярость. Юлия провоцирует нарочно. Я знаю все ее уловки и сыт ими по горло.

— Ты сама так решила, — отвечаю равнодушно и, подхватив ноут, иду в кабинет, поработать.

— Я не комнатная шавка! — несется в спину. — И не собираюсь за тобой бегать с тапками в зубах!

Вот откуда она этот бред генерирует? Умеет же накрутить на ровном месте... А впрочем, плевать.

Сейчас меня занимает предстоящий вечер в компании любимого дела. А после — работа у Артура Бесстужева.

Но мысли продолжают вертеться вокруг Алены... Нет, я не собираюсь караулить ее нарочно. И пытаться наладить отношения. Просто... Наверное, это ностальгия.

В прошлом у меня было мало приятных моментов, но то последнее лето в родной деревне я бы назвал неплохим.

Оно было даже... счастливым?

В груди опять неприятно тянет от мелькнувших перед глазами воспоминаний.

Я ведь приполз в отчий дом, как псина побитая. Без гроша в кармане и с жестким разочарованием в людях. Закадычные друзья оказались теми еще уродами, а я — доверчивым лопухом, поверившим, что денег хватит всем.

Хрен там плавал.

Сашок и Юриком решили, что приятнее делить на двоих, чем на троих. За моей спиной,

пока я вкалывал, обставили дельце так, что все сливки им в карман пошли. Еще имели наглость требовать от меня и дальше за «спасибо» работать! А прибыль как-нибудь потом...

Руки сами сжимаются в кулаки.

Первое мое детище — отличнейшую прогу для защиты сайтов — нагло выкрали! По всем документам я никто оказался.

Да еще без кровно заработанных.

Таким лохом я себя никогда в жизни еще не чувствовал. Думал, порву бывших дружков голыми руками, но и тут у них все схвачено и куплено оказалось. Стражи порядка и судьи ведь тоже продаются.

Мне очень непрозрачно намекнули, чтобы я не вякал больше. Но, не добившись желаемого результата дружки решили меня припугнуть уже силой.

А тут еще из дома «привет» прилетел — мои родители биологические по синьке оба ласты склеили. От печки угорели.

Не сказать, что я расстроился. Но пришлось все же ехать домой. Во-первых, похоронить их кроме меня было некому, во-вторых — нужно было с мозгами собраться и решить, как дружков к ногтю прижать.

Ну и приехал... И в первый же день на Аленку наткнулся.

До сих пор помню, как это было... Она как раз с речки шла.

Я даже завис на мгновение. За несколько лет, что мы не виделись, худая нескладеха превратилась в интересную штучку. Простое ситцевое платье любовно обрисовывало остренькую грудь и плавные изгибы бедер. А на ножки вообще засмотреться можно было... Но звенящее «Демьян?» быстро привело в чувство.

Аленка смотрела на меня все с тем же раздражающим обожанием. В свое время ее дурацкая любовь была поводом для насмешек надо мной. Наверное, поэтому меня от нее отталкивало. И я хотел было уже отговориться банальностью и уйти, но Алена успела первая.

Бросив короткое «Не ожидала тебя увидеть», она улыбнулась и пошла дальше.

А я, как идиот, поплелся в пустой отчий дом.

Через пять дней там уже ночевала Аленка... Пришла вроде как проведать, с документами помочь, ну и...

В районе ширинки моментально становится тесно.

Я ругаюсь сквозь зубы, пробую погрузиться в работу, но назойливые воспоминания снова и снова толкают меня в прошлое.

Как будто наяву чувствую сладковато-свежий аромат бархатной кожи и слышу тихое «ой...»

Если бы я знал, что Аленка еще нетронута — в жизни бы не прикоснулся! Или нет?

Ругаюсь уже в полный голос. Какая теперь разница?

Я был под пивом, Аленка не против... Когда симпатичная девчонка жметя к тебе так, что и без слов понятно, кто откажется?

— Черт, — выдыхаю хрипло. — Черт, черт, черт...

Слишком много думаю! Прошлое не изменить, теперь у каждого из нас своя жизнь. Надеюсь, Алена счастлива. То есть, Елена Николаевна. Зачем только эта игра со сменой имени? И каре ей совсем не идет...

Неожиданно понимаю, что не отказался бы увидеть светлые пшеничные локоны до поясицы. И задорную улыбку. У Аленки на одной щеке ямочка. Но теперь мне ее не

увидеть.

Внизу громко хлопает дверь — Юлия свалить изволила.

Вот и отлично.

Надеюсь, она в аэропорт отправилась. Нам действительно нужна передышка. Отдыхать друг от друга в принципе нормально.

Откладываю ноут в сторону и после небольших раздумий иду к шкафу.

Пробегусь немного. Рядом отличный парк, погода нормальная. Проветрю мозги, а то досих пор звон в голове от визга. А потом — экран, крепкий кофе и работа до поздней ночи. Как в старые добрые времена.

Я не люблю водить машину. Права есть, а желания нет. Боюсь и вечно хочу всем уступить дорогу, даже если горит зеленый. Помню, инструктор ругался на это.

Но сегодня пришлось сесть за руль.

Артур уехал на работу с самого утра — товар пришел раньше, и ему хотелось взглянуть самому. У водителя температура поднялась. Я заметила, что глаза Владимира как-то нездорово блестят.

Отпустила его домой, конечно.

А сама пошла в гараж — к своей любимой ласточке.

Машина скромная, по меркам Артура. Муж рассчитывал приобрести что-то посолиднее — такого хромированного монстра, но я остановила выбор на серебристо-серой легковушке среднего класса.

Никаких наворотов, понтов и прочего. Мы с Артуром даже поругались немного — ему стыдно было дарить мне такую ерунду.

Улыбаюсь, вспоминая, как муж вышагивал из угла в угол, приговаривая:

— Ты — неправильная женщина и требуешь неправильные подарки! Это твой выбор, серьезно? Именноэтамарка? Поверить не могу... Лучше бы я повез тебя в ювелирный...

Я только смеялась.

Зачем мне новые украшения? Их и так больше, чем хотелось бы. А машина очень даже миленькая. Но самое главное — компактная. Ее легко парковать.

Это давалось мне хуже всего. Наверное, инструктор после занятий со мной пил валерьянку литрами. Флажки я сшибала постоянно, габаритов машины не чувствовала совсем.

В общем, если бы был на свете конкурс на самого бестолкового водителя, я бы победила во всех номинациях.

— Ладно, — выдыхаю, поворачивая ключ в замке зажигания, — пора немного опозориться...

На работу еду черепашими темпами, плетусь еле-еле, собирая недовольные гудки и косые взгляды.

Пусть так. Лучше опоздать, чем попасть в аварию... По спине бежит неприятный холодок.

Почему-то вспоминаю трагическую историю Артура.

Муж до сих пор винит себя. И я никогда не смогу облегчить его боль. Потерять любимую жену и сына — это не просто больно, а смертельно.

Артур был раздавлен. И до сих пор не оправился... Как и я.

Позади кто-то нетерпеливо сигналил. Я крепче сжимаю руль и кошусь в зеркало заднего вида. На хвост села хищная черная тачка. Наверняка за рулем мажор. Ничего, потерпит — я почти добралась до офиса. Вот и шагбаум уже виден...

Не люблю подземную парковку, но ничего не поделать.

К моему удивлению, мажор следует за мной. Странно, не припомню таких машин у заместителей Артура... Хотя муж платит достаточно, чтобы толковые помощники могли себе ни в чем не отказывать и менять машины достаточно часто.

Я аккуратно заезжаю между бетонных столбов. Площадка уже забита, приходится

пробираться к своему месту очень аккуратно.

А по пятам за мной следует тот самый «сигнальщик». И постоянно подгоняет! Да сколько можно?!

Плотнее сжимаю губы, а внутри закипаю от негодования. Да, я медленный водитель! Зато внимательный, ответственный, и... Ох! Как мне втиснуться?!

Остановливаюсь, с отчаянием рассматривая место парковки. Две машины брошены так небрежно, что для меня остается лишь узкое пространство.

Теоретически — заехать можно, а вот на практике... Нет, мне надо поискать что-то другое!

Позади раздается хлопок двери.

А секунду спустя в окно раздается требовательный стук и злое:

— В чем проблема?!

Вздрагиваю и чувствую, как внутри все немеет.

Демьян... Его голос — словно удар хлыста. Хочется втопнуть гашетку в пол и скрыться, но, собрав нервы в кулак, заставляю себя повернуться и даже нажать кнопку стеклоподъемника.

— Никаких проблем, — произношу идеально ровным голосом. — Но если вам так не терпится, можете поискать другое место.

Кажется, Демьян обескуражен. А еще недоволен — в уголках губ появляются упрямые складки, а между темных бровей четче видна морщинка. Когда-то я любила разглаживать ее пальцами. Представляла, что так могу прогнать все его тревоги.

Демьян смешно фырчал, что не записывался к косметологу. Но никогда не отстранялся.

И сейчас он тоже не торопится оставить меня в покое.

— Алена...

— Елена Николаевна, — поправляю ледяным тоном.

И Демьян хмурится еще больше. Голубые глаза опасно темнеют.

— Елена Николаевна, — выделяет голосом мое имя, — скоро рабочий день начнется, а мы все еще на парковке ошиваемся...

Да, точно. Я беспокойно кошусь в сторону своего места. Нет, не сумею припарковаться... От одной мысли, что придется лезть между двух машин ладошки все мокрые.

— ...могу помочь... — врывается в сознание голос Демьяна.

Внутри сразу же нарастает протест. Помочь? Серьезно? Это шутка такая, что ли? Но мое негодование разбивается о железобетонное:

— ... все равно тут почти все занято.

Я до боли стискиваю зубы. Демьян прав. И у меня нет времени выпендриваться. Начальница не любит опозданий.

Молча отстегиваюсь и выхожу из машины. Демьян бросает на меня нечитабельный взгляд, но без лишних приглашений занимает место водителя.

Минута — и моя ласточка припаркована просто идеально. Кажется, если измерить расстояние линейкой, то с обеих сторон оно будет равно до миллиметра.

Но радости от этого я не испытываю. И когда Демьян с трудом выбирается из машины, тут же протягиваю руку за ключами.

— Спасибо, — бросаю сухо.

Демьян опять хмурится. И наверняка хочет что-то сказать, но у меня нет желания

слушать. Нетерпеливо двигаю рукой, и мужчина подчиняется.

На краткое мгновение наши пальцы соприкасаются, и по телу бьет разряд электрического тока. Крохотные волоски на руках и шее становятся дыбом, а кожа покрывается мурашками.

Круто развернувшись, я спешу прочь.

Дурацкое утро... Надо было заказать такси.

***

Демьян

Аккуратные каблучки отбивают четкую дробь по асфальту и моим нервам. Очень хотелось выругаться в голос, но я сильнее стискиваю зубы, переваривая очередной выпад Алены. Ах, простите — Елены Николаевны!

Не выдержав, морщусь и с силой тру шею.

Какого черта происходит вообще?

Да, в прошлом накосячил я конкретно, но... Ч-ч-черт! Никакого «но». Алена не собиралась идти мне навстречу. Да и не обязана. Она теперь не какая-то деревенская простушка, а жена одного из крупнейших бизнесменов.

И, надо признаться, Бесстужеву под стать. Словами колет, будто иголками, и никаких лишних эмоций при этом. Дымчато-серые глаза словно темные льдинки. От нежного, полного солнечной теплоты взгляда не осталось и следа.

Елене Николаевне в высшей степени плевать, насколько хорошо я припарковал машину. Она позволила помочь и только.

Стройная фигурка в серо-голубом костюме скрывается за поворотом, а меня немного отпускает.

Иду к своей тачке, размышляя, какого черта я вообще полез.

Алена явно не настроена на общение. Мне стоило бы сосредоточиться на других вещах, но когда увидел ее за рулем...

Вот же! Шел ведь парочкой матерных встряхнуть сонного водителя, а напоролся на испуганную пташку.

Да, я помнил, что Аленка боялась дороги. И у Елены Николаевны не получилось сладить с этим страхом. Я видел его отблески на дне глаз-льдинок и в уголках крепко сжатых губ. На них, как обычно, был лишь бесцветный блеск. Алена почти не пользовалась косметикой. Это Юлия ежедневно изображает из себя женщину-вампи.

Это сравнение неожиданно злит.

Хлопаю дверцей и завожу мотор. Сейчас втисну куда-нибудь тачку, а потом за работу. И выкинуть из головы лишнее! Особенно симпатичную пятую точку, обтянутую плотной тканью юбки.

У Аленки с нижними девяносто всегда был полный порядок. А сейчас еще краше стало. Мужики, наверное, шеи сворачивают ей вслед.

В машине почему-то становится душно, и я ослабляю галстук.

Не люблю костюмы, но ничего не поделаешь — дресс-код. И со всей этой ситуацией ничего тоже не сделать. Да я и не хотел... Предложение поговорить будет звучать глупо — класть Елена Николаевна хотела на мои попытки объясниться. Оправдываться я не собираюсь, лезть в семью Бесстужевых тоже... Через два месяца все дела будут сделаны — и привет, Москва.

С такими размышлениями я иду к лифту.

Но только успеваю завернуть за угол — как вижу, что створки открываются и в него заходит Алена!

И как будто в спину кто-то толкнул! Срываюсь на бег, а девушка судорожно жмет кнопку. Вот черт!

***

Не успела!

Я медленно выдыхаю, наблюдая, как Демьян протискивается в кабинку. И пространства вокруг резко становится меньше.

— Спасибо, что подождала... — сверкает голубыми глазами.

Всей кожей чувствую — злой, как черт, но извиняться я не собираюсь. Просто молчу, внимательно рассматривая блестящие двери лифта. И стараюсь не поморщиться, не то от близости Ястребовского, а может просто из-за ароматов в кабинке — до меня ею пользовался курящий. А я запах дыма не переношу.

— ... Так плохо припарковался, да? — не сдается Демьян.

Кошусь в его сторону, но выше пуговиц на темно-сером рукаве взгляда не поднимаю.

— Я уже поблагодарила, — нервно дергаю плечом. Но Демьян не думает оставлять меня в покое.

— Елена Николаевна, нам вообще-то работать вместе.

Пустяковая фраза одним махом вышибает из легких воздух. Нужно собраться и ответить так, чтобы заткнулся сразу. Я ведь это могу! Но вместо парочки метких фраз получается выдать банальное:

— К сожалению.

Демьян вспыхивает моментально — я чувствую это так же хорошо, как собственную агонию.

— У тебя еще есть время попросить своего мужа сменить поставщиков, — цедит едкою.

И вот тут сквозь душную волну боли проклевывается ярость. Вздергиваю голову и встречаюсь с небесно-голубыми глазами на прищур. Демьян злится. И даже не пытается это скрыть. Я тоже.

— Не смей заикаться о моем муже! — сжимаю кулаки до боли. — Ты и мизинца его не стоишь!

Двери распахиваются, и я пулей вылетаю из лифта.

Чувствую, как Демьян смотрит мне в след внимательно и цепко. И от этого бросает в жар.

Не хочу, чтобы он смотрел! Чтобы ходил рядом, разговаривал, дышал... Знать его не хочу! Пусть лучше исчезнет! Валит в свою Москву, о которой так мечтал и жену свою прихватит! Нужно было слушать Артура, а не играть в благородство!

Перед глазами качается багровое марево, а сердце заполошно выстукивает о ребра.

Работать нам еще вместе, как же! Пусть лучше объектами занимается или что там ему положено делать! А меня ждет...

— Ну наконец-то!

Сварливый женский голос срабатывает хлеще ушата ледяной воды.

Я машинально поворачиваюсь и едва не стону, замечая спешившую наперерез Антонину Федоровну.

В руках у моей начальницы внушительная стопка папок.

— Вот, — пихает мне их в руки, не считая должным хотя бы поздороваться. — Отнеси

их Артуру Викторовичу. И еще, в пятницу на совещании сама пойдешь — у моих деток праздник. Пять лет со дня свадьбы!

Женщина победно сверкает глазами, в которых так и плещет предвкушение отличного отдыха.

А мне плакать хочется! Какое совещание?! О чем она?

— Я ведь...

Но моя жалкая попытка пресекается непоколебимым:

— Ничего, справишься!

И Антонина Федоровна уходит, гордо расправив плечи.

А я остаюсь стоять с грудой папок и в полном раздрае.

Моя начальница уважает только одного человека — своего шефа. То, что я какая-то там жена, для нее вообще не имеет значения. Или имеет, но как повод гонять меня еще больше. А то вишь какая цаца выискалась!

Наверное, так обо мне думала эта строгая, но, надо признать, справедливая женщина.

Вздыхаю и медленно плетусь к диванчикам у окна, чтобы хоть дух перевести. А перед глазами до сих пор немного плывет и под сердцем засела остренькая иголочка паники.

Нет, я не боюсь совещания. Пусть экономист из меня аховый, но кое-что я понимаю и могу довести основную информацию.

Но мне опять придется пересечься с Демьяном... А я не хочу, чтобы Артур на это смотрел. Нет, муж не будет ревновать. Просто он все поймет. И может натворить глупостей.

Как я сегодня.

Опять вздыхаю и лезу в сумочку за мобильником.

Нужно позвонить... Давно я не использовала этот номер, но если меня жизнь и научила чему-то, так это беспокоится о здоровье заранее. В том числе и психологическом.

Три коротких гудка и в трубке рокошет мягкое:

— Здравствуйте, Елена Николаевна. Не ожидал, но готов слушать.

И напряжение сразу же отпускает. Генрих Вольфович одним своим голосом мог бы врачевать душевные раны. За это его ценили многочисленные пациенты и я в том числе.

— Здравствуйте, — отвечаю тихо и почему-то оглядываюсь по сторонам. — Генрих Вольфович, а можно... кхм... на сеанс к вам? Не терапия, нет. Просто поговорить.

Потому что мне срочно надо приводить мозги в порядок. И помочь в этом мог только квалифицированный психолог.

Ох, но как сказать об этом Артуру? Врать мужу я не могла... Но и терять лицо перед Демьяном не собиралась тоже! Хватит с меня!

— Давайте сегодня вечером в кафе на пяти углах? — предлагает мой спаситель и я облегченно вздыхаю.

— Да, конечно. Как обычно?

— Разумеется. До встречи, Елена Николаевна.

— До встречи, — повторяю эхом и первая нажимаю отбой.

Так, теперь мне надо встретиться с Артуром и все объяснить. Тем более нужно отнести отчеты... Но ноги почему-то плохо слушаются, а в голове опять звенящая пустота.

Я просто не знаю, как объясниться! Муж и так реагирует слишком остро... И будет защищать мое спокойствие даже ценой многомиллионных потерь. А ведь фирма — это можно сказать, его ребенок. Он в нее всю душу вложил!

— Господи, почему я все еще не на больничном? — бормочу, вышагивая к лестнице —

никаких больше лифтов! Сегодня мне не везет...

Новомодная зараза, которую я подцепила не так давно, обошлась со мною весьма мягко — лихорадило лишь несколько дней и без кашля обошлось. А некоторые месяцами оправится не могли. И сейчас я бы с удовольствием к ним присоединилась — это легче, чем смотреть на того, кто оставил от сердца кровотокащие лохмотья и не заметил этого.

Да и с какой стати? Демьян никогда и ничего мне не обещал... Не признавался в любви, не говорил, что нравлюсь. На кого мне обижаться? Только на собственную глупость...

Но больше никаких ошибок. А Артура я скажу, как есть. И, вздохнув поглубже, я толкаю дверь кабинета.

— Здравствуйте, Елена Николаевна! — бодро рапортует Марьяша.

Далекая родственница мужа, эта юная, но очень сообразительная девушка отлично подошла на роль секретарши.

— Здравствуй, — улыбаюсь ей. — Артур у себя?

— Разговаривает по телефону. Уже почти час.

Словно в подтверждение ее слов из-за двери доносится рычание. И я непроизвольно ежусь — так и не привыкла к жесткой хватке мужа во всем, что касается работы.

Он мог начать ругаться или уволить одним днем. Совещания проходили максимально жестко и часто на повышенных тонах.

Образ Артура-начальника совсем не соответствовал образу примерного семьянина. Но ничего не поделать — и я шагаю в клетке к тигру.

Демьян

— Черт... Да чтоб тебя!

Хлопаю крышкой ноутбука и зло ерошу волосы.

Не идет работа!

Кажется, что может быть лучше — наконец-то тишина в доме, никто не пилит мозг, Бесстужев вроде не гавкает, сегодня весь день трепался о работе, накидывал информацию — я только пометки делать успевал. И ни одного косога взгляда. Никаких лишних претензий... Так какого черта я туплю над несколькими жалкими строчками кода?

Из-за этого дебильного разговора в лифте? Зачем я вообще бросился догонять Алену? Точнее, ее Величество — Елену Николаевну!

Вскакиваю на ноги и иду к окну.

Не по-питерски солнечная погода могла бы радовать, если бы не встреча рано утром.

Маска равнодушия Алены дала трещину, но я оказался не готов увидеть за ней ненависть. Чистая и совершенно искренняя, она была словно ушат ледяной воды за пазуху.

Алена ни черта не забыла и не простила. Да, я знал, что это вряд ли возможно, но рассчитывал хотя бы на душевное спокойствие девушки, которое, может быть, даст шанс на...

Я не знал, на что именно.

Общение выглядело глупостью — у нас давно семьи, работа, разное место жительства, в конце концов.

Она в Питере, я в Москве. Нравилась мне этот город до невозможности: вечная суета, драйв, жизнь... Аленка же мечтала о высоком. Интеллигенция до мозга костей, и только со мной открытая и горячая. Была.

Теперь вместо обожания в ее глазах ненависть. Настолько жгучая, что до сих пор не по себе.

Не то, чтобы это сильно трогало, просто... Черт! Угораздило же меня тогда вернуться — отца с матерью хоронить. Лучше бы и дальше в Москве сидел. Может, к тому времени Алена поступила и вообще с радаров пропала.

С силой разминаю плечи и иду в сторону прихожей.

Надо проветрить голову.

Слишком много думаю — не моя проблема, что девчонка все еще кипит.

Я никогда своего отношения не скрывал, а что касается Аленкиной злости — плевать, не золотой, чтобы всем нравиться.

Но прилипчивая дрянь — совесть — так и вьется следом. Намекает, что надо было не ввязываться в отношения.

Не зеленый мальчик был, с опытом. Худо-бедно в девках разбирался, а вот с Аленкой промашка вышла. Которая теперь нормально работать не дает!

Выхожу на улицу и, вставив наушники в уши, включаю музыку.

Сейчас прогуляюсь, проветрю голову, и потом обратно за работу. Погода хорошая, может, даже какое-нибудь кафе поищу.

Дома пусто, хоть шаром покати. Готовить моя женушка не любила, как и убирать, и еще кучу других вещей... Зато могла организовать вечеринку до утра. Еще несколько лет назад

это казалось лучшим, что может быть, но постепенно я стал уставать от вечного праздника.

Что это за кайф, когда каждый вечер рискует скатиться в попойку? Тем более, к алкоголю у меня было особенное отношение, из-за вывертов родителей. Сыт был по горло их синими рожами... И еще в детстве дал себе зарок — никогда в такое дерьмо не превращаться.

А вот Юлия могла накидаться до беспамятства... Опять морщусь и с силой тру шею.

Так, где тут кафе приличное? Может, лучше доставку...

Додумать не успеваю — взгляд магнитит к одной из витрин, за которой...ах ты черт!

Сама Елена Николаевна! Да еще и не одна!

Застываю, внимательно разглядывая мужика в строгом твидовом костюме. Возрастной... Хоть кафе находится на противоположной части улицы, я могу разглядеть достаточно. Это что же получается, Аленку на стариков потянуло?

Внезапная догадка колет под сердцем, оставляя ощущение брезгливого разочарования.

Всякого я, конечно, ждал, но чтобы девушка до такого опустилась... Ее муженек то вообще знает, с кем ненаглядная время проводит?

Рука тянется к мобильнику — сфоткать голубков, но я успеваю себя одернуть — не мое дело.

Пусть прыгает в койку, к кому хочет, я в чужие семьи не лезу — Юлии за глаза хватает. Но вместо того, чтобы уйти, продолжаю рассматривать голубков.

Мужик тянется вперед и накрывает своей лапищей тонкую девичью кисть. У Алены красивые руки, я помню. Миниатюрные и изящные. Она не наращивает огромных ногтей, не носит кучу золотых цацок. И мне нравилось, когда теплые пальчики скользили по коже, чтобы потом...

Нет.

Закрываю глаза и медленно выдыхаю.

Бесполезные воспоминания. Тем более сейчас, когда я еще раз могу убедиться, что все бабы одинаковы.

А девушка вдруг встает из-за стола и мужик следом за ней. Обмениваются короткими фразами и направляются к выходу.

Мышцы почему-то тянет напряжением. Я внимательно наблюдаю за парочкой, ожидая сам не зная чего. Может, меня заметят? Я бы посмотрел на реакцию Алены. И ее жалкие попытки оправдаться. Но вместо того, чтобы подойти ближе, я наоборот отступаю под тень небольшого козырька.

Зря стараюсь — на меня никто не смотрит. Мужик подходит к темно-вишневому мерсу и помогает Елене Николаевне устроиться на переднем сиденье.

Та грациозно усаживается внутрь, аккуратно придерживая светлую юбочку, в которой сегодня крутила задницей перед своим мужем.

Становится мерзко. Хочется сплунуть себе под ноги, а еще лучше — купить что покрепче, и послать к черту сегодняшний день.

Дебильные ощущения. Но меня натурально передергивает от мысли, что сейчас эти двое направятся в ближайший хостел и там как следует займутся друг другом.

Словно почувствовав это, мужик оборачивается и кидает на меня быстрый взгляд. Я отвечаю наглой ухмылкой, но выпад остается без внимания — придурок быстро ныряет в салон и трогается с места.

Скатертью дорожка.

Разворачиваюсь и иду обратно.

Аппетит пропал, а перед глазами до сих пор картина воркующей парочки. Алена улыбалась, ей нравился это прилизанный старик. Но черт... как же неожиданно-неприятно было это наблюдать. Правильная девочка оказалась не такой уж святой.

Хотя мне не все ли равно? Это проблема Бесстужева, пусть за своей женой сам следит!

А настроение окончательно изгадилось. Лучше вернуться домой... И в который раз попытаться выкинуть из головы мусор. Как оказалось, место Елены Николаевны именно там.

***

— Спасибо, Генрих Вольфович! Мне правда, так неловко...

Но мой душевный врачеватель дарит мне снисходительную улыбку, приправленную ласковым:

— Дорогая, о чем мы говорили полчаса назад?

Мужчина слегка картавит. Говорит, это наследие его предков французов, осевших на территории России еще со времен Наполеона. Хотя мне Генрих Вольфович напоминал истинного арийца. Не только внешностью и именем — мужчина был профессионалом своего дела.

Год работы с ним помог заново научиться дышать. Ушли кошмары... Я больше не видела жуткие маски врачей, не брела по заляпанному кровью полу и не слышала лязг медицинских инструментов, звучащих жуткой какофонией. И не просыпалась от собственных криков

Сны ушли... И я, наконец, перестала пугать мужа своими истериками.

Господи, мне до сих пор стыдно!

Как вспомню свою первую ночь в особняке Артура, так хочется сквозь землю провалиться!

Мы тогда еще не были женаты... Я просто готовила и убирала в огромном доме за хорошие деньги. Никакого интима, разумеется. Ни я, ни Артур, не воспринимали друг друга иначе, чем знакомых, но совершенно чужих друг другу людей.

Пока однажды мне не пришлось остаться на ночь...

Едва заметно ежусь, вспоминая собственные крики и жуткий раскат грома.

Бедный Артур перепугался не на шутку — суетился надо мной и действительно хотел везти в больницу. Ну а я... Я вместо отказа, позорно разрыдалась на мужском плече. И зачем-то вывалила на ошарашенного мужчину свое горькое прошлое.

Не ждала сочувствия, правда. Но вместо того, чтобы утешить меня банальностями, а потом уволить такую крикливую истеричку, Артур рассказал про свое горе.

Об аварии, в которой погибли любимые жена и сын. А он остался, сам не зная, зачем дальше жить. Сколько раз думал о том, чтобы уйти, но каждый раз останавливался. Не мог...

«Сонечка бы ругалась», — признался тихо. — «Она у меня такая... яркая. Настоящий боец. И верующая очень была. Все говорила: жизнь — это великий дар. Разве я мог разочаровать жену?»

Вот так и началось наше сближение.

Неторопливое, спокойное и все равно странное. Нелогичное. Ведь мы так отличались во всем, кроме отношения к семье и работе.

— Опять задумались, Елена Николаевна? — щелкает языком мужчина. — Неужели наша беседа прошла впустую?

Я улыбаюсь и слегка качаю головой.

— Вы же знаете, что нет. Спасибо... Мне действительно легче. У вас всегда есть нужные слова.

Мужчина расцветает ответной улыбкой. Лукаво щурит водянистые, почти бесцветные глаза, блестит ровными зубами.

— Такая работа, Елена Николаевна, такая работа... Но если позволите, у меня к вам небольшой вопрос...

Слегка жму плечами. Конечно, почему бы и нет? Теперь я могу быть максимально откровенной, не то, что раньше, когда любая попытка проговорить прошлое вызывала дикий приступ сердечной боли. А сейчас ничего... Только ноет слегка.

— ... Задумывались ли вы о том, что, возможно, Ястребовский испытывал к вам реальные чувства?

На мгновение я теряю дар речи. Реальные чувства? Это... любовь, что ли? Может, еще и жениться хотел?! Из горла рвется сухой смешок.

Я уже собираюсь высказать все как есть, но Генрих Вольфович машет рукой.

— ...Постойте, не отвечайте. Понимаю ваш скептицизм — он обоснован. Вы неглупая и, что важнее всего, здравомыслящая девушка...

С последним я бы поспорила. Будь во мне больше здравого смысла, я бы на пушечный выстрел не подошла к Демьяну, несмотря на душевную и физическую тягу.

Что толку бросаться на шею мужчине, для которого ты всего лишь средство хорошо провести время? Да, я не могу пожаловаться на грубость или пренебрежение, но Демьян всегда выдерживал дистанцию.

Он только получал, ничего не давая взамен.

Уже потом, работая с психологом, я через боль и отрицание вспоминала о своей навязчивости. О слепом обожании, которое стирало все красные метки, что указывали на мужское равнодушие. И заодно мою гордость.

Накормить, выслушать, обогреть, предоставить в распоряжение себя... легко! Когда тонешь в пучине первых чувств, это кажется таким естественным.

Демьяну было достаточно просто улыбнуться — и я могла свернуть горы. Но реальность оказалась слишком беспощадна.

— Демьян никогда меня не любил и никогда не полюбит, — отвечаю то, что должна была признать много лет назад. — Даже если в мире вдруг исчезнут все женщины — я останусь для него никем.

Вот так.

Лучше горькая правда. Но цена ее принятия оказалась чудовищна.

Генрих Вольфович едва слышно прицокивает — всегда так делает, когда размышляет о чем-то или готов провести разъяснительную беседу.

На последнее у меня практически нет времени — Артур скоро вернется, и мне бы не хотелось, чтобы мужчины встретились.

Нет, не из-за возможной сцены ревности — для Артура это вообще не характерно. Да и мужчины друг друга знают. Просто... Сегодня я так и не сказала мужу, куда направлюсь после работы. Не пришлось к слову.

Едва зашла в кабинет, как почти сразу же из него вылетела — Артур ругался с одним из своих многочисленных замов. В такие моменты мужу явно не до разговоров, ну а потом... Потом меня затянула работа. Весь день прошел в суете и беготне. Молоденькая практикантка, за которую я поручилась, допустила пару ошибок, и мне пришлось их

исправлять. Сама виновата.

К концу рабочего дня оказалось, что Артур уехал на очередную важную встречу. Ну а я... Я поехала к психологу.

Нет, надо все рассказать мужу. Сегодня же.

Тепло прощаюсь с Генрихом Вольфовичем и направляюсь к дому. Надо успеть разогреть ужин. На голодный желудок Артур не сильно доброжелателен. Нет, он не станет ругаться. Но точно даст Ястребовскийу пинка.

Где-то глубоко в сердце потирает лапки злорадство. Уговаривает пожаловаться как следует, чтобы на следующий день подонка вышвырнули прилюдно, но я старательно давлю в себе это мерзкое чувство.

И так уже отличилась.

Показала себя обиженной, которую все еще волнует прошлое. Представляю, как смешно было Ястребовскому. Ну что сказать, молодец. Он своего не упустил. Это я — дура, поверившая в выдуманное «долго и счастливо».

Пытаюсь попасть карточкой в замок и понимаю, что руки все еще дрожат.

Так не пойдет.

Останавливаюсь, делаю три глубоких вдоха и...

За спиной слышится звук приближающегося авто.

Артур!

Руки начинают трястись еще сильнее. Он ведь обязательно спросит, где я задержалась! Кое-как, но открываю дверь и залетаю в прихожую. Ох, как хорошо, что погода достаточно теплая и не надо снимать с себя кучу вещей!

Туфли отправляются на стойку, а я на кухню. Набрасываю передник, зажигаю плиту и только успеваю достать кастрюли из холодильника, как в доме появляется муж.

— Я в ванную! — рычит с порога и отшвырнув портфель мчится мимо, на ходу стаскивая с себя рубашку.

Ой-ой... Меня даже немного отпускает.

Когда Артур не просто зол, а в бешенстве, он всегда первым делом лезет под ледяной душ. Завел себе такую привычку, после того, как однажды сорвался и накричал на меня из-за пустяка. Мы тогда хоть и были женаты, но еще не спали. Наш брак был в полном смысле фиктивным, как и задумывалось изначально.

Я не обиделась тогда, но Артур очень переживал. До сих пор старается не подходить ко мне, пока не остынет.

А остывать он может долго.

За это время я успеваю разогреть ужин, сервировать стол и даже переодеться. Когда Артур, наконец, появляется в гостиной, я сижу за столом и просматриваю рабочий чат.

— Антонина Федоровна мне документы скинула, — первой начинаю разговор, чтобы прощупать почву. — Может, заменишь меня, а? Не справлюсь я на совещании. Опозорюсь.

Артур раздражено дергает плечом. Капельки воды стекают по шее и вниз, к широкой груди. Мой муж может похвастать подтянутой фигурой. Может, не супер-мускулистой, с кубиками и бицепсами, как у Демьяна... Одергиваю себя и вновь утыкаюсь в телефон.

Кажется, Артур этого не замечает. С шумом отодвигает стул и усаживается, при этом чуть не смахнув тарелку.

— Вот же... — начинает и тут же одергивает себя. — прости. Сумасшедший день. На стройке ЧП.

Меня в пот кидает.

— Без жертв?

— К счастью. Если не считать жертвами мои нервные клетки, — зло тычет вилкой в стейк. — Нет, ты представляешь — запороть уже на фундаменте, а? Понабирают по объявлениям...

Артур входит в раж и начинает чихвостить всех — от сметчика до бригадира. И заму досталось — за то, что решил на специалистах сэкономить. Муж по праву гордился фирмой. Элита строительного бизнеса — все работы на пять с плюсом. При этом ценник не задран до небес. И за всем этим стояло фантастическое трудолюбие Артура Бесстужева. Его вьедливость и строгость.

Я терпеливо слушаю мужа.

Ему надо высказаться, а я... Я, пожалуй, сегодня промолчу. В конце концов скрывать ничего не собираюсь, просто валить на Артура еще и свои проблемы — это не честно.

Тем более сейчас он в том состоянии, когда может легко указать Ястребовскому на дверь, а ведь контракт действительно выгодный. Тем более у фирмы сейчас проблемы с работами — а это убытки.

— ...Завтра же уволю этого придурка! — муж хлопает ладонью по столу, и я вздрагиваю. — Совсем страх потерял. На его место назначу Витко. Он давно в замы метит.

А я понимаю, что не дышала все это время. Испугалась, что Артур говорит про Ястребовского? Да нет, быть не может.

Отправляю в рот кусочек стейка и старательно жую, чтобы скрыть смятение и недовольство. Похоже, одним посещением Генриха Вольфовича я не отделаюсь.

А Артур замолкает и двигает к себе десерт.

Ест сосредоточенно и быстро.

— Прости, опять я сорвался, — ворчит, не поднимая глаз от тарелки. — Сегодня мне нужно будет поработать.

А я качаю головой. Ну что за глупости? На то и жена, чтобы слушать. Демьяна я тоже слушала... Только вместо того, чтобы нырять с головой в работу, он меня в охапку хватал и...

Откладываю вилку в сторону и первой встаю из-за стола. Подхожу к мужу.

— Артур, ну что за глупости? — шепчу, обнимая за шею. — А может, отдохнешь?

Между нами никогда не кипели африканские страсти, но сейчас мне очень нужны крепкие мужские объятия. Не хочу больше думать о Ястребовском! Пусть сгинет, а я вернусь в привычный и такой уютный для меня ритм жизни, где все понятно и ничего не болит.

А муж гладит меня по руке и отстраняется.

— Прости, родная. Ты же знаешь, как важен этот проект.

— Знаю.

Я целую мужа в щеку, а внутри колет по-женски глупая обида. У Артура все проекты важные. За каждым он ходит, как будто на пьедестал ставить хочет.

Настроение становится гаже некуда.

К счастью, мужу опять звонят, и он просто не замечает моих поджатых губ и бегающего взгляда.

Артур уходит в кабинет, а я принимаюсь за уборку. Уж это занятие мне точно поможет собраться. Когда-то именно любовь к порядку и кулинарии привела меня в дом Артура.

Со временем я стала тут хозяйкой. От горничной и фиктивной жены к жене

полноправной. Глупо позволять прошлому разрушить настоящее.

Но впервые мне стало по-настоящему обидно, что Артур предпочел работу.

Демьян

Очень мне хотелось посмотреть в глаза Елене Николаевне после того, как я застал сладкую парочку в кафе. Как на зло несколько дней госпожа Бесстужева — или Бесстыжева? — не попадала в поле зрения.

С силой тру перенощицу и ослабляю галстук.

Совсем крыша поехала — в чужую постель лезть. Это дело Бесстужева — нехватка кальция в организме. Но не отпускает ведь!

Не могу представить Аленку, раздвигающую ноги перед каким-то левым мужиком. Не вяжется образ прошлого с нынешним, хоть ты убейся.

Может, поэтому так цепляет? Хочется на сто процентов убедиться, что ничего особенного в умнице-отличнице нет и не было.

— ...Ой, да ладно тебе, Валь. Юбочки-реснички... Ты шефу нафиг не сдалась. А будешь задницей крутить — вылетишь. Он так уже троих уволил.

Тихий разговор, доносившийся из-за приоткрытой двери бухгалтеров, заставляет остановиться.

Ненавижу сплетни. Но вместо того, чтобы просто зайти в отдел и тем самым прервать поток бреда, я внимательно слушаю.

— У меня бронь, — хмыкает другая девица. Наверное, та самая Валя. — А брак у них все равно фиктивный!

Вот сейчас мне становится очень интересно. Как я раньше не додумался? Это многое объясняет. И отсутствие детей тоже.

Каюсь, вчера любопытствовал немного о семье Бесстужевых. Уже три года в браке, а без наследников. Помнится, Аленка очень трепетно к детям относилась, и они ее обожали. А для меня это еще один минус — раньше сорока отцом становится не планировал.

— ... А эта курица белобрысая мне не конкурентка, — продолжает Валя. — Я ее быстро к ногтю прижму.

— Елена Николаевна тебя на стажировку устроила, — замечает кто-то.

А девчонка только смеется:

— Сама виновата, значит.

Внутри болезненно екает. И треклятая совесть опять дает о себе знать — ставит в один ряд с этой дурой неблагодарной. Я ведь Аленой тоже, по сути, воспользовался. Морщусь и все-таки захожу в кабинет.

При виде меня женщины мигом затыкаются.

Валю узнаю безошибочно — типаж уж больно характерный. Стервозненький такой, но с деревенским проносом. Очевидно приняв мое внимание за интерес, девка игриво хлопает наращёнными ресницами и заправляет за ушко темный локон.

— Ой, здравствуйте, — тянет кокетливо.

А у самой взгляд наглый и хитрый, как у лисы.

Игнорирую приветствие и разворачиваюсь к одной из ее коллег.

— Я за сметами, — бросаю сухо. — Вам должны были позвонить.

Полная, похожая на колобок, женщина начинает суетиться.

— Да-да, конечно. Сейчас, — суетливо перебирает папки.

А между лопаток жжет оценивающий взгляд Валентины, или как ее там. Девчонка даже не пытается скрыть интерес и этим до жути напоминает Юлию. Она всегда напролом перла. Первая подсела в клубе, ну а потом завертелось все.

Мысленно ругаюсь, вспоминая последний наш разговор. Несколько дней от благоверной ни слуху ни духу — характер показывает. А я не горю желанием опять слышать дебилские обвинения. Надоела. Пусть ее Оболенский выгуливает. Вчера мне сообщения все слал — очень уж за контракт дрожит. И за дочурку свою заодно... Все мечтает сделать из нее домашнюю девочку. Таковую, как Алена.

Морщусь, недовольный собственными мыслями. Не командировка — одно наказание.

— Пожалуйста, — женщина наконец-то протягивает мне нужную папку.

Отлично!

Совещание вот-вот начнется, и мне лучше бы не опаздывать.

Благодарю и, перехватив папку, делаю шаг из кабинета.

И чуть не влетаю напрямиком в — надо же! — саму Елену Николаевну! Но ничего сказать не успеваю — девушка шарахается в сторону, как от прокаженного, а в следующее мгновение я уже ловлю ее около самого пола.

***

— Пусти!

Бью локтем и попадаю во что-то твердое.

Боли не чувствую — только дикое желание освободиться от крепкой мужской хватки. Демьян очень сильный, я помню. И отчаянно пытаюсь забыть!

— Простите Елена Николаевна, — рычит Демьян. — В следующий раз будете ходить с отбитой задницей.

И, аккуратно поставив на ноги, отступает на шаг.

А я нервно одергиваю пиджак, краем глаза замечая любопытные взгляды из бухгалтерии.

Очень хочется громко ругаться или, лучше, бежать прочь. Хуже места для встречи с Ястребовским придумать нельзя! Теперь слухи поползут да такие, что заранее противно. Хорошо, что Артур не ревнует, но и повода я не даю. А тут... Ох, скорее бы Демьян улетел в свою Москву.

— Уж лучше отбитая задница, — парирую максимально холодно. — До свидания.

Пытаюсь обогнуть мужчину, но Демьян даже не думает отступать в сторону.

Внутри неприятно тянет. У меня нет желания проводить рядом с Демьяном на секунду больше чем надо. Но и на людях много не выскажешь. А может, это к лучшему.

— Не так быстро, Елена Николаевна, — Демьян опасно щурится, на высоких скулах играют желваки. — У меня тут авария, — кивает на разлетевшиеся листы бумаги. — Из-за вас, между прочим.

На мгновение теряю дар речи.

Это что же, Ястребовский мне на коленях ползать предлагает?

— Я уверена, у вас хватит интеллекта справиться с этой задачей самостоятельно, — будто со стороны слышу свой голос.

И, развернувшись, иду обратно к лифту. А нервы как натянутые струны дрожат. И походка деревянная, неживая.

К счастью, Демьян не торопится меня догонять. И это хорошо. Я отчаянно нуждаюсь в передышке.

Залетаю в первую же подвернувшуюся уборную и бегом к зеркалу. Шиплю сквозь зубы, недовольно осматривая себя. Позорище, слов нет! Щеки красные, глаза блестят.

Для полноты картины осталось только разрыдаться перед Ястребовским и попытаться ему пощечину залепить.

Когда-то этого очень хотелось. Захлебываясь горькой болью, я мечтала то подкараулить Демьяна и высказать ему все, то встретить с холодным достоинством.

Показать, что больше он для меня ничего не значит.

Но и на это я оказалась не способна. Выдержала всего один жалкий вечер, а теперь вот стою в туалете и пытаюсь привести себя в порядок.

Глубоко вздохнув, я кладу папку с документами рядом с раковиной и лезу в карман за блеском для губ.

От нервов опять искусала и съела. Дурная привычка, но сейчас она может сыграть со мной злую шутку — Артур всегда подмечал изменения в моей внешности.

Даже, когда мы не были женаты, обязательно делала комплимент макияжу или стрижке. Потом признался, что любит, когда женщина пользуется всякими «штучками». Но в меру. Я не любила краситься. И все же выработала у себя такую привычку. И сейчас муж мог заметить, что блеска нет, а тушь слегка осыпалась, когда я неосторожно потерла глаза. Да и весь мой вид уж слишком взъерошенный.

Быстренько привожу себя в порядок. Но едва успеваю закрутить колпачок и поправить волосы, как дверь уборной хлопает.

— Ой, Елена Николаевна! Здравствуйте, — щебечет Валентина — та самая практикантка, за которую я похлопотала перед Артуром.

— Здравствуй, Валя, — улыбаюсь девушке, а сама не могу не обрадоваться, что закончила приводить себя в порядок.

Все же Валентина могла бы по глупости лишнего наболтать.

А девушка улыбается, чисто и так легко, что становится стыдно. Нет, Валя не станет. Она вообще очень добрая и открытая. Мы познакомились в кафе, она там официанткой работала. После того, как отчислили ее. А домой возвращаться стыдно было.

— Я сразу поняла, что вы здесь, — взмахивает рукой. — Духи уж больно вкусные.

— Спасибо, — улыбаюсь в ответ. — Мне тоже нравятся.

Их я выбирала сама, очень долго. Артур сначала пытался дарить, но все время приносил не то.

— Простите, конечно, а вы не ушиблись? Я просто видела, ну...

Девушка смущенно замолкает и хлопает пушистыми ресницами. Нарощенные, сразу видно. Но ей идет. А вот любопытство не очень.

— Нет, не ушиблась. Но спасибо, что спросила, — подхватываю папку и направляюсь к выходу. — До свидания, Валя.

— До свидания, — летит в спину.

Почему-то кажется, что девушка смотрит на мои ноги. Зачем? Но как следует подумать об этом нет времени — совещание вот-вот начнется. А у меня до сих пор внутри все дрожит. Ох, только бы там не было Демьяна...

Демьян

Захожу в зал одним из самых последних.

Бесстужев поджимает губы, но больше ничем не выдает своего недовольства. А у меня руки зудят швырнуть папку на стол и свалить из этого гребанного цирка.

Внутри кипит и колет.

Я очередной раз повелся. А их Высочество Елена Николаевна опять изволили показать зубки. С другими я такие выпады на раз отбивал. А тут из головы не идет — засело ржавым гвоздем и все ковыряет, ковыряет... Полнейший бред!

Мне нет дела до этой по сути незнакомой женщины. Та Аленка, которую я знал, исчезла.

В груди неприятно тянет — я отлично понимаю, что и сам к этому руку приложил. Но все-равно — это не повод грузиться по пустякам. Девчонка не видела, куда бежала, я помог чисто на инстинктах. Любой бы так поступил.

Но перед глазами до сих пор напряженное лицо девушки, а в воздухе витает тонкий запах духов. Очень вкусные! Что-то такое нежно-воздушное, легкое. Почти не чувствуется, но запоминаешь намертво. Это не убойная смесь Юлии, по следу которой можно женушку в Москве без навигатора найти. Нет... Запах духов Елены Николаевны был... Аленкин. В нем чувствовалось солнце, ранее летнее утро и мокрые от росы лепестки цветов.

Молча прохожу к своему месту и устраиваюсь удобнее.

Терпеть не могу все вот это.

Да, сначала пытался «влиться». Попробовать другую сферу деятельности, добросовестно угробил на это три года, прежде чем понял — не мое. И Оболенский мне жизни не даст. Так что уже несколько лет я тихонько готовлю себе запасной аэродром.

Есть своя берлога, купленная через третьи руки, счет в банке. Но самое главное, об этом не знает никто кроме меня.

Мысленно хмыкаю и открываю папку.

Если повезет — это будет мое последнее задание. Не стоило на него соглашаться, конечно. Сглупил...

— Прошу прощение за опоздание, — звенит тонкий голос, и я чувствую, как унявшееся напряжение выкручивает нервы с новой силой.

А она то что здесь забыла?!

***

Захожу, не чувствуя под собой ног.

Нельзя было рассчитывать, что сегодняшние неприятности закончатся. И вообще — Ястребовский представитель «Вектор Элит». Без него совещания не будет. Но как же хотелось надеяться!

Взгляд нервно бежит по конференц залу и останавливается на муже.

Артур ободряюще улыбается, но сам уже весь в работе — ничего не замечает. Хотелось бы и мне таких нервов... А то веду себя, как истеричка со стажем.

Незаметно вдыхаю, отчаянно пытаюсь вспомнить о дыхательной гимнастике, которую мне советовал Генрих Вольфович. Ничего не выходит!

Нет, лучше думать о цифрах. Они понятные, логичные, скучные... Я их не люблю.

Никогда не любила. Но умею запоминать.

Устраиваюсь в кресле и открываю папку, пробегаюсь глазами по намеченному плану.

Вчера вечером я старательно заучивала текст своего выступления. Даже перед зеркалом репетировала. Если напортачу — Антонина Федоровна меня собственноручно придушит.

А может, так и сделать? Пусть ругается, зато не придется видеть Ястребовского.

Ненавижу себя, но взгляд так и магнитит в сторону — где на кресле развалился Демьян. Он то себя чувствует прекрасно. Можно сказать, уверенно. Всегда был таким — наглым и цепким. Это глупенькая Аленка терялась от любого косога взгляда, а Ястребовский нет. Негласный лидер нашей компании, он достойно сдерживал удары. Мог в ответ таким трехэтажным обложить, что я только уши затыкала. Особенно, когда мальчишки начинали дразнить его мной. Моими чувствами.

Демьян этого очень не любил. И меня тоже.

Незаметно прикусываю внутреннюю сторону щеки и стараюсь изо всех сил сосредоточиться на работе.

Нет больше Алены. Есть Елена Николаевна, которая замужем и очень не хочет подвести мужа.

Артур начинает совещание.

Встает, подходит к доске, на которой отображаются данные. Начинает говорить и так, что заслушаться можно. Легко все, складно. Он знает свою фирму назубок. Кто чем дышит, как работает. Дома в компьютере у него все данные. Я туда не сунусь, да и муж не предлагает — это его детище. Знаю, что Артур его вместе с бывшей женой дело начинал, потом она юристом тут работала... Обмолвился, как много Соня сделала. Порою из такого вытаскивала — поверить невозможно.

Поэтому и я захотела быть полезной. По части законов у меня знаний нет, а вот с экономикой немного справляюсь.

— ... Передаю слово моей уважаемой супруге, Елене Николаевне!

Вздрагиваю, не готовая услышать свое имя так быстро. Но тело реагирует без участия мозгов — встаю из-за стола и иду к Артуру.

А между лопаток сверлит тяжелый взгляд Ястребовского.

Пусть утрется, я не собираюсь портить мужу совещание.

— Твоя очередь, Елена Премудрая, — шепчет Артур.

И от этой бесхитростной поддержке становится легче дышать. Да, только с Артуром я смогла хоть немного, но почувствовать себя живой.

Благодарю его взглядом и поворачиваюсь к притихшим мужчинам. Время показать, на что я способна.

***

Демьян

В кабинете тишина — только Елена Николаевна щебечет райской пташкой. Строгая, как учительница, водит лазерной указкой по графикам, выдает цифру за цифрой и, черт возьми, ее слушают! Но совсем не потому, что она жена босса.

Мысленно ругаюсь.

Любая могла бы подготовиться — это не трудно. Но внутри настырненько скребется ощущение того, что вру сам себе.

Нет, не любая. Супруга моя, вечно молодая и пьяная, минуты бы не продержалась. Запнулась уже на приветствии, а Аленка шпарит, как по писанному.

Очки сверкают, спина прямая, вид решительный и уверенный, но я знаю — все это далось ценой нормальных таких усилий.

Алена никогда не тяготела к расчётам. Да, закончила школу с золотой медалью. Но грезила не прибыли или эффективность высчитывать, а подала документы на дизайнера. И провалилась, конечно. Нет, на платное прошла, да только куда ей потянуть такие суммы.

Решила, что в следующем году опять попытается, но... Внутри опять стягивает холодком. В то лето, перед поступлением, у нас все и завертелось.

И как не отрещивайся, это ведь и я виноват, что Алена теперь тут стоит и цифры надиктовывает. Вряд ли она тогда подавала документы... Хотя я предлагал достаточно, для того, чтобы девушка училась платно.

— ... Таким образом, экономия становится очевидной, — победоносно заканчивает Елена Николаевна и под негромкие хлопки идет на свое место.

Губы сжаты в нитку, на щеках небольшая бледность — волновалась все же, а взгляд так и тянется к мужу. Елене Николаевне не нужна похвала, но Аленка, как и прежде, ждет одобрения.

Бесстужев сияет раздражающей улыбкой.

Он доволен своей женой, а я... я какого-то черта злюсь. Хотя должен радоваться, что Алена не оказалась на обочине жизни.

Это сейчас я понимаю, что влюбленная девятнадцатилетняя девчонка могла с собой что-нибудь сделать, или спится нафиг, а вот поди ж ты. Цепляет что-то. Не дает отмахнуться, каждый раз будоража ненужные воспоминания.

Нет, я не ревную. Но чертовски сильно хотелось бы обратно отмотать. Не дать Алене повода думать, что существуем «мы». И на Юлии я бы тоже не женился...

Эта мысль коготками проводит по нервам и застревает в голове. Не то, чтобы я рассматривал вариант с разводом, но... Черт. Все слишком сложно! Наши отношения давно пошли в разнос. Такое ведь бывает.

Елена Николаевна вон вообще, с другим мужиком по кафе ходит.

Но вместо успокоения чувствую желание поморщиться. Веду себя, словно истеричка. Давно ли мне дело есть до того, что творится в чужих семьях?

Но успокоиться не получается.

В голове опять разброд и шатание, и ни одной мысли о работе. Хочется сорвать с себя удавку галстука, но... Я опять смотрю на сидящую поодаль девушку. Она тянет ручку к губам. Одергивает себя и снова, задумавшись, тянет.

Внутри Елены Николаевны прячется Аленка, которую я знал. Но теперь вместо обожания в ее глазах кипит ненависть. Заслужил, знаю.

Одно это достаточный повод держаться от нее подальше. Хватит уже, и так влез куда ни надо.

Но сегодня не мой день.

С места поднимается Витко — один из тех, с кем я работаю. Складами заведует. Очень назойливый мужик, мне сразу не понравился, хоть и ведет себя подчеркнута вежливо. Вот и сейчас на остроносом лице застыла почтительная улыбка.

— Уважаемый Артур Романович, — обращается к Бесстужеву. — Мне завтра новый товар принимать, документацию под проект готовить. А наша уважаемая Антонина Федоровна отдыхает. Я без претензий, вижу — очень хорошо она свою заместительницу подготовила. Может, Елена Николаевна со мной поедет? — поворачивается к Аленке.

Бесстужев тоже смотрит на жену. Хочет что-то сказать, но девушка успевает первой.

— Я не против, — отвечает легко.

А мне в который раз выругаться хочется. Дорогая Елена Николаевна не знает, кто составит им с Витко компанию. И что-то мне подсказывает, день пройдет офигеть как интересно.

Господи, какая же я дура! Идиотка! Самая настоящая овца!

Сколько раз себе говорила: Алена, не высовывайся. Не открывай рот — ничего хорошего из этого не выйдет.

Так было с отчимом, когда я посмела дать вечно-пьяной сволочи отпор, а он в отместку заставил маму выбирать между личной жизнью и дочерью. Так я оказалась у бабушки — ненужная, брошенная.

Так было с Демьяном, когда я встретила его вернувшегося из Москвы. Повзрослевшего, возмужавшего и настолько красивого, что едва успокоившееся сердце опять разогналось до сверхзвуковых.

Так случилось и сейчас.

— Елена Николаевна, что ж вы все с планшетом и с планшетом. Посмотрите, красота какая за окном.

Витко трещал не умокая, силясь вывести меня на разговор.

А в затылок сверлил тяжелый взгляд Демьяна.

Ястребовский расположился на заднем сиденье.

Сегодня мне не повезло по полной программе — машина Демьяна отказалась ехать. Черт его знает, почему, я не разбираюсь в механике, но вот эпитеты, адресованные железному монстру, запомню надолго.

А еще недовольно поджатые губы и холод в голубых глазах.

Не нравилась бедняжке перспектива ехать с нами в одной машине. Мне тоже. Но, придав лицу самый равнодушный вид, я погрузилась в изучение сброшенной мне информации.

Артур был не доволен моим согласием составить компанию Витко. Предлагал заменить. Мужу это запросто — только пальцами щелкнуть. Но пойти на это я никак не могла. Тогда все решат, что Елена Бесстужева — обычная балаболка. Сначала языком треплет, потом заднюю включает.

Так что теперь приходилось ехать молча, мысленно ругая себя за болтливость. Поймала кураж, называется. Лучше бы язык прикусила...

— Приехали, — радостно сообщает Витко. И первый выпрыгивает из машины.

Пока я вожусь с ремнем, открывает дверь и галантно предлагает мне руку. Приходится изображать из себя леди и принять помощь.

Это не слишком приятно. Витко мне не нравится своей показной вежливостью и настырностью. Всюду влезть мог. Разведать, разнюхать, разузнать... Это в нем Артур и ценил.

— Может, сначала хотите отдохнуть? — не перестает отыгрывать галантность. — Тут есть замечательное кафе.

— Спасибо, я завтракала, — отзываюсь растерянно.

Здание перед нами огромно. И как бы я не хотела, но вряд ли рабочий день получится сократить. А Витко цокает и хитро щурит глазки-косточки.

— Как скажете, Елена Николаевна, как скажете... Но кофе здесь на диво хорош.

— Елена Николаевна предпочитает чай, — бьет в спину хриловатый голос.

А меня из озноба в жар бросает. Помнит, значит. Только теперь это не важно. Да и

никогда не было важно. У Ястребовского просто хорошая память. Да и я сделала все, чтобы запомнится. Глупая влюбленная дура.

— Елена Николаевна предпочитает начать работать, — бросаю, не оборачиваясь. Надо поскорее абстрагироваться.

Счет в этом плане очень хорошо помогал, хоть я его и не любила. Никогда не думала, что подамся в экономику, на дизайнера интерьеров поступала. Получилось только на платное — в тот год конкурс был бешенный. А если бы поступила, то...

Обрываю себя, не давая мрачным воспоминаниям захлестнуть с головой.

— Ах, Елена Николаевна, — оживляется Витко. — Идеальная вы женщина, так уважаемому Артуру Романовичу и передайте. Где мои двадцать пять лет...

***

Демьян

Да этот урод ее клеит!

Или Аленка слепая и глухая, или... Я не знаю. Но так равнодушно реагировать на откровенные подкаты — это за гранью. Не кстати думаю, что Юлия бы уже кокетничала во всю. Ей плевать какого возраста мужик комплиментами сыпет. Всегда бесила эта ненасытность в плане подтверждения собственной значимости.

А Елене Николаевне все равно. Подбородок вверх, планшет под мышку — и цокает к складу, деловито осматриваясь по сторонам.

В груди под толщей противоречивых и откровенно дурацких эмоций шевелится уважение. Ведь реально настроена работать. А как на совещании выступала — заслушаться можно.

Уверен на все сто, как бы Алена ко мне не относилась, но дело пойдет.

И не ошибся.

Едва только переступаем за порог склада — Елена Николаевна активирует планшет и готовится вести финансовый учет. А взгляд отстраненный такой. Прямо неживой. Словно это не девушка, а робот в темном брючном костюме. Фигуристый такой, элегантный...

Мысленно одергиваю себя и обращаюсь к Витко.

— Товар ночью должны были отгрузить. Хочу осмотреть лично.

А то по документам одно может быть, а в реале другое.

«Вектор-Элит» на этом и попал. Юлия свинью подложила. Лень ей было по холоду таскаться и с мужиками работать. Наподписывала не глядя, еле разгребли. Оболенский тогда злющий как черт был, уволил дочурку, не пожалел. Да та и не плакала особенно. Все равно отец деньгами исправно снабжает.

Мысленно хмыкаю.

Не повезло ему, конечно. Не знаю, в кого у Юлии характер, но точно не в Оболенского.

А Витко, как флагман, шествует по складу, попутно объясняя, что и где находится. Елена Николаевна за ним. Головой по сторонам вертит, с рабочими вежливо здоровается.

А я ловлю себя на мысли, что мне нравится видеть эту... человечность? Да, наверное, так. Из Елены Николаевны получится хорошая начальница, а не стерва, орущая на всех в подряд.

Через некоторое время заходим в секцию, куда отгрузилась «Вектор-Элит».

Елена Николаевна косится в мою сторону, но ничего не говорит.

Вот и отлично. У меня тоже нет настроения на лишний треп. Хватит с меня попытки сбить напор Витко. Только еще один щелчок получил. Так что пусть сама разбирается. И не

выпрашивает пять минут для перерыва. Работы сегодня валом будет.

***

— Елена Николаевна, я, конечно, все понимаю, но может отдохнете?

Голос Витко доносится откуда-то издалека.

Отрываю взгляд от планшета и машинально поправляю очки. Отдохнуть? Да вроде бы... Ох, три часа дня?!

Усиленно тру виски, чтобы прогнать морок и легкую головную боль. Нужно выпить таблетку, иначе вечером меня ждет мигрень. И Витко прав — отдохнуть не мешало бы. Так старалась отгородиться от реальности, что не заметила, как пропала в работе. Кажется, начинаю понимать Артура... он ведь тоже фирмой дышал. До сих пор так.

Снимаю очки и поворачиваюсь к сумке. Но рука застывает в воздухе — рядом устроился Демьян. И смотрит внимательно так.

— Зря торопитесь, Елена Николаевна, — замечает обманчиво спокойно. — Тут работы на несколько дней.

Черт! Рефлекторно сжимаю карандаш, но мгновением позже заставляю себя расслабиться. Мне на это плевать. Завтра начальница выходит, пусть она и...

— А ведь правда, — тут же оживляется Витко. — Зачем дражайшую Антонину Федоровну тревожить? Давайте уже с вами доработаем.

Сказал — как будто нож к горлу приставил. Отказаться нельзя, сразу разговоры пойдут. Не справилась, испугалась... Да я бы и неделю здесь провела, но одна!

Мысленно проклиная Демьяна за подставу. Наверняка мне нервы потрепать хочет! Но Ястребовский не спешит сверкать белозубой усмешкой победителя. Почему-то хмурится.

— Я, кхм... не против, — давлю из себя вымучено.

А нервы как струны звенят.

Но не только из-за перспективы работать с Ястребовским всю неделю. Нужно сказать Артуру. А муж будет не слишком доволен.

— Отлично! — хлопает в ладоши Витко. — А теперь, если позволите, сманиваю вас на обед, — протягивает руку.

В животе голодно бурчит. Но идти куда-то совсем не хочется, только не с Демьяном. Пусть шурует в кафе. А лучше обратно в Москву. Но, безмятежно улыбнувшись, я принимаю приглашение.

— Спасибо, что так внимательны, — опираюсь на предложенный локоть. — Редкое качество в мужчинах...

Ястребовский опалает таким взглядом, что еще немного — и прожжет насквозь. На высоких скулах играют желваки, а между бровей появляется глубокая вертикальная морщинка.

А я прикусываю язык. Хватит, Алена. То есть, Елена. Каждый твой выпад — его победа. Ведь самое болезненное, это не ненависть, а равнодушие. О, как я хочу его испытывать! Как желаю смотреть на Демьяна, и не чувствовать вообще ничего! Но не получается... Покане получается. Но однажды я этого добьюсь.

Витко ведет нас в кафе, расположенное в двадцати метрах от склада. Обычная, средней руки забегаловка, но разделенная на две зоны — для складских рабочих и публики по солиднее.

На самом деле мне все равно. И я бы с удовольствием присела за первый попавшийся стол, но рядом возникает администратор кафе.

— Арнольд Денисович, — мурлычет с улыбкой чеширского кота, — день добрый. Как обычно?

Витко кивает.

— И меню для моих спутников, — добавляет в тон администратору.

Кажется, эти двое хорошо знакомы.

Но мне все равно. Скорее бы поесть и дальше за работу.

Обслуживают нас действительно быстро. Я выбираю рагу и салат. А вот от десерта отказываюсь — у меня свой есть.

Печенье вчера пекла, ну и закинула в сумку несколько шгучек — для перекуса. Не возить же их туда-сюда. Без задней мысли достаю жестяную коробочку. Нарядная и яркая, она выглядит магазинной.

— Ничего себе, — тут же оживляется Витко. — Какая интересная марка... Не видел такого.

Я только плечами жму.

— И не увидите. Сама делала. Угощайтесь, — подвигаю ближе.

Витко тут же подцепляет одно. Они неплохо получились, знаю. Имбирные, с цукатами... Артур любит мою выпечку. И Ястребовский когда-то тоже...

Морщусь, с трудом отгоняя не нужные воспоминания. Но против воли кошусь на Демьяна — он сосредоточенно отправляет в рот один кусок мяса за другим. На печенье ноль внимания. Ему все равно.

Под сердцем скребётся глупая обида. Надо было заказать десерт, а не выделываться.

Витко начинает трещать о всяких пустяках, а я и в самом деле теряю аппетит. Хочется встать и уйти, но перед этим шарахнуть тарелкой об пол.

Глупо. И унижительно. Как же хорошо было думать, что я справилась с прошлым. А оказалось не так. Хрупкий лед контроля проломился, и теперь я захлебывалась в ледяной горечи прошлого.

Воздуха становится меньше, и я пытаюсь переключить внимание на телефон.

Как будто мне во спасение, на него приходит смс. Артур!

Скорее открываю.

И тут же радость стремительно испаряется.

«Привет, Елена Прекрасная. Попал в ДТП. Не волнуйся, со мной все хорошо».

Но я уже на ногах и торопливо собираю сумку.

— Мне надо отлучиться, — отрывисто бросаю Витко. — Срочно.

Мужчина выглядит обескураженно. Но мне плевать. Руки трясутся, а перед глазами плывет.

Артур не мог попасть в ДТП! Он же... Он очень осторожно водит! С тех самых пор как... Нет! Он точно не мог сглупить на дороге. И реакция у него хорошая! А если... Ох! Если он в ранен?! Сломал себе что-нибудь?!

— Елена Николаевна! — доносится откуда-то издалека голос Витко. — Я вас подброшу! Только, кхм, на склад с бегаю. Мне тут сообщили, что товар пришел.

Глазки-косточки виновато бегают. Не хочет ехать, знаю. Но я и не собираюсь напрашиваться. Поэтому:

— Такси закажу.

— Я отвезу.

Наши с Ястребовским голоса звучат одновременно.

Смотрю на мужчину и отрицательно качаю головой. Нет. С ним — ни за что. А Демьян еще больше хмурится, упрямо вздергивает подбородок. И голубые, как небо глаза, нехорошо темнеют. Как у хищника, чья добыча посмела лягнуть копытом.

Но я больше не та овца, которой была семь лет назад. И у Ястребовского нет никакого морального права предлагать свою помощь. Жену свою пусть катает.

Разворачиваюсь и почти бегу к выходу, по пути набирая адрес в приложении. Куда ехать — по дороге узнаю. Или хотя бы скорее вернусь домой, если не получится дозвонится.

Но сегодня сама судьба против меня!

Никто не хочет брать заказ. Проходит минута, другая... От нетерпения мнусь с ноги на ногу и поглядываю на дорогу. Уже готова бежать ловить попутку, но из-за угла вырывается машина Витко.

Ох, неужели все-таки подбросит?

Но через пару секунд моя радость сменяется острым желанием испариться на месте — за рулем восседает Ястребовский.

— Вы еще час ждать будете, Елена Николаевна, — обращается подчеркнуто вежливо, но взгляд все такой же тяжелый. — Садись, подвезу.

Я отчаянно желаю развернуться и уйти. А лучше — стереть с лица Ястребовского это гнусное выражения победителя, но вместо этого открываю дверь и сажусь на заднее сидение.

Мне нужно к Артуру. А Ястребовский, если ему так хочется, пусть примерит на себя роль персонального водителя.

Вижу, как сжимаются на руле его пальцы. У Демьяна породистые руки. Сильные, с длинными аристократическими пальцами. Даже бабушка замечала. Помню, как однажды она обронила, что Изяслава — мать Демьяна — была очень красивой в молодости. Это ее и сгубило. Думала мужикам головы кружить, да больно упала — на самое дно бутылки.

Морщусь и быстро набираю Артуру сообщение.

Нужно узнать, где он.

Ответ приходит через минуту — мы как раз успеваем выехать на трассу.

Коротко называю адрес и опять опускаю взгляд на экран телефона.

Говорить нам не о чем. Хорошо, что поездка не продлится долго.

Демьян

Погода стремительно портится и начинает накрапывать дождь. Завернуть бы сейчас домой, но нужно пригнать машину обратно к складам. Да и работы там еще порядком...

Барабаню пальцами по рулю и все-таки включаю кондиционер. Тонкий запах духов почти тут же исчезает, но злость продолжает кусаться, словно маленькая вшивая собачонка.

Елена Николаевна всю дорогу хранила гробовое молчание. И, как только я затормозил у больницы, вылетела из машины и бросилась к дверям приемного покоя.

Нет, я не оскорбился из-за отсутствия благодарности. Но видеть искренне беспокойство Алены — это оказалось не слишком приятно. Черт его знает, почему. Может, из-за понимания, что никакой брак не фиктивный, как трепалась дура из бухгалтерии. Мог бы усвоить это после нашей перепалки в лифте, когда Алена заявила, что я и мизинца господина Бесстужева не стою. Но, наверное, хотелось думать, что это сказано с целью задеть за живое. Надо признать — получилось.

И сейчас тоже.

Волнение Алены вызвало странное послевкусие. Не ревность, совсем нет. Просто... Хрен его знает!

Еще печенья эти дурацкие. Когда увидел их в смешной коробке с котятами — думал слюной захлебнусь. Такой выпечки как у Алены никогда больше не пробовал. Почему она в кондитеры не пошла? Озолотилась бы.

Но девушку не интересовали деньги. Это не Юлия, которая ради кредитки готова вытанцовывать на задних лапах. И изменять Алена не стала бы тоже... Но тогда кто тот мужик, с которым она сидела в кафе?

Так, в размышлениях, добираюсь до склада, где уже поджидает Витко.

— Как добрались? Что с Артуром Романовичем? Видели его? — сходу забрасывает вопросами.

Очень хочется послать коллегу по известному адресу — прямо в больницу, но я заставляю себя отвечать. «Хорошо», «не знаю», «не видел». И меня, наконец, оставляют в покое.

— Надеюсь, ничего серьезного не случилось, — тянет растерянно. — И завтра Елена Николаевна к нам снова присоединится.

Острое желание заткнуть Витко едва не срывается с языка ругательством, но в последний момент я успеваю кашлянуть и выдать безразличное:

— Зачем?

Кажется, мужчина не готов к этому вопросу. И ляпает первое, что пришло на ум:

— Она свою коробку забыла.

В животе едва слышно урчит, а во рту опять слюна. Мне следует заткнуться или отговорится какой-нибудь банальностью, но само собой выходит:

— Я передам.

Твою мать! Ну куда я лезу вообще?! Злюсь на себя. Хочу уже добавить, что необязательно и Витко может сам, но мужчина кивает.

— Да как хотите, — машет рукой. — Все равно завтра с утра меня не будет.

И сует мне коробочку. Внутри тихонько стучит — почти полная. Я не ел, Аленка не

успела... Сжимаю жестянку, а металл кажется теплым наощупь. Словно выпечка только-только из духовки.

А чертова память сразу флэш-бэки выдает: накрахмаленная до голубоватой белизны тюль, букет полевых ромашек на столе — притащил Алене первый и единственный букет, и тарелка с печеньем. Еще свежим, только глазурь подсохла. И лучи солнца, запутавшиеся в светлых прядях и сияющие Аленкины глаза. Обычный веник для нее был дороже охапки роз.

Под сердцем тянет так, что дыхание перехватывает.

Отворачиваюсь от Витко и, выхватив мобильник, спешу на остановку. Сегодня я почти все сделал. Точнее, мы с Еленой Николаевной. Девушка работала не поднимая головы. Но не потому, что очень хотела — Алена спешила закончить, чтобы скорее распрощаться.

А я ловил себя на мысли все же вывести ее на разговор.

Объяснится, что ли, по-человечески. Лучше не будет, но... так правильно. Я должен рассказать все, как есть. Почему решил двигаться дальше без нее. Извинится, что мозги запудрил — все-таки мог сдержаться, не мальчик уже. Но с чего начать не знаю.

А пальцы сами собой гладят жесткий бочок коробочки. К печенью не прикоснусь. Нельзя.

Но уже в такси не выдерживаю и открываю крышку. Ну как тут устоять? Запах такой, что с ума сойти можно. И выглядит сногсшибательно. Круглые шоколадные штучки, украшенные разноцветными цукатами.

Ладно, пропажу одной Алена не заметит. Не до того ей. Легко отламываю кусочек и закидываю в рот.

Вкусно до невозможности!

Но горечь безрадостных мыслей никуда не пропадает. И я раз за разом прокручиваю в голове будущий разговор. И никак не могу подобрать хоть немного правильных слов. Да и есть ли они вообще? Кажется, нет...

***

— Артур, пожалуйста! Ну... я очень прошу! Послушайся врача!..

Мои мольбы — как об стенку горох! Артур сосредоточенно натягивает пиджак, а рядом стоит врач и в его поджатых губах читается упрек.

— ...Тебе нужно обследоваться! — пытаюсь снова, но муж смотрит недовольно.

В его глазах упрямство всех ослов мира и уже немного злости.

— Спасибо, Лена, но я сам разберусь. Где там ваш рецепт? — оборачивается к мужчине. Доктор вручает маленькую бумажку. На сухом лице вроде бы равнодушие — пациент сам отказывается от госпитализации, но взгляд недовольный и осуждающий.

— Когда разберетесь со своими делами, я бы все-таки советовал вам лечь в клинику, — произносит напутственно и уходит.

А мне остается отчаянно смотреть вслед.

Почему не уговаривает? Не пытается хотя бы еще раз объяснить? Сердце — это ведь не шутки! И Артур бы не попал в ДТП, если бы у него вдруг не занемела рука. Машина вильнула и теранулась об отбойник.

Но, пока я хватаю ртом воздух и придумываю, как уговорить мужа, Артур тоже двигается на выход.

— Артур, подожди! — спохватываюсь и бегу за ним. — Дай хоть помогу!

— Я не больная старушка! — взрывается муж.

От этих слов внутри все сдавливает — не продохнуть. Артур сразу же спохватывается.

Шагает ко мне и заключает в объятия.

— Прости, — шепчет виновато. — Я больницы на дух не переношу, ты ведь знаешь.

Знаю... После реанимации Артур заработал что-то вроде фобии. Стены больниц напоминали ему о случившейся трагедии. И о собственной вине в случившемся. Не превышал, но слишком разогнался. А дорога была скользкой.

Тихонько вздыхаю и трусь носом о плечо мужа.

— Я просто за тебя переживаю. Моя бабушка умерла из-за приступа. И у нее тоже вот так... немело.

— Врач сказал, что это может быть и неврология, — осторожно возражает Артур. Потом вздыхает и стискивает руки крепче. — Как закончим с проектом, так и быть — пойду обследуюсь.

— Это же полгода! — с ужасом смотрю на мужа. Но в его взгляде читается непреклонность.

— Не раньше, Лена, не уговаривай.

— Значит, каждый месяц ЭКГ.

Артур мученически закатывает глаза.

— Ладно. Уговорила. Но я уверен — это неврология. Я в юности боксом занимался, вот и последствия.

Я благоразумно молчу, не желая испортить нашу хрупкую договорённость. Нужно будет самой поискать врача, очень хорошего. Не прощу себе, если что-то случится... По коже продирает озноб, стоит лишь представить наихудший вариант. Я просто не представляю себя одной, без крепкой поддержки мужа.

Особенно сейчас, когда прошлое так внезапно разбередило старые раны.

Даже просто молчать рядом с Демьяном было трудно. Я столько пыталась его забыть, но у судьбы скверное чувство юмора.

— Леночка, я совсем забыл — Витко нас на День Рождения приглашал, — врывается в сознание голос Артура. — Я бы отказался, но у него юбилей. Сорокет мужику стукнуло, да и работник он хороший.

Да уж... Сегодня точно не мой день. Мне недавнего похода в ресторан за глаза хватило. Но не пойти нельзя.

— Только если чисто формально. Артур, я очень нервничаю и напугана.

Муж опять вздыхает. Ерошит серебристую щетку волос.

— Час или два, не больше. Ресторан заказан на двадцать пятое.

— Через неделю?!

А раньше мне сказать никто не мог? Как теперь успеть подарок подобрать?

— Все успеем, — ласково гладит меня по руке Артур. — Ты главное не нервничай.

И ведет меня к стоянке. Там уже дожидается новое авто. Муж спокойно садится за руль, словно ничего не произошло. Но едет очень аккуратно. А я украдкой просматриваю телефон — ищу хорошего врача. Про день рождения Витко даже не думаю.

И, как оказалось, очень зря.

Глава 10

— Демьян Викторович, что мы все о работе, да о работе. Как вы относитесь к ресторанам?

Безобидная, казалось бы фраза, заставляет меня изо всех сил вцепиться в стилус.

Нет. Только не это! Мне за глаза хватило нескольких дней работы с Демьяном бок о бок, которые теперь будут мерещиться в страшных снах. Вместе с дурацкой коробочкой, врученной им же сразу по утру следующего после ДТП дня.

Отдавая пустую тару, он с явной насмешкой заявил, что хотел бы собрать рассыпанное печенье, но решил, что оно того не стоит. Я чуть не смяла эту коробочку тугой комок жести. Да кто бы говорил! Всегда на нашей с бабушкой кухне пасся, булочки и пироги чуть ли не сырыми жрал. А теперь, конечно, не стоит! Куда уж мне до столичных кондитеров!

В тот день мы опять поцапались. И после я старалась держаться от Ястребовского подальше, напрочь игнорируя любые хоть самые незначительные предлоги к диалогу. Их почему-то было много. Словно Ястребовский горел желанием продолжить словесную дуэль. Но это его проблемы.

Близилась пятница, после которой мы вновь разбежимся по разным кабинетам головного офиса, но уважаемый господин Витко организовал мне первоклассную подставу.

Кидаю настороженный взгляд на Демьяна и мысленно ругаюсь. Да что же он опять на меня смотрит?

— К ресторанам я хорошо отношусь, — тянет задумчиво. — Если компания хорошая.

Витко воодушевленно хлопает в ладоши.

— Компания хорошая, уверяю. Все свои. Юбилей, знаете ли, такой праздник... семейный. А мы за неделю вроде и сработались неплохо.

Отчаянно давлю в себе желание запустить в Витко чем-нибудь тяжелым. И заодно молюсь, чтобы

Демьян отказался. Мне и так-то никуда не хотелось идти, а сейчас — вдвойне.

Но вряд ли Ястребовского интересует мое мнение.

— Ну что ж... Я с удовольствием. Намек насчет подарка сделаете? Я не мастер выбирать.

Но Витко опять машет руками и картинно жеманничает.

— Какие подарки, что вы! Мероприятие будет скромным.

— Тогда, может, Елена Николаевна подскажет?

Я сжимаю пальцы так, что ногти врезаются в кожу. Какое счастье — что одна из рук под столом. Но боль не помогает. Давно уже нет.

— Демьян Викторович, у вас жена есть, — отвечаю, продолжая вписывать данные. А буквы перед глазами скачут! — Спросите у нее.

— Жена сейчас в Москве.

Все же бросаю быстрый взгляд на Ястребовского. В Москве, ну надо же! И как отпустил свою ненаглядную? Ревность не замучила? Она же вся такая... только коготком своим алым поманит, и мужики со всех сторон слетятся, туфельку на высоком каблуке облизывать.

Но вместо колких вопросов лишь равнодушно жму плечами.

— Так позвоните. Или вам денег на телефон подкинуть?

Небесно-голубые глаза опасно темнеют. Не нравится мой ответ. Ничего, пусть считает это авансом — за испорченный вечер.

— Идею бы лучше подкинули, — никак не хочет оставить меня в покое.

Но я другого мнения.

— Идей нет, — жму плечами и опять погружаюсь в расчёты.

Точнее, попытки хоть немного заставить себя работать.

Спокойно, Алена. Выдержала всю неделю, значит и ресторан тоже выдержишь. Господи, только бы Ястребовскому хватило ума не приближаться, когда рядом Артур. У мужа терпения не так много и вечер вполне мог окончиться мордобоем.

А Витко перехватывает нить нашего куцега диалога и уводит в сторону. Казалось, мужчина чувствует себя абсолютно комфортно. И даже чему-то рад.

***

Демьян

На переднем сиденье авто блестит коробочка. Подарок, мать его, который я выбирал вообще не глядя. Ненавижу эти формальности! Но злюсь из-за другого.

Елена Николаевна ушла в глухую оборону, игнорируя все попытки завязать разговор. Я, правда, хотел по-хорошему. Нам не пять лет, чтобы хороводы друг перед другом водить. Но Алена не спешила оставаться в одиночестве, беззастенчиво пользуясь Витко, который терся около нее все время. Видеть это было неприятно.

А вот Елена Николаевна реагировала с поистине королевским равнодушием.

Ее заботили только расчеты и состояние здоровья Бесстужева.

При этом Алена не играла роль примерной жены — она искренне переживала. И если раньше меня это не трогало, то теперь я все чаще ловил себя на мысли, что хочется выхватить телефон из тонких пальчиков и запустить подальше.

— Проклятье, — ругаюсь уже в голос.

Ладно.

Сегодня надо просто подобрать момент и пообщаться. А не получится, то и пошло оно лесом.

Паркуюсь на забитой стоянке.

Витко арендовал весь верхний этаж и что-то мне подсказывает, празднование будет с размахом...

Что ж, я не ошибся. Едва вхожу в зал — навстречу спешит радостный именинник.

— Демьян Викторович, рад, очень рад! Проходите к нашему скромному столу... Еще не все собрались, но уже скоро начнем.

А я машинально сую в руки Витко подарок и выдаю какую-то банальщину. С первой же секунды взгляд намертво прилипает точёной фигурке в вызывающе алом платье.

Да уж... Такой я Алену еще не видел. Открытая спина, смелый вырез на бедре и стильная прическа локонами. А еще красная помада. Наверное, это смотрелось бы вульгарно, но только не на Алене... Сочные умело подкрашенные губы вызывали какое-то ненормальное желание попробовать их на вкус.

Передо мной стояла роскошная чертовски сексуальная женщина, один взгляд на которую мог вскипятить кровь у законченного импотента. А я на либидо никогда не жаловался...

Но ее улыбка предназначалась Бесстужеву.

Едва взглянув на меня, Алена сразу нахмурилась. Тонкие брови слегка дрогнули, и девушка отвернулась. Тронула мужа за рукав, кивая в сторону дальнего столика.

А я мысленно выматерился.

Разговора не будет. Бесстужев не оставит жену ни на секунду — вон как по-собственнически руку на талию закинул и смотрит победителем. Имеет право. Они вообще-то женаты. А я дебил, который решил, что Алена хоть на сантиметр ближе подпустит к себе.

Но взгляд так и тянет в сторону эффектной девушки. И не я один смотрю — все мужики реагируют, словно псы, увидевшие сладкую косточку. Слюни развесили, взгляд липкий от похоти...

Мысленно себя одергиваю. Черт, да что со мной такое? Запал, что ли? От этой мысли вдоль позвоночника крадется озноб. Нет. Алена всегда симпатичной была, это правда. И... Черт. Она действительно прекрасная девушка, достойная хорошего мужика, а я повел себя как мудака. Но вот что касается чувств... Разве они были?

Сажусь за стол. Место напротив меня еще пустое, все столики рассчитаны на двух или четырех человек. Очень надеюсь, что проведу этот час в одиночестве, а потом тихо свалю.

Но в этот раз мне конкретно не везет.

— Демьян Ви-и-икторович, вот так встреча, — тянет за спиной смутно знакомый голос.

Оборачиваюсь и едва успеваю сдержать поток отборной матерщины — а эта как сюда попала?! Она же обычная практикантка!

Валентина одаривает меня улыбкой во все тридцать два и многозначительно поглядывает на стул.

Ждет, что поухаживаю за дамой? Ну-ну...

— Не ожидал вас тут увидеть, — произношу совершенно равнодушно и отворачиваюсь к панорамному окну.

Другая девушка поняла бы намек, но эта оказалась на редкость наглой. Без всякого смущения устроилась напротив, демонстративно вываливая на стол декольте.

Н-да... Вечер обещает быть отвратительным до крайности.

— А что же вы один, без супруги? — мурлычет доморощенная обольстительница, игриво накручивая локон на пальчик.

Наверное, в иное время я бы постарался не оскорбить девушку, но сегодня у меня очень паршивое настроение.

— Это вас не касается.

Валентина недовольно поджимает губы, дуется, пытаюсь выдать что-нибудь умное, но к счастью официант приносит закуски и напитки.

— Осторожнее! — рявкает на молоденького парня, хотя тот довольно ловко устроил тарелки на столе.

Бедняга косится на расфуфыренную стерву и бормочет извинения.

— Спасибо, — благодарю парня максимально тепло. — У вас отличный сервис.

Кажется, официант слегка расслабляется. Валентина недовольно морщит нос, но молчит, а я давлю в себе желание встать и высыпать содержимое тарелки на ее дурную голову.

Но вместо этого снова разглядываю закат в панорамном окне.

А на периферии зрения маячит алое пятно. Искушает обернуться и еще раз оценить стройную фигуру и обалденные ножки. Наверняка под платьем чулки. Едва только про это думаю — и тело реагирует весьма однозначно. Приплыли, блин. Теперь из-за стола не встать.

Тем временем зал уже полон, а ведущий начинает программу.

Приходится повернуться и принять заинтересованный вид.

— Ой, интересно, будет ли Елена Николаевна поздравлять? — опять вякает моя соседка. — Обычно она стихи читает или классиков цитирует... Скучно, правда?

— Неправда, — злюсь уже по-настоящему.

А сам смотрю, как чета Бесстужевых подходит к микрофону. Артур Романович шпарит совершенную ерунду про работу, целеустремленность и другие «полезные качества». Не вникаю толком — мое внимание сосредоточено на стройной фигуре в алом платье.

Аленка не слушает мужа — вцепилась в клатч, а взгляд куда-то в сторону выхода. Отлично ее понимаю. Я бы и сам свалил.

Наконец Бесстужев заканчивает. Микрофон переходит Елене Николаевне.

— Дорогой Арнольд Денисович, — произносит негромко. — Прежде всего, присоединяюсь к словам мужа. Он уже все сказал и поэтому позвольте мне быть немногословной и процитировать Шекспира. Жизнь человеческая — это ткань из хороших и дурных ниток. Так пусть же первого у вас будет гораздо больше, чем последнего. С праздником вас.

Зал аплодирует, изменники прикладывает руку к сердцу, а дура-Валечка шепчет что-то про банальность.

На мгновение наши с Аленой взгляды встречаются, и мир вокруг блекнет, выжженный сочным цветом ее приоткрытых губ. Какие же они обалденные. Я помню, как сладко и долго Алена умеет целовать. И не только...

Девушка вздрагивает и отворачивается, словно понимает, о чем я сейчас вспомнил. Сбегает обратно к столику, а за ней Бесстужев.

Кажется, он ни черта не заметил. Вот и хорошо. Я действительно не хочу усложнять Алене жизнь. И так уже сделал все, что мог.

Еле дожидаюсь первой смены блюд и, проигнорировав сахарное: «Ой, а куда вы?», направляюсь к выходу.

Все, хватит. Пора ехать домой, а гости пусть дальше развлекаются.

Но, спустившись на первый этаж, все-таки решаю заглянуть в туалет. Он как раз под лестницей, чтобы в глаза не бросался.

Но только подхожу к умывальнику — телефон вибрирует. Вот черт, звонок от тестя. Лучше ответить сейчас, а то по дороге достанет... Но если он опять про Юлию — брошу трубку.

А через секунду жалею, что вообще поднял.

— Привет, зятек, — тянет Оболенский. — А почему же ты мне не сказал, что с Еленой Николаевной знаком?

Вот же... черт! Только этого мне не хватало...

***

Ястребовский ушел.

Как только поняла это — и дышать легче стало. Но в груди все равно ноет, дергает неприятно. И кожа до сих пор горит от тех взглядов, что бросал на меня Демьян.

Ну конечно! Дурочка Алена ведь вся такая из себя, прямо модель с обложки. А ведь это платье даже не я выбирала — Артур попросил! Зачем согласилась? Очень нужно мне убеждаться, что Демьян все такой же падкий на обертку. Да уж, Алена Николаевна... Красилась бы ты поярче семь лет назад — глядишь, и не собирала бы сердце по кускам.

— Милая, ты в порядке? — обеспокоенно шепчет муж. — Хочешь, уйдем?

— Арнольд Денисович обидится, — возражаю вяло. — Давай лучше выйдем на пять

минуточек... Хоть от музыки отдохну. Ужас какой-то.

Не фанта я молодежной эстрады, совершенно. Все эти «тыщ-тыщ», «хоп-хоп» только головную боль вызывают.

Артур ведем меня в холл. Он выполнен в виде смотрового балкона на первый этаж, где гардероб и служебные помещения. Людей немного, веселье в самом разгаре, так что мы с Артуром легко уединяемся в самом дальнем углу, на диванчике, что за кадкой с пальмой.

— Леночка, — муж берет меня за руку. — А давай ребенка заведем?

От неожиданности я давлюсь воздухом. А уже через секунду подлетаю к балкончику и, вцепившись в перила, начинаю судорожно хватать ртом воздух.

Боль накатывает волнами. Меня опять трясет, словно я там — в кабинете с холодным белым кафелем. Я помню каждую трещинку, каждый скол, и еще боль... Жгучую. Невыносимую. Страшную...

— Милая! — Артур хватает за плечи и разворачивает к себе. — Леночка, прости... Я не должен был!

А у самого лицо бледное, на виске пульсирует вена. У него ведь сердце! Страх за мужа помогает отогнать собственных демонов. Я с трудом сглатываю горькую слюну.

— А-а-артур, — спотыкаясь на каждой букве. — Ты же... Я ведь... Не могу больше. Родить... Выносить. Ну... после того случая. Ты же знаешь.

— Есть суррогатное материнство. Материал — наш с тобой, а носит и рождает другая женщина. Черт, — шипит ругательства. — Нет, я должен был не с того начать... В понедельник Ястребовский свалит из моей фирмы на все четыре стороны. Прости меня. Егс вообще нужно было развернуть, как только вылез.

Вот сейчас я совсем ничего не понимаю. Муж вроде не пил, а говорит странные вещи.

— Артур, все в порядке. Мы это обсуждали.

Но мои слова совсем не успокаивают мужа.

— Нет, не в порядке! — резко взмахивает рукой. — Я пока в больнице был, знаешь сколько всего передумал? А сегодня окончательно убедился. Каждый раз, как он смотрит — ты дергаешься. Нет, хватит. Если Оболенский контрактом дорожит — сам приедет. И еще, позвоню я Вольфовичу... Даже не отговаривай.

Теперь моя очередь вздохнуть и загадывать мужу в глаза.

— Я уже звонила, Артур. Прости. Мы с ним виделись некоторое время назад. На пяти углах, в кафе. Я должна была сказать, но... да, ты прав. Сейчас поедем домой и обо всем поговорим, ладно? Не надо здесь — люди ходят... Только сумочку заберу. И с Арнольдом Денисовичем попрощаемся.

Муж молча подхватывает меня под руку и ведет в зал. Слава богу, Витко реагирует вполне нормально. Его внимание занято незнакомой мне женщиной — очень эффектной.

По лестнице спускаюсь на деревянных ногах. И все про разговор о ребенке думаю... Почему Артур вдруг эту тему поднял? Для нас обоих это — табу. Ох, непростой будет разговор...

Демьян

Вжимаюсь в холодную плитку так, что спине больно.

Аленка говорила тихо. Настолько, что я не обратил внимание, если бы не громкий окрик Бесстужева. Именно он заставил остановиться, прислушиваясь к разговору.

Который лучше всякого апперкота воздух из груди вышиб!

В ушах до сих пор бьется надрывное:

«Не могу больше. Родить... Выносить»

Нервно облизываю пересохшие губы, а во рту горечь.

Что значит — «не могу больше»? Почему не может? Как? Аленка никогда не жаловалась на здоровье. И что это за Вольфович? Врач, получается? Это его я видел в кафе? И подумал, что любовник! Вот я дебила кусок...

Дергаю за удавку галстука, но пальцы срываются. А под ребрами зреет нехорошее такое предчувствие.

Выхватываю мобильный и иду обратно в туалет. Никто не должен слышать.

Номер своего ангела хранителя помню наизусть. Набираю и мучительно жду ответа. Наконец в трубке звучит хриплое «на связи».

— Привет, Март. Нужна твоя помощь, инфу пробить, — начинаю без лишнего словесного блуда.

— Ну?

Март немногословен. Издержки профессии, но следак он отменный.

— Досье на Алену Николаевну Мирославскую, — следом диктую год рождения и где проживала. — Только с медицинской картой. Мне нужно знать состояние ее здоровья.

— Подробнее.

Опять дергаю удавку галстука, но все-таки произношу:

— Бесплодие. По какой причине, когда диагностировали.

— Срочность.

— Как можно быстрее.

— С тебя двойной ценник. К врачам так просто не влезешь.

Вот сволочь. Но сейчас мне не до торгов.

— Согласен.

Март сбрасывает, не прощаясь.

А я все-таки выхожу из туалета и иду на стоянку. Машины Бесстужева уже нет.

***

Передо мной несколько медицинских бланков. В каждом подробно расписаны схемы, препараты, побочные эффекты и остальное. А на последнем список кандидаток из пятнадцати человек.

Пока я с Витко и Ястребовским на складах пропадала, мой муж готовился. Собирал информацию, обдумывал каждый шаг, чтобы несколькими фразами вытолкнуть меня из зоны комфорта на мороз реальности.

— Мне кажется, это поможет нам обоим, Леночка. Ты ведь очень хотела стать мамой, — муж аккуратно сжимает мою руку.

У него горячие ладони, а вот я никак не могу согреться, даже в теплом махровом халате.

— Это... это очень неожиданно, Артур, — наконец решаюсь открыть рот. — Мы... Ну, ты ведь помнишь, что в брачном контракте нет этих, эм... пунктов.

Тема детей у нас была обговорена еще тщательнее, чем близость. Если последнее контракт допускал по обоюдному согласию, то насчет общего ребенка не значилось ничего.

— Все добавим, в этом нет проблем. Я... — Артур крепче сжимает мою ладонь, — я понимаю, что требую многого, но знаешь... Этому дому не хватает детского смеха.

Я знаю. А еще очень хорошо помню ту боль, которую испытала, услышав жестокое «бесплодие». Тогда, после несостоявшейся встречи с Ястребовским, меня увезли в больницу с выкидышем, где выскоблили, словно кастрюлю... Занесли инфекцию, почистили еще раз...

Как я не умерла, лежа в той проклятой палате? Осталась жить, наверное, только ради бабушки. И была уверена, что не стану матерью. Не смогу.

А муж вдруг с таким предложением.

Суррогатное материнство... Я знала, что в моем случае это выход. Яичники продолжали функционировать, и на последнем плановом обследовании гинеколог обронила, что фолликулярный аппарат весьма активен — созрело сразу две яйцеклетки без всякой гормональной терапии.

Но наши с Артуром дети... Нет, не думала о них. Слишком тяжело... Ребенок от Ястребовского был случайностью, но бесконечно любимой и желанной. Я не сомневалась ни секунды, принимая решение сохранить беременность. Еще не родившийся, он уже стал для меня всем. И, кажется, я никогда не смогу прочувствовать это снова.

— Если не согласна на суррогатное, мы можем попробовать ЭКО, — вновь подает голос муж.

Нет, только не ЭКО. Теоретически, это возможно, но прогнозы врачей были неутешительными — повреждения слишком обширны.

— ...Или сначала поработать с психологом, — продолжает давить Артур. — А может, ты не хочешь от меня детей?

Последний вопрос бьет по самому больному. Я стискиваю руку мужа и все-таки решаюсь заглянуть в его глаза.

— Мне страшно, Артур. Ребенку нужна любовь... Безусловная, понимаешь? Смогу ли я? А ты?

Настала очередь Артура поджимать хмуриться. Он очень любил сына и жену. Первое время после нашего сближения только о них и говорил. Тосковал страшно.

— Думаешь, я не знаю, о чем прошу? Это не так. Ребенок есть ребенок, его нельзя не любить. Особенно от тебя, — гладит по руке.

Наверное, эти слова должны звучать приятно, но сомнений меньше не становится. Я опять вчитываюсь в бланки.

— А вот эти женщины... Они точно согласны? — показываю на список кандидаток. — Отдать ребенка, это же...

— Их работа, — заканчивает Артур. — Поверь, никаких проблем не будет.

Верю, конечно. Only business (прим. автора — только бизнес), как говорится. Но все равно неуютно.

— Это слишком быстро. Почему, Артур? Ты ведь и сам не хотел.

Муж опять мрачнеет. Оставляет мою руку и ерошит волосы. Недоволен — всей кожей чувствую.

— Раньше не хотел, а теперь захотел. Ты мне очень дорога, Лена. Вот и решил... Еще

этот Ястребовский со своим интересом...

Какой интерес? Что за чушь?! Но мою попытку возразить обрывают взмахом руки.

— ... я помню вашу историю, Лена. И должен был набить ему морду при встрече. Но в ресторане этот гаденыш все границы перешел. Типичный дурак — увидел красивую женщину — и в штанах засвербело.

— Он женат!

Но Артур коротко смеется и качает головой.

— Да какая разница? У таких как он морали ноль целых хрен десятых.

— А ты, значит, таким образом территорию решил пометить?

Муж сразу тушует.

— Нет. То есть... Я об этом еще в машине подумал, во время аварии. Знаешь, вся жизнь перед глазами промелькнула. Мы ведь семья. Одно целое. Но будто не совсем. Я хочу от тебя ребенка, Лена. Дочку. Чтобы такая же красавица, с косичками и серыми глазками. Имя даже придумал, — Артур смущенно хмыкает и снова ерошит волосы. — Надя... Надежда.

В груди болезненно щемит.

Дочка... Я когда-то мечтала о том, что первым родится сын, но сейчас очень ярко представила кроху в розовых пеленках.

— Нужно подумать, — сдаюсь под напором мужа. — Дай мне время.

Артур улыбается, а потом подходит и склонившись, мягко целует в губы. Его руки проникают под теплый халат и недвусмысленно тянутся к замочку бюстика.

Не хочу сейчас, но мужа не отталкиваю.

Пусть... Артур умеет быть терпеливым. Я — благодарной.

***

Демьян

Сообщение от Марта приходит в воскресенье вечером.

«Скинул на почту»

Я перечитываю СМС, наверное, раз десять, прежде чем заставляю себя открыть ноут. А кончики пальцев немеют и мерзость, засевшая под ребрами, отращивает шипы — ничего хорошего меня не ждет. Нутром чувствую.

Но разобраться во всем должен.

Нажимаю «открыть», и сразу же ищу медицинские выписки. Нервы звенят, как натянутые струны. Чувствую себя на краю пропасти и вот-вот сделаю шаг вперед.

Взгляд бежит по сухим строчкам эпикриза. Он небольшой, Алена вообще очень мало болела, разве только... Лаконичное «выкидыш» вводит в ступор. А рядом дата.

Внутри все обрывается, стягивает колючим холодом. Я с трудом сглатываю вязкую горечь, отчаянно надеясь, что это ошибка.

Нет! Этого... этого просто не могло быть! Проклятье! Черт... Стискиваю зубы, чтобы не заорать. Только не этот день!

А цифры на экране, как приговор. Именно этот. Именно последняя наша встреча, когда Алена подкараулила меня около офиса. Я как раз с Юлией оттуда выходил...

Сердце тяжело ухает о ребра. Запускаю пальцы в волосы и тяну до боли, а перед глазами мелькают картинки прошлого.

Я опять вижу Алenu, стоящую около парковки. Ее огромные, потемневшие от боли глаза и неестественную бледность. Меня тогда в холодный пот бросило, хоть на улице жара стояла страшная. Не готов был видеть такую реакцию. Струсил, да. Растерялся. Головой понимал —

что не обещал я ей отношений, в койку не тащил, Аленка сама целоваться полезла, но черт... Таким дерьмом я себя еще никогда не ощущал. Нужно было подойти. Послать Юлию с ее «давай потусим» и просто спуститься по ступеням, но в этот момент Алена сбежала.

Просто развернулась и опрометью бросилась прочь, а я не стал догонять... Придурок!

Она ведь беременная была! Но как? Мы же предохранялись!

В полголоса стону ругательства.

Дебил! В первый наш раз я так завелся, что о защите вспомнил, когда Аленка ойкнула от боли. Да и презервативы с браком бывают, в нашем деревенском магазине наверняка полную хрень продавали. И ласки у нас были очень горячие, прямо на грани. Мне резинки не нравились, Аленке тоже... Но таблетки только врач мог выписать, а это в город ехать, записываться...

Тру грудь, словно это может помочь унять разгоравшийся там пожар.

Вот почему Алена ненавидит меня до чертиков. Ребенка она потеряла... Нашего ребенка!

Вскакиваю на ноги и ломлюсь в прихожую — мне свежий воздух нужен, срочно.

Из подъезда натурально вываливаюсь, чуть не сшибаю мужика, стоявшего под козырьком.

— Ты офигел? — сжимает он кулаки, а я головой мотаю.

— Закурить есть?

Сам пугаюсь хрипоты голоса — звучит жутко, словно у покойника. Мужик сразу затыкается, протягивает мне пачку.

— Огня? — интересуется и тут же щелкает зажигалкой.

Я глубоко затягиваюсь, и горький дым наполняет легкие. Кашляю, но тяну опять... Проклятье, как же хреново! И что пережила тогда Алена мне страшно представить...

Мужик скрывается в подъезде, а я прислоняюсь к стенке, разглядывая голубое весеннее небо.

Бесстужев прав — мне лучше свалить. Может, я не сходил с ума по Алене, но никогда не хотел ей зла... А губы кривятся в горькой усмешке — не хотел бы, так и не лез. Не трогал бы влюбленную девушку — ведь это прямой предлог к отношениям! Но на губах пожаром горит ее первый поцелуй. И я опять чувствую шелковистую кожу под ладонями, вижу, как темнеют от желания бархатно-серые глаза...

Раскаленный уголек обжигает пальцы. Докурил до фильтра и не заметил.

Душит кашель, во рту мерзкий привкус — пойти бы зубы почистить, но от стенки отлипнуть я не могу.

Понятно теперь, почему Алена меня не подпускает. Это не просто женские обидки, это... черт. Цензурных слов нет. Мудак я... Нет, хуже.

Кое как достаю из кармана мобильный.

Все, хватит с меня Питера. Лучшее, что я могу сделать — оставить Алену в покое. Она и так слишком намучилась.

Оболенский поднимает сразу, будто ждет звонка.

Вчера он от меня добиться пытался, в каких отношениях я с Аленой состоял, но хрен ему, а не информация.

— Я завтра уезжаю, — сообщаю без приветствия. — По жене соскучился.

Оболенский что-то одобрительно тарыхтит, но я не слушаю. На самом деле не соскучился вообще. Но Юлия — его слабая точка. На нее и давлю.

С огромным удовольствием заканчиваю бесполезный разговор.

Нужно собирать манатки. Завтра только в офис заскочу и все. Дальше пусть Оболенский сюда сам едет.

Выходные прошли в каком-то кумаре.

Нет, я не пила или что-то подобное. Хотя Артур с мягкой настойчивостью пытался развлечь и даже, ох, кто бы мог подумать! — отказался от всех дел ради домашнего времяпрепровождения.

Видимо, он действительно настроен серьезно, раз поставил это выше работы. Я уже и не помню, когда муж готов был заниматься «ерундой», вроде обычных разговоров или прогулок.

То есть, мы и раньше гуляли... Но не целые выходные. А тут Артур предложил прокатиться на речных трамвайчиках, а потом и в музей заглянуть.

Я не отказалась. Мне нужно было проветрить голову, но вместо ясности мыслей прогулка принесла еще больше сомнений. Надо ли? Смогу ли? Может, не выдержу... Но хуже всего осознание, что Артур засуетился не просто так.

Муж чувствовал мое настроение и пытался давить на эмоции. Говорил, что не оставит, будет рядом и даже готов сам вставать по ночам.

Глупости, конечно. Ребенка растят двое, но фирма Артура... Я прекрасно знала, насколько он живет этим делом. Дети ведь иногда бывают шумными, мешают. Наша ватага, помню, такого шороха наводила... Вся деревня стояла на ушах.

Как мы с тарзанки в озеро прыгали, а в сене кувыркались...

Мысли о прошлом почему-то заставляют улыбнуться. Несмотря ни на что — мне нравится вспоминать детство. Тогда я была маленькой, глупой и счастливой. Бабушка заменила мне мать, а Демьян — весь мир. Я искренне радовалась любой мелочи, даже возможности просто побегать рядом. А по вечерам, лежа в стогу сена, недалеко от болтающих мальчишек и девчонок, я рассматривала звездное небо и на каждую падающую звезду загадывала только одно желание...

— Мечтательная вы сегодня, Елена Прекрасная...

Негромкий смешок мужа приводит в чувство. Я смущенно поправляю манжет блузки, но на Артура не смотрю.

— ... Неужели ночь была настолько хорошей? — продолжает муж.

Я многозначительно вздыхаю. Не хочу его расстраивать, но и врать тоже. Наша близость всегда... предсказуемая. Артур знает, что делать с женщиной, а я хорошо понимаю, как настроиться на нужный лад. Но африканские страсти — это не про нас.

— ... Или ты что-то для себя решила? — не сдается муж.

Вот умеет же быть настырным! Знаю, что не отцепится, но сейчас это слегка раздражает.

— Возможно. Но мужчина должен быть здоровым, правда?

— Злючка. Я же сказал, что пойду к кардиологу, и на обследование всего меня согласен. Пропадает в вас бизнесмен, Елена Прекрасная — торгуетесь отменно.

О да! Под разговор о ребенке я все же еще раз обозначила позицию по поводу моего отношения к обследованию.

Артуру пришлось согласиться, хотя по глазам вижу — до сих пор кипит. Понимаю его нелюбовь к больницам, но мне тоже придется терпеть процедуры.

Муж тоже примолк, размышляет. Паркует машину и так же в тишине мы идем к лифту.

Артур поедет на верхний этаж, а я... Я к своей ненаглядной Антонине Федоровне. Моя наставница отдохнула и наверняка готова загонять до седьмого пота.

Так и есть.

— Еле-е-ена Николаевна, — тянет, как только я переступаю порог кабинета. — А сбегайте к нашему дражайшему Арнольду Денисовичу — он мне документы должен.

— И вам доброе утро, Антонина Федоровна. Сейчас схожу.

Я не оскорбляюсь выполнять такие мелкие поручения. Нужно знать и уметь выполнять всю работу. Тем более утром я не против пройтись размять ноги. Сколько раз обещала себе начать бегать... А пойду-ка я по лестнице!

Но через пять минут я горько жалею, что не выбрала лифт. Навстречу мне спускается Ястребовский. Очень помятого вида...

***

Демьян

Аленка застывает.

Ухоженная и свеженькая, как всегда. А я вот сегодня отменным видом похвастать не могу. Всю ночь не спал.

Но это уже не важно. Главное, на лестнице мы одни — и если не сейчас, то вообще никогда. Так что к черту вежливость, приветствия и попытки играть в «ничего не произошло».

— Прости меня, — выдыхаю, разглядываю стоящую в нескольких шагах девушку. — Я не должен был...

Не должен что? Вестись, словно сопливый мальчишка? Бросать? Или наоборот — отпускать?

— ... не должен был так поступать, — с трудом подбираю слова. — Ты прекрасная девушка и заслуживаешь такого же мужчины.

Алена сильнее стискивает поручень лестницы. Глаза прямо огромные. Как две серые раны.

— Все в прошлом, — пытается казаться равнодушной, а голос ломается и дрожит. — У меня уже есть такой мужчина.

Я усмехаюсь, но выходит криво. Бесстужев мне не нравится. Он старше Аленки, вечно весь в делах и работа у него на первом месте. Иначе даже близко не подпустил к своей женщине того, кто ей жизнь изгадил.

Только смысл сейчас об этом говорить? Прав не имею.

— Я рад.

Алена ничего не отвечает. Встряхнув шапкой волос, первая начинает движение, и мне ничего не остается, как подвинуться, пропуская девушку. Шлейф сладковато-свежих духов тревожит обоняние.

Отчаянно хочется перехватить Аленку за хрупкие плечи и уткнуться в шею, вдыхая глубоко и жадно. Но я только кулаки стискиваю. Нельзя.

И разговор вышел дурацкий, совсем не так его представлял! Хотя, если честным быть, вообще никак не представлял.

Хреново у меня с объяснениями. Да и как это можно сделать? Только растревожу. И объяснения, что я не спал сразу с ней и с Юлией тоже прозвучат глупо. Сейчас это оправдание даже мне кажется глупым.

Да, не спал. Героическим усилием воли продинамил льнувшую ко мне девицу, тогда в

клубе. Может, этим и зацепил. Хрен его знает как, но Юлия достала мой номер.

А потом пошло-поехало...

Легкий стук каблучков затихает, и только после этого я двигаюсь с места. Оболенский уже тут — в Питере. Не хочу с ним встречаться, да и незачем. Инфу скинул, документы передадут... Мне пора в Москву.

Путь до самолета смазывается в одно серое пятно. На самом деле, я больше люблю поезда, но сейчас испытываю желание убраться из Питера поскорее.

Москва встречает легким весенним дождиком и привычными видами. Я люблю этот город. Много где был, в основном один, конечно. Юлия для прогулок выбирала бары, а не парки.

— Ми-и-ильй! — жена бросается мне на шею прямо с порога. — Я та-а-ак соскучилась, — шепчет многообещающе.

А я смотрю на разукрашенную мордашку и понимаю, что ни черта не могу ответить взаимностью.

Не скучал. И внутри ничего не екает. Но рефлекторно сжимаю руки вокруг тонкой талии.

— Чаем хоть напоишь? — брякаю первое, что в голову пришло.

Юлия непонимающе хлопает ресницами, а в темных глазах мелькает раздражение. Но тут же гаснет.

— Есть кое-что лучше чая, — вызывающе облизывает губы.

А я вспоминаю Аленки алую помаду. Как горячо и сексуально это выглядело. В паху моментально становится жарко.

— Отлично, я в душ, — выпускаю жену из объятий.

Ужасно хочется вымыться после дороги. А потом спать. Надо было в гостиницу ехать... Че-е-ерт... Так. Время собраться и двигаться дальше. Дел много и все они требуют внимания. Я серьезно настроен сколотить свое дело, без Оболенского и всей его семейки.

Но в голове все крутится последний наш с Аленой разговор. И мысли о ребенке. Какой бы он был? Девочка или мальчик? Толку от этих мыслей нет, но остановиться не могу. И, наверное, не смогу еще очень долго...

— Ульяна Валерьевна, очень приятно, — женщина первая протягивает руку.

Я осторожно жму, а сама не могу оторвать взгляда от по-простому красивого и открытого лица. Сразу из «Малахитовой шкатулки» фраза вспоминается: брови дугой, губы — малина, и руса коса трубчатая через плечо перекинута.

Только Бажов про юную девушку писал, а Ульяне Валерьевне тридцать два — я помню досе. А еще у нее дочка. И развод за плечами.

— Приятно познакомится, — улыбаюсь слегка нервно.

А внутри уже зреет понимание — она. Именно эта русская красавица, от которой веет добротой и уютом. И силой тоже. Жизнь Ульяну Валерьевну не баловала, сначала детство сиротское, потом замужество неудачное.

Но женщина не собиралась жаловаться. Наоборот, выглядела бодрой и готовой бороться за свое счастье. Даже таким неординарным способом.

— Ульяна Валерьевна, — вступает в разговор Артур. — Прежде, чем продолжить, мы бы хотели еще раз обсудить все нюансы, чтобы потом не было проблем. Вы ведь понимаете, что ребенка придется отдать?

Женщина слегка улыбается и жмет покатыми плечами. Не тростиночка какая-нибудь, а крепкая и с вполне аппетитными формами. Ей будет не слишком тяжело рожать. Надеюсь.

— Понимаю, конечно, — глубокое контральто звучит спокойно и нежно. — Я ознакомилась с договором. И спокойно смогу отдать ребенка. Вы — хорошая пара...

Артур хмыкает. Кажется, он удивлен. Я тоже.

— ... Моя анкета уже полгода висит, — поясняет Ульяна. — За это время кто только не обращался. Мне, конечно, деньги нужны. Но и рожать очередную «забавушку» не хочу.

— Забавушку? — переспрашиваю растерянно, а Ульяна смеется. Красиво так, сочно.

— Ну да. Приходит ко мне цаца такая, вся из себя. Фигуру портить не хочу, кормить тоже... Для нее ребенок — еще одна собачка комнатная.

Меня передергивает от отвращения. Да уж... Не слишком приятная история. А мой муж пропускает это мимо ушей — его ничем не удивить.

— Рад, что вы о нас хорошего мнения. Тогда, — быстрый взгляд в мою сторону и опять на Ульяну. — Обговорим детали?

А у меня сердце словно в пропасть падает. Страшно! Но отступить поздно. Сама ведь напросилась.

Сразу после той встречи с Демьяном...

В груди опять болезненно тянет и жжет. Прощения он попросил, ну надо же! Пусть засунет его в одно место! Семь лет жил себе, горя не знал, и вдруг совесть заела? Ни за что в жизни не поверю! Да, я понимала, сама на спину упала... Но он был старше! Он мог бы просто оттолкнуть!

Да, это разбило бы мне сердце. Но сохранило душу! Переболев и отмучавшись, я нашла бы другого. Может, именно Артура! И ребенок у нас бы получился намного раньше... Но Демьян не отказался хорошо провести время. А у меня не хватило чувства собственного достоинства.

И вот сейчас я сижу в этом дурацком врачебном кабинете и не могу унять тревожный стук сердца.

Все кажется таким... неправильным. Слово я проживаю чужую жизнь. Или это опять нервы? Да, наверное, они...

Ульяна и Артур неторопливо беседуют по каждому пункту договора. Кажется, мужу тоже понравилась эта женщина. Интересно, а как она распорядится деньгами?

Артур буквально вчера открыл отдельный счет, где хранились средства на все — от процедур, до стоимости родильной палаты. И оплата сурмаме, конечно.

Мы с мужем договорись, что сначала попробуем подсадить два эмбриона, без запаса «снежинок». Но на всякий случай сохраним отдельно наш материал. Наверное, это глупо... Но мне хотелось именно так. Тем более средства позволяли.

Звонок мобильного бьет по напряженным нервам.

Даже в выходные Артур не может скрыться от своей работы.

— Я на минуту, — быстро целует меня в щеку и выходит.

Наверное, звонит Оболенский. Отец красавицы жены, к которой укатил Демьян. Я с трудом сдерживая глубокий вздох.

— Вы не слишком готовы, верно?

Вздрагиваю и смотрю на Ульяну. Она спокойна, а на губах понимающая улыбка. Боже, неужели все настолько очевидно?

Улыбка выходит нервной.

— Я... боюсь. То есть. Понимаете, после выкидыша...

Осекаюсь и плотнее сжимаю губы. Зачем это Ульяне? Сурмама ребенка вынашивает, а не жилеткой работает.

— У меня тоже был выкидыш, — неожиданно признается женщина. — Бывший муж избил.

Меня как током прошибает.

— О, боже... Простите.

— За что? Я просто хочу сказать, что понимаю — каково это, ощущать потерю. И путь мой брак был одной сплошной ошибкой, но ребенок в этом не виноват. И все же... Жизнь продолжается. Надо двигаться дальше и пытаться преодолеть трудности. Я очень надеюсь, что однажды встречу мужчину, которого смогу назвать мужем.

Но бесхитростные слова поддержки помогли мало. Вряд ли Ульяна представляет, каких ошибок натворила я.

— Вы его обязательно встретите, — улыбаюсь как можно теплее. — Да, я не слишком готова, но, наверное, к этому нельзя подготовиться.

Ульяна не успевает ответить — в кабинет заходит Артур.

— Прости, родная, — ласково гладит по плечу. — Опять проблемная бригада. Где они таких косоруких берут...

И муж вновь садится рядом.

— Продолжим? — интересуется у Ульяны.

Та кидает на меня вопросительный взгляд, и мне ничего не остается, как кивнуть. Продолжим, конечно. Назад сдавать поздно.

Тем более после этой встречи Артур идет к кардиологу. А это уже огромный плюс. Последнее время тревога за мужа лишь нарастает. Я вижу, как порой он морщится и потирает грудь. Ох, лишь бы перед врачом не стал геройствовать...

***

Демьян

За окном во всю сверкает гроза. Яркие молнии, окно все в брызгах — отражает огни вечерней Москвы, но я сюда не любоваться пришел.

— С тебя штука за беспокойство, — скалится Март.

А в глазах холодная чернота, ни намек на веселье.

— Две заработаешь, если поможешь банковский счет оформить.

— Гони лавэ, — хмыкает мой «подельник».

Расплачиваюсь наличными. В Марте я уверен — следак свое слово держит. Эту квартиру он умудрился через нескольких людей провести — теперь ни одна гнида лапу не наложит. А то, что Оболенский рано или поздно попытается это сделать — к гадалке не ходи.

Март натягивает куртку и уходит не прощаясь. В плане эмоций следак — полный инвалид. И я, кажется, тоже...

Падаю на кресло мешок и утыкаюсь взглядом в стену.

Хорошая квартира.

Просторная двушка, лоджия утеплена, интерьер ненавязчивый, светлый. Много воздуха. Окна в парк выходят, не шумно. И при этом почти в центре Москвы. Стоила она мне порядочно. Но что не сделаешь, только чтобы свое «логово» иметь.

Последнее время семейное гнездышко превратилось в натуральную камеру пыток. Юлия то мозг выносила, то в штаны лезла. Смешно сказать, последнего я не хотел еще больше, чем первого.

Глядя на разукрашенную и готовую на все жену испытывал безграничное... равнодушие.

Нигде не екало. И все эти примочки в виде прозрачного белья или лисьего хвоста и ушек вызывали желание развернуться и уйти. Две недели назад я так и поступил.

А потом, вдоволь нагулявшись по Москве, набрал Марта. Утром это было, думал — пошлет меня следак, но нет. Март оказался такой же ранней пташкой. Лично на встречу притопал — как всегда со щетиной, вороньем гнездом на башке и фирменной кривоватой ухмылкой. На первый взгляд и не скажешь, что мужчина лишь на пару лет старше меня.

Выслушал молча, а потом так же молча удалился. Вечером скинул смс, когда ждать результата.

И вот теперь эта квартира — моя.

Интересно, понравилось бы тут Аленке?

В груди неприятно давит. Я так и не смог заставить себя выкинуть из головы произошедшее. Особенно мысли о ребенке. И пусть я не знал о его существовании, но от этого становилось еще гаже.

Как бы я к ней не относился, но рядом быть был обязан. Хотя вообще не представляю, чем смог бы помочь. А если бы я тогда догнал девушку? Первым порывом было броситься следом, но Юлия потащила в противоположную сторону. И слава богу — она не обратила внимания на Алену.

Оболенский иногда еще пытался докапаться, кем мне подруга детства приходится, но так ничего и не нарыл. Зато я узнал о смерти Виолеты Максимовны — бабушки Алены.

Аккурат в год свадьбы внучки...

Морщусь, словно все зубы разом заболели. Не то, чтобы мне нравилась эта женщина — скорее наоборот, но Алена ее очень любила. Представляю, какой это был удар. Особенно после всего случившегося...

Тру ладонями лицо и все-таки поднимаюсь — надо осмотреть квартиру. Юлия сегодня

на девичник укатила, спроваживает замуж какую-то там по счету подругу. Утром наверняка приползет с хорошим таким перегаром. Нет желания им дышать, поэтому останусь я здесь. Тем более ноут с собой.

Для работы выбираю лоджию. Она застеклена и переделана под уютную зону отдыха.

Сразу после подключения лезу на почту. Там должно быть очень важное письмо — кажется, мои идеи пришлись по вкусу одной очень жирной рыбешке. Не обольщаюсь, но запасной аэродром пришелся бы кстати. Оболенский пусть даже не рассчитывает меня к своей фирме привязать.

Краем глаза замечаю новостной заголовок. Ого, знакомые названия... Перехожу по ссылке и сразу же вгрызаюсь в статью.

ЧП на объекте Бесстужева. Одного рабочего хорошо так прибило — инвалидом остался. Читаю по диагонали, только чтобы суть ухватить. Оболенский ничего про это не говорил — он вообще последнее время с радаров пропал, и это настораживает.

Взгляд скользит по последним строчкам и спотыкается на слове «репродуктивный».

«Источники сообщают, что в это время владелец находился на приеме врачей в репродуктивном центре имени... вместе со своей женой».

В груди опять разгорается пожар. Значит, чета Бесстужевых решила на пополнение семейства... ЭКО или какой-то другой способ... плевать.

Я должен быть рад, что нашелся выход, да вот ни черта подобного!

Закрываю ноут и направляюсь в кухню. Уж очень сильно хочется выпить чего-нибудь покрепче. Но алкоголь не может заглушить паскудное ощущение растерянности и одиночества. Словно я свернул куда-то не туда. Выбрал не то, и вообще все делаю не так...

— Удачи тебе, Алена, — бормочу, салютуя бокалом в воздух. — А еще... счастья семейного.

Последнее, что меня связывало с прошлым — утекло песком сквозь пальцы. Алена никогда не оставит ребенка без отца. Теперь она на все сто процентов Бесстужева.

Прохладный ветерок обдувает пылающие щеки. Я смотрю на фото теста с двумя очень характерными красными линиями и не могу поверить своим глазам.

Вот все и случилось. Ульяна... То есть мы с Артуром станем родителями. О, Господи...

— Ты не рада?

Встревоженный голос мужа звучит полупшепотом. В ушах шумит, и картинка перед глазами пляшет, но я давлю из себя улыбку:

— Это так... Это чудо.

И ведь не лукавлю — процедура завершилась успехом с первого раза.

— Один эмбрион не прижился, — продолжает Артур. — А вот второй... То есть вторая, отлично себя чувствует.

Так получилось, что при оплодотворении двух яйцеклеток сформировались мужская и женская «снежинки». Посоветовавшись, мы с Артуром решили перенести обоих. А там как получится, пусть муж и хотел первую девочку.

Его желание исполнилось.

Очень гладко все прошло, наверное, так задумано свыше. И только я по-прежнему сомневаюсь.

— Как ты думаешь, где обустроим детскую?

Артур воодушевлен. Чувствую его довольство — глаза мужа сверкают, а взгляд такой... особенный. Для него ребенок — это еще один шаг к счастью. Вот бы мне так.

А ведь еще два месяца назад я с удовольствием бы поддержала мужа. Но появление Ястребовского разбередило старые раны. До сих пор не могу выкинуть из головы наш последний разговор. Прокручиваю, мусолю... Это как сковыривать едва зажившую корочку раны — больно, но остановится не могу.

— Я думаю, рядом с нашей комнатой? Или в нашей... Только давай не сейчас, ладно? Боюсь.

— Вот уж не думал, что моя Елена Прекрасная настолько суеверна, — хмыкает Артур.

Не суеверна. Я боюсь не справиться и, похоже, уже жалею, что тогда поддалась эмоциям и, влетев в кабинет мужа, сходу согласилась на ребенка. Хотела доказать себе, что могу? Но ведь это не шутки... Да и толку теперь от моих метаний.

— Моя бабушка, хоть и учительницей была, тоже во многое верила, — отвечаю с улыбкой. — Всегда три раза по дереву стучала и домовому бусины по углам сыпала.

Артур смеется, обнимает меня за плечи.

— Стучать, это пожалуйста. А вот про бусинки забудь — знаешь, какие дети бывают? Мой...

Артур осекается. А я ласково касаюсь руки мужа.

— Ты можешь рассказывать, если хочешь. Я не ревную тебя к сыну.

Но муж качает головой.

— Это неправильно. Прошное должно остаться в прошлом.

Ах, если бы это было легко! Как оказалось, мне даже психолог не помог. Не вылечил полностью. Иначе бы я сейчас так не дергалась. Надо снова навестить Генриха Вольфовича. А то с этой работой, процедурами и всем-всем я совершенно пропала. Еще и это ЧП... Не зря муж ругался — из-за несоблюдения ТБ пострадали люди. Хорошо, что камеры все

фиксировали и никто не мог бы упрекнуть Артура в нарушениях норм.

— Давай лучше подумаем о будущем? — переключая внимание мужа. — Надо бы навестить Ульяну.

— Точно. Хорошая она женщина, я помог ее дочь в школу получше устроить...

Артур встает и направляется к бару.

— ... Думаю, надо отметить сегодняшний день, — бросает с улыбкой. — Что ты...

Спокойная до этого речь вдруг прерывается. Муж резко тормозит и трет грудь, словно ему больно.

Я мгновенно оказываюсь рядом. Боже, какой бледный! И лоб в поту!

— Артур! — хватаю мужа за рукав. — Тебе плохо? Я вызову скорую!

Муж отрицательно мотает головой:

— Не на...

Вдруг его глаза закатываются, и Артур без сознания валится на пол.

***

В больнице тихо и пахнет стерильностью. Мимо то и дело пробегают медсестры, спешат по своим делам врачи. А я жду.

Гипнотизирую взглядом плакат, на котором нарисована улыбчивая пожилая пара, а сбоку прописаны рекомендации о своевременном обследовании сердца.

Сглатываю сухой комок.

Артура сразу увезли в реанимацию, а я рванула за скорой.

Больше всего боялась, что ему не помочь. Кажется, истерику устроила, но славная девушка из приемного сообщила, что ситуация хоть и критическая, но муж держится.

Значит, надо и мне.

Артур должен увидеть сильную и настроенную на позитив жену.

Но дрожь никак не желает стихать. Я кусаю губы, стискиваю телефон и отчаянно желаю бежать в палату, чтобы своими глазами увидеть мужа. Прикоснуться к нему, понять, что он жив и все будет хорошо.

И как же сильно сейчас не хватает хоть кого-нибудь рядом!

У меня так и не появилось подруг, а бабушка умерла... Она не дождалась правнуков.

— Елена Бесстужева? — грохочет над головой. — Я лечащий врач вашего мужа...

Подскакиваю на ноги, впиваясь взглядом в невысокого худощавого мужчину. Не заметила, как он подошел. И начать говорить тоже не могу, как дура разглядываю блестящий стетоскоп, перекинутый через шею доктора.

— ...Приступ удалось купировать, — продолжает мужчина. — Но состояние все еще тяжелое.

— Что с ним? — наконец выталкиваю из себя.

Врач хмурится. Я вижу, как дергается кадык на жилистой шее, словно мужчина медлит, аккуратно подбирая слова.

— Острая сердечная недостаточность. Затронуты обе стороны сердца. Есть подозрение на тромб. Скажите, ваш муж не принимал никаких лекарств? Например, легкое снотворное или нечто подобное?

Я давлюсь воздухом.

Снотворное!

После недавнего ЧП Артур стал жаловаться на плохой сон. Сказал, что напишет знакомому врачу, чтобы тот ему лекарство посоветовал. Даже название сказал.

Дрожащими пальцами активирую телефон и лезу в переписку.

— Вот, — показываю доктору. — Снотворное...

Мужчина хмурится еще больше.

— Компетенция врача, назначившего вашему мужу данное лекарство, вызывает сомнение. Его не рекомендуют сердечникам.

А мне и сказать нечего. Артур не отчитывался, что он принимал... И в каких количествах.

— Но ведь он недавно начал, — мямлю, сама не понимая, зачем оправдываюсь — какая теперь разница? — Неужели... Доктор! С Артуром все будет хорошо? Мне что-нибудь нужно сделать? Я не знаю... сдать кровь или...

— Или просто успокоиться, — мягко обрывает мужчину. — Я буду держать вас в курсе.

Что? Это мне намекают сейчас брать ноги в руки и уматывать? Мотаю головой, совершенно не согласная с этой мыслью.

— Я останусь здесь.

Доктор только плечами жмет. Ну конечно, не первый раз подобное видит.

— В реанимацию посторонним нельзя. Из приемного покоя выгнать вас я не могу, но кому от этого станет легче? Артур Романович сейчас без сознания, на аппаратах. Лечение будет проходить согласно индивидуальной схеме. Это не быстро. Но знаете, я хоть и атеист, — усмехается криво, — однако кое-что иначе как чудом объяснить не могу. Даже без сознания некоторые люди чувствуют тревогу родных. А вашему супругу сейчас нужны силы для борьбы.

Возразить мне нечего.

Скомкано благодарю и иду к выходу. Мне действительно лучше ехать домой. И постараться понять, как вести дела фирмы до тех пор, пока Артур не поправится.

***

Демьян

Звонок Оболенского застает в самый неподходящий момент — я как раз на встрече с предполагаемыми партнерами.

— Черт, — ругаюсь сквозь зубы.

Но Шахов понимающе кивает. Чем добавляет симпатий еще на пару пунктов. При первой встрече он мне показался довольно резким человеком. Думаю, из-за примеси горячей южной крови. Но потом мы довольно быстро нашли общий язык.

— Давайте передохнем, — откидывается на кресло и жмет кнопку селектора. — Ольга Геннадьевна, будьте добры кофе.

Секретарь у Шахова колоритная, конечно. Похожа на Шапокляк, только что вместо вредностей занимается вполне себе нормальной работой. Но на каждого посетителя смотрит как на голодранца-побирушку. Надеюсь, она не плюнет мне в кофе.

Мобильник опять вибрирует и я. Еще раз извинившись, покидаю кабинет.

Если Оболенский начнет мозг выносить Юлиным «отдыхом», сразу сброс нажму. После очередной ссоры благоверная укатила на спа-курорт, чем меня несказанно обрадовала. Я без лишней суеты мог и поработать, и с Шаховым встретиться, чтобы обсудить дальнейшее сотрудничество. Ему мои идеи приглянулись.

Забравшись в самый тихий закуток, поднимаю трубку.

— Наконец-то! — рычит Оболенский без приветствия. — Где тебя черти носят?! У бабы завис?

Морщусь, как от зубной боли. Юлией сыт по горло, какие бабы? А, впрочем... Перед глазами мелькает гибкая фигура в алом платье. Я старался не думать об Алене. Но порой она просачивалась в мою жизнь в незначительных мелочах: незнакомая девушка, похожая на нее глазами и красотой волос, особенно вкусные печенья в кафе, детский смех... Последнее дергало за нервы все так же больно. Никогда раньше не задумывался о детях, а теперь провожал взглядом коляски. И все больше убеждался — Юлию в роли матери не вижу никак. А вот Алену легко.

— По себе судите? — возвращаю шпильку Оболенскому. — Или охрана бдит?

— Какая охрана? — ворчит Оболенский, а голос фальшивый насквозь. — Забудь... Я к тебе по делу. Бесстужев в реанимации.

— Где? — переспрашиваю тупо, а рука к шее тянется — галстук ослабить.

Но если он в реанимации, то... А как же Аленка? Что с ней? Тоже в больнице?! Черт она же на складах бывает, на стройке.... Неужели опять ЧП?!

— С сердцем свалился, — продолжает информировать Оболенский. — Уже неделю на аппаратах.

От облегчения голова кругом — значит, с Аленой порядок.

Я с силой тру шею и, наконец, заставляю себя собраться. Ни в коем случае нельзя показать, что меня эта новость хоть чем-нибудь зацепила! Оболенский может сделать очень правильные выводы касательно нашего с Аленой прошлого.

— Ну и что? Документы я сдал, все вопросы закрыл. К фирме его отношения не имею.

Оболенский сопит в трубку. Пытается прощупать, насколько я фальшивлю, но быстро сдается.

— Ты ведь с его женой хорошо знаком. Нравился ей, — добавляет вкрадчиво.

Вот урод.

— Нравился я многим, Георгий Георгиевич. Детям, знаете ли, свойственна влюбчивость. А поищите еще Танечку Жанко? Она мне нравилась капец как. Цветы ей носил, стихи сочинял...

Оболенский молчит. Не верит мне, но информации недостаточно.

— ...Ну так что? — продолжаю «равнодушно». — Мне теперь весь наш колхоз вспоминать, кто в кого влюблялся?

Трубка тяжело вздыхает:

— Я к тому, что меня она избегает, общается через замов. А ты мог бы и поговорить с глазу на глаз по старой дружбе.

— Не было никакой дружбы, — цежу, окончателью срывая шелковую удавку. И лучше бы это не было враньем... Лучше для Алены. — К чему эти телодвижения? Бесстужев скоро очнется, опять на всех гавкать станет.

— Очнется, как же... Хреновенько у него дела, врачи говорят. Как бы Елена Николаевна не осталась вдовой...

Я молчу. Не знаю, что сказать. Вообще ни черта из себя не могу выдавить — как баран тарашусь на противоположную стенку.

А если Бесстужев реально не жилец? Что Аленой будет? Она же его любит... Галстука нет, а воздуха опять почему-то не хватает. И в груди неприятно так жжет, словно под сердцем раскаленная игла засела.

— ...И ей будет нужен рядом кто-то хорошо знакомый, — продолжает Оболенский, не дождавшись моего ответа. — Пока девчонка будет загружена можно парочку выгодных

контрактов пропихнуть.

Вот же... сволочь какая.

Как я не выматерился в трубку, сам не пойму. Кулаки не то, что чесались — болели от желания двинуть по лощеной морде. Решил, значит, бабла поднять, урод старый. Ну я ему...

— Скоро перезвоню, — выдавливаю из себя и нажимаю на сброс. А внутри не просто жжет — натурально кипит.

Я знал, что Оболенский циничная мразь, но не до такой же степени. Воспользоваться Аленой, пока она в таком уязвимом состоянии.

А память услужливо подкидывает воспоминания о прошлом. Я и сам не сильно лучше. Такой же мудака.

Засовываю телефон в карман и иду обратно к Шахову.

Объясню ему все, как есть. А потом — в Питер.

Обобратить Алену я не дам. Пусть Оболенский не мечтает даже.

В кабинете тихо так, что в ушах звенит.

Я силюсь вчитаться в бланк, лежавший передо мной, но буквы расползаются уродливыми кляксами.

С усилением тру виски, но это не помогает собраться. Кабинет Артура уютный и светлый, но все равно я чувствую себя в клетке. От желания вскочить и бежать в больницу немеют кончики пальцев, но какой смысл?

В реанимацию меня никто не пустит. Даже за деньги... Мои неумелые попытки выторговать у врача свидание с мужем с треском провалились. Доктор не стал ругаться. Сообщил, что я не первая, да и не последняя, но пускать к мужу отказался.

А ведь лечение не помогало! И вчера вечером у Артура опять останавливалось сердце.

Я до боли прикусываю губу. Ужасно хочется плакать и кричать, а слез нет. Засели под веками, словно льдинки, никак не выплакать. Но и после истерики мне вряд ли стало бы легче...

Селектор на столе осторожно кашляет:

— Елена Николаевна, — почти шепотом произносит Марьяна. — К вам Оболенский.

От нахлынувшей злости я едва нахожу сил ответить. Оболенский мне не понравился с первой секунды знакомства. Похожий на угря, с липким взглядом и неискренней улыбкой, мужчина вызывал стойкое желание обойти его по широкой дуге и больше никогда не встречаться.

Возможно, это реакция вызвана пониманием, что именно он — отец девушки, которой заменил меня Ястребовский, но это же не повод крутить носом. И все же я не могла избавиться от чувства брезгливости и отторжения.

Вот и сейчас я едва удерживалась от гримасы, наблюдая за просочившимся в кабинет мужчиной.

— Елена Николаевна, доброе утро, — мурлычет Оболенский, а в карих глазах лед. — Как вы? Как здоровье Артура Романовича?

Не верю, что он не знает. Такой типаж на каждом углу имеет уши и глаза. Но приходится играть в вежливость.

— Пока без изменений, — отвечаю сдержанно. И сразу перехожу в наступление. — Вы что-то хотели? Документы передали еще утром. Проверенные.

На породистом лице мелькает тень. На девяносто девять процентов уверена — мужчина недоволен, но продолжает давить из себя радушие и внимание.

— Да, все нормально. Приятно удивлен вашей пунктуальностью и быстрой работой. На самом деле, я по другому вопросу, — барабанит пальцами по столешнице. На одном из них — массивный перстень-печатка. Это невольно вызывает ассоциацию с братками из девяностых. — Мне в Москву надо. Тоже по состоянию здоровья...

Молчу, не совсем понимая, к чему клонит Оболенский. Если надо — пусть едет, плакать не стану.

— ... Врач сказал, в стационар лечь придется. Так что мое место снова займёт Демьян Викторович.

Крепко сжимаю губы, только чтобы не застонать. Ястребовский?! Только не он...

— Совсем замов не осталось? — интересуюсь, с трудом сохраняя равнодушие.

Но Оболенского не проведешь:

— Неужели есть претензии к его работе? И потом, вы же друг друга знаете...

Стул подо мной превращается в раскаленную сковородку. Оболенский что-то пронюхал о моем прошлом? Ястребовский проболтался? Не удивлюсь — он мог.

А мужчина смотрит внимательно так. Реакцию отслеживает. И это помогает прийти в себя.

— Ну да, — жму плечами. — Но вообще я много кого знаю. Так что же теперь, готовить особое отношение каждому из знакомых?

Мужчина раздраженно щурится. Или он не услышал того, чего хотел, или пронюхал гораздо больше. Последняя мысль приводит в ужас.

Не хочу, чтобы мое прошлое вытаскивали и мусолили перед всеми. А Оболенский на это способен. И если сейчас он начнет угрожать...

— Демьян сказал мне тоже самое, — скалится, а улыбка насквозь фальшивая. — Но позвольте, Елена Николаевна, вы жили в, м-м-м...

— Деревне, — подсказываю зло.

Спектакль Оболенского напрягает. А перспектива вновь работать с Демьяном не вызывает восторга.

— Поселке городского типа, — дипломатично виляет Оболенский. — Неужели нет каких-то общих воспоминаний, дружеских чувств...

Общих воспоминаний? Сколько угодно! Только дружбой там не пахло.

— Мое прошлое умерло вместе с бабушкой, которую я считала единственным близким человеком, уважаемый Георгий Георгиевич. Все Демьяны, Ольги, Саши, Нади — давно меня не интересуют. На этом предлагаю закончить. Присылайте кого угодно. Мне одинаково все равно.

Вру и не краснею. Но это единственный шанс отделаться от Ястребовского, не зря же его так упорно сюда подсовывают.

Оболенский медленно кивает и встает из-за стола.

— Очень надеюсь, что Артур Романович скоро придет в себя, — желает на прощание, а мне до дрожи в пальцах хочется запустить в мерзавца фарфоровой чернильницей. Она увесистая и наверняка больно ударит.

Но я делаю вид, что возвращаюсь к чтению документации. Не поднимаю головы до тех пор, пока умница-Марьяша так же шепотом сообщает что все — ушел.

— Может, вам травяного чаю? — щебечет заботливо.

Такая юная и мила девушка... Артур ее буквально спас. Как-то обмолвился, что ей грозила опасность от повернутого на голову мажора.

Дела завести на мальчишку не получилось — не было улик, а вот помочь девушке с переездом и работой — это легко.

Марьяна в совершенстве знала два языка, учила третий и была отличным секретарем.

— Принеси, пожалуйста, — соглашаюсь с предложением.

Девушка тут же входит с чашкой — готовилась, значит.

— Мне он тоже не нравится, — морщит аккуратненький носик с россыпью веснушек. — Скользкий, словно жаб...

Впервые за долгое время мне хочется улыбнуться.

— Угря напоминает. В деревне, где я жила, речка текла, илистая очень. Мальчишки там угрей ловили. Толстых и темных, словно пиявки. Мерзкие такие.

Девушка робко улыбается. А я в который раз отмечаю, насколько у нее необычная внешность: волосы светлые, глаза темные еще и забавные пятнышки на белоснежной коже. И пусть черты лица не идеально гармоничны, но все равно красивы. Марьяна легко могла идти в модельное агентство. С изюминкой внешность, ничего не скажешь. Но девушка вела на удивление скрытный образ жизни. Наверное, все еще боялась того мажора, который к ней приставал.

— Вы зовите, если что-то понадобится. И... я очень надеюсь, что Артур Романович поправится. Мы все надеемся.

Девушка тоже выскользнула за дверь. Но долго одной мне быть не пришлось — мобильник опять ожил.

Липкий страх сдавил горло. Я боялась сообщений от врача. И ждала их. В прошлый раз мне рассказали об ухудшениях, а в этот...

«Елена Николаевна, приезжайте в больницу. Требуется ваше присутствие»

***

Писк приборов действовал на нервы.

Я сидела около кровати мужа и изо всех сил пыталась найти слова, чтобы хоть как-то заглушить эти ужасные звуки.

— На работе все вроде бы не плохо, — шептала, поглаживая руку мужа. Такая прохладная! — Замы хорошо справляются, ты правильно сделала, что Витко повисил. Он прямо кипит энергией. И тоже ждет, что ты скорее поправишься.

Артур не отвечает, конечно.

Мои надежды оказались преждевременными — муж лишь на краткое мгновение пришел в себя и тут же распорядился позвать жену. Что врач и сделал. Артуру оплачивалась отдельная палата, в которую его перевели не так давно. И все же меня не пускали, пока не услышали прямой просьбы мужа. Уж не знаю, как и о чем он разговаривал с доктором... Разве это важно?

Меня не было в этот момент рядом! А теперь Артур снова без сознания.

— Оболенский опять в Москву лыжи наострил, — продолжаю тихо. — И хочет прислать вместо себя Ястребовского. Цирк-шапито какой-то. Но ты не переживай. Натравлю на него Витко, пусть работают. Я теперь вроде как тоже твой зам... ну, ты знаешь...

Еще год назад Артур завел разговор про наследство. Что стало причиной — до сих пор не знаю. Хотя... Муж не слишком радовался своему юбилею в пятьдесят лет.

Он и раньше слегка комплексовал, что стар для меня... Но после праздника на некоторое время даже отстранился. А потом огорошил, что к нотариусу заглядывал. Бумаги оформил, по которым фирма доставалась мне.

Нет, я не обрадовалась. Мы даже поспорили... Но в итоге Артур настоял на своем. Близких родственников все равно не было. Марьяна — седьмая вода на киселе, да и вряд ли захочет становится бизнес-леди — не та натура.

Но я тоже не хотела! И все же понимала, как важен для Артура проект всей его жизни.

И вот теперь приходится сидеть в кабинете, периодически выставляя подписи. Совсем не мое! Это должен делать Артур!

Запястье под моими пальцами слабо дрогнуло.

— Артур! — вскочила на ноги.

Очнулся! Надо позвать врача! Где медсестры?! Где...

— Сонеч-ка...

Тихий шепот сковывает каждую мышцу. Артур... Он видит не меня, а свою погибшую жену! Зовет ее!

Сердце тяжело ворочается в груди, но я размыкаю губы.

— Да? — и, лишь секунду помедлив, добавляю: — Любимый.

Артур слабо улыбается. Его глаза устремлены куда-то поверх моей головы. Взгляд расфокусирован.

— Ты со мной, — выдыхает на грани слышимости.

В воздухе гремит истошный писк аппаратуры. И мой крик.

Демьян

Убью эту тварь. Живьем закопаю... Сжимаю кулаки и смотрю на Оболенского, не в силах осознать весь размер его сволочизма. Это он сейчас серьезно? Вот прям нигде ничего не чешется?!

Хотя, о чем это я...

— Думаю, у тебя получится подставить Елене Николаевне крепкое мужское плечо. Она сейчас фактически одна, совсем не соображает. Это значит...

— Мне ее в постель тащить? — интересуюсь таким тоном, что Оболенский мгновенно затыкается.

Хмурит кустистые брови, прицокивает языком, пытаюсь скрыть растерянность. Но даже в полумраке ресторанной вип-кабинки я вижу, как пульсирует темная жилка на виске.

— Ты женат, вообще-то. На моей дочери.

А, про дочь вспомнил, как мило! Или это все игра, для отвода глаз? Оболенский — тот еще угорь.

— Тогда о каком плече может идти речь? Мне что — серенады под окном петь или психотерапевтом заделаться?

— Вот, — назидательно поднимает палец. — Про психотерапевта — это правильно. Заделайся. Мне сейчас важно, чтобы она пару документов подписала. Ничего особенного — боже упаси, так... гарант дальнейшего сотрудничества.

С кучей условий для самых жирных прибылей.

Знаю я этого обмудка. Прирожденный торгаш, свое не упустит. Он ведь и меня к своей дочке ненаглядной определил не только из благих побуждений. Понимал, что я ишачить буду как не в себя, а заодно Юлию в узде держать. Последнее мне осточертело до крайности. Но за Аленку хотелось придушить голыми руками.

— И ради чего мне стараться? — перехожу на понятный Оболенскому язык.

Пусть думает, что может подкупить сладкими обещаниями. Как несколько лет назад.

— А что ты хочешь? — интересуется в свою очередь.

— Половину.

Оболенский заходится кашлем. Пучит глаза, в грудь себя бьет, а мне, как Станиславскому, так и хочется крикнуть «не верю». Но я продолжаю молчать. Даже стакан с водой ему подвигать не собираюсь.

— Демьян, мы ведь семья, — выдает, наконец.

— Правда? Ну так отпишите мне часть фирмы.

— Я же говорил, как внука увижу — отпишу.

Да, был такой разговор. Последнее время Оболенский этим очень давит. Не знаю, на что рассчитывает. Юлия детей хочет еще меньше, чем я.

А в ушах опять бьются Аленкины слова про выкидыш. И от этого в груди тяжело и горько.

— Треть, — сбрасываю «ценник». — Между прочим, я свои заработанные не только в дом, но и в жену вкладываю.

Которая как бездонная бочка, но об этом благоразумно молчу. Оболенский хмурится, но все же кивает.

— Ладно, по рукам. Только постарайся дело проверить быстрее.

О, это непременно! Так проверну — до старости не забудет. Я впервые за долгое время позволяю себе улыбку.

Оболенский поднимается и, бросив на стол купюру, выходит. А я остаюсь допивать кофе. Нужно хорошенько обдумать план действий.

Только бы Алена меня не послала...

***

Дома непривычно тихо.

Я сижу, закутавшись в плед и сжимаю в пальцах рубашку Артура.

От нее еле-еле пахнет парфюмом. Чуть резковато, остро... Но за прожитые вместе годы я привыкла к этому запаху. Он стал для меня неотъемлемой частью мужа. Которого теперь нет.

Горло сдавливает спазмом.

Но глаза по-прежнему сухие. Не могу плакать. Может, на похоронах... До боли прикусываю губы, пытаюсь осознать, что больше никто не обнимет за плечи и не шепнет «Все будет хорошо».

Никто не защитит, не решит проблемы, не успокоит какой-нибудь забавной историей или обыкновенной прогулкой.

Ради меня Артур соглашался пройтись под дождем, хотя не любил выбираться куда-то в такую погоду. Или посмотреть неинтересный фильм.

Да, у нас было мало общего. Но это не мешало испытывать к друг другу чувства.

Боль в груди расцветает с утроенной силой.

Нет, я не обижаюсь на мужа, что в последнюю секунду он звал не меня, а бывшую жену. Понимаю, насколько сильно бывает прошлое, а со мной — это уже другое. И все же я так хотела проститься. Сказать хоть несколько слов, чтобы он услышал и, может, ответил.

Ведь я теперь не знаю, как быть.

Что мне делать? Где найти сил управлять фирмой и более того — не пустить ее по миру. Я же совсем не начальница. Нет у меня таких задатков! А еще Ульяна... Конечно, с женщиной все было хорошо. И с обеспечением тоже — Артур заблаговременно позаботился перевести деньги на отдельный счет с ежемесячными выплатами. И в случае — как будто предвидел! — смерти одного из биологических родителей, второй брал на себя ответственность заботы о новорожденном.

С губ срывается протяжный вздох.

Я не представляла пока, как возьму ребенка на руки. Что почувствую... Наверное, если бы я сама выносила...

Опять тру глаза, пытаюсь прикосновениями отогнать тяжелые мысли.

Надо бы идти в постель и постараться вздремнуть хотя бы пол часа, но не могу. И в желудке свернулся холодный стылый ком.

Мерещится звон медицинских инструментов и резкие голоса врачей. Сумею ли я стать хорошей мамой? И как объяснить дочке про отца? Рассказать, каким человеком он был...

Пальцы мнут белоснежную ткань рубашки.

Так плохо сейчас, что хочется лезть на стену, но я не двигаюсь.

Смотрю на противоположную стену, где висят наши с Артуром фотографии. В полумраке они кажутся черными провалами. Это пугает. И озноб опять бежит по коже волной противных ледяных царапок.

Захлебываясь своим горем, не сразу понимаю, что в дверь звонят.

Встаю и машинально кидаю взгляд на телефон. Но там нет ни одного пропущенного. Странно. Обычно, о визитах предупреждают. А, не важно. Может, кому-то из соседей помощь нужна.

Мы с Артуром неплохо общаемся с... Останавливаюсь, хватаясь за стену, как за спасательный круг. От накотившей боли вздохнуть нельзя — нет больше нас с Артуром. Боже, ну почему я не заставила его лечь на обследование раньше?!

Шумно выдыхаю и все же заставляю себя доползти до домофона.

На воротах видеонаблюдение, да и охрана не пустит в поселок кого попало.

Но едва включаю дисплей, как тут же выключаю обратно.

Сердце делает кульбит, а вместо озноба кидает в жар. Меня опять начинает трясти, но на этот раз от злости.

Ястребовский!

А он какого хрена тут забыл?!

***

Демьян

Не знаю, на что я рассчитывал, но точно не на игнор. Алена абсолютно точно была не рада меня видеть, вот только послать по матери не позволяло воспитание.

Ладно... Мне нужно успеть хотя бы слово вставить. Иначе вот тот охранник, которого я еле уболтал, пинками спустит с лестницы. Я ему не понравился с первого взгляда, а попытка подкупить с треском провалилась.

Снова давлю на кнопку вызова.

Спустя несколько томительных минут, когда охранник уже готов вытолкать меня взащей, Алена все же поднимает.

— Убирайся.

Ну что ж, заслужил. Но все это потом.

— Оболенский... — произношу как можно тише. Не хватало, чтобы охранник что-то услышал.

Но если сейчас Алена повесит трубку... Сжимаю кулаки, запрещая себе об этом думать.

— ... Есть очень важная информация, — продолжаю скороговоркой. — Пожалуйста.

Секунды кажутся вечностью.

Алена продолжает хранить ледяное молчание. Оно настолько выразительное, что я прекрасно понимаю, насколько сильно девушка хочет видеть мою рожу.

Будь я последним человеком на земле, Алена бы в мою сторону головы не повернула.

Охранник двигается в мою сторону, но, к счастью, раздается щелчок замка. Калитка приоткрывается.

— У меня оружие, парень, — угрожающе ворчит здоровяк. — Только попробуй что-нибудь выкинуть.

Очень хочется съязвить в ответ, но сдерживаюсь — не в том я положении.

Киваю охраннику и тороплюсь внутрь — пока меня не развернули.

Мимоходом отмечаю, что дом у Бесстужева довольно большой. Три этажа, с огромными окнами и мансардой. Дизайн отличный. Здесь можно вырастить десять детей и каждому по комнате достанется.

«Не люблю большие дома», — шепчет в ушах ласковый голос. — «Неуютные они какие-»

то».

Аленка как-то делилась мыслями насчет домика своей мечты. А я слушал в пол уха — ерундой казалось. М-да... Какой же я придурок.

Взбегаю по лестнице, но на звонок нажать не успеваю — дверь распахивается, и я опять стискиваю кулаки.

Первым желанием было сграбастать Аленку в охапку и прижать к себе — настолько подавленной она выглядела.

Лицо прямо как мрамор белое, под глазами круги и губы искусаны. Я, конечно, понимал, что она переживает, но настолько... Стискиваю зубы, пытаюсь избавиться от гадливого ощущения собственной ненужности. Я для Алены такой же урод, как Оболенский.

— У тебя минута, — сухо произносит Аленка.

Лучше бы пощечину залепила, и то приятнее было бы. Но вместо ответа я включаю диктофон.

Там весь наш разговор с Оболенским записан, как он меня уламывает контракты нужные пропихнуть.

Алена слушает, но словно бы не слышит — никаких эмоций, будто передо мной восковой манекен, завернутый в плед. Ей плевать на летнюю духоту и меня в том числе.

Запись обрывается и опять повисает тишина. Она давит на барабанные перепонки, заставляет нервничать и чувствовать себя с каждой секундой все паскуднее.

А чего я ждал, собственно? Радостных воплей благодарности? Только не от этой девушки.

— Спасибо, что предупредил, — наконец отмирает Аленка. — Это все?

Хочу сказать, что да. Я предупредил, теперь Аленка и близко Оболенского не подпустит. И, возможно, вообще оборвет с ним контакты. Но вместо того, чтобы извиниться за поздний визит и уйти, выдаю тихое:

— Прости, Алена. Я повел себя как мудака...

Девушка вздрагивает. В темных глазах мелькает что-то такое, от чего на секунду перехватывает дыхание, но я продолжаю:

— ... Это я виноват, что не сдержался. Дал шанс надеяться на... — проглатываю сухой комок, — на отношения. Ты ведь еще совсем девчонка была. Неопытная, чистая. Я понимал и должен был остановиться. Но...

Алена молчит. Только глаза блестят ярче, может, из-за подступающих слез или мне просто кажется.

— ... Я только хотел сказать, что не изменял тебе. Хоть это уже и не важно.

— Не важно, — эхом повторяет девушка.

А потом хлопывает дверь.

Вот и весь разговор. Хочется треснуть кулаком об стену или налакаться до беспамятства. Как мне теперь общаться с Аленой? Не знаю.

Оболенский наверняка не оставит меня без надзора, по любому кого-то успел науськать и денег всунуть. Придется отыгрывать попытки сближения.

Иду к своей машине под конвоем охранника.

Кажется, он сожалеет, что не смог приложить меня чем-нибудь тяжелым.

Я тоже.

Может, тогда не было бы так паскудно. Я словно пытался склеить тонкую фарфоровую чашку, но выходило только хуже.

Сажусь в машину, но не сразу завожу мотор.

В голове словно камни ворочаются — тяжело и медленно.

Нужно что-то придумать... Не знаю... Хотя бы как-то наладить диалог. Или не сделать хуже...

Идея приходит настолько неожиданно, что я на мгновение перестаю дышать.

Психолог!

Тот самый, который общался с Аленой. Наверняка он сможет подсказать несколько правильных поступков.

Завожу мотор и тороплюсь прочь из коттеджного поселка. Мне нужно постараться найти этого врача. Хорошо, что я помню, как выглядит мужчина.

День похорон смазывается в одно безликое серое пятно. Я вижу себя будто со стороны. Вокруг какие-то люди, они что-то говорят, то исчезают, то появляются снова... Много знакомых, коллег, сочувствия и неискренних слез.

А у меня до сих пор глаза сухие.

Стою у свежей могилы и отрешенно смотрю на огромный холм их венков. Заботу об организации погребения взял на себя Витко, за что я ему искренне благодарна. Сама бы я ни за что не справилась.

— Елена Николаевна? — раздается за спиной незнакомый голос с чуть заметным акцентом. — Примите мои соболезнования.

Буквально заставляю себя развернуться и взглянуть на говорившего.

Первое, что бросается в глаза — эффектная внешность. Мужчине около сорока, может, немного меньше. Чем-то похож на Кристиана Бэйла, когда он в «Эквилибриум» снимался, только черты лица грубее и резче. Наверняка за таким шлейф из разбитых женских сердец, но мое и так все переломано — ничего не дрогнет.

— Спасибо, — произношу сухо.

Мне не интересно, кто этот красивый незнакомец. Ужасно хочется остаться одной, но мужчина не торопится уходить.

— Я Владислав Агатов — давний друг вашего мужа.

Жму плечами.

— Никогда о вас не слышала.

Мужчина хмурит темные брови.

— Понимаю. В последние несколько лет мы с Артуром редко общались. По правде сказать, я виноват перед ним. Из-за аварии, — мужчина замолкает и смотрит внимательно.

Думает, что не знаю? Зря. Между нами не было тайн.

Киваю, чтобы показать свою осведомленность.

— Так вот, поддержка друга была очень нужна Артуру. Но в это время я и сам погряз в сердечных делах, — мужчина чуть заметно морщится. Очевидно, эта тема ему неприятна. — В общем, я совершил ошибку. Между нами состоялся неприятный разговор... Что толку теперь об этом вспоминать. Очень жаль, что я не успел поговорить с ним.

Да, мне тоже жаль... Только не Владислава, а своего упущенного шанса.

— Понимаю, сейчас вам не до этого, но, может, вы согласитесь на несколько встреч? Хочется узнать, как жил Артур все это время.

— Наверное потом, — наконец разлепляю губы.

Погода держится солнечная и теплая, но мне холодно. Внутри ледяная космическая пустота. А этот мужчина рядом вызывает только одно желание — уйти. Он мне не нравится. И вообще ничего не нравится — ни это чертово солнце, ни щебет птиц.

Хочется бежать отсюда. Закрыться в доме, упасть на кровать и разревется уже наконец. Но я не могу. Будто замерзла вся.

— Возьмите, — мужчина протягивает мне визитку. — Тут мой номер. Я занимаюсь тем же, чем и Артур при жизни. Строительная компания, только не в России.

Да плевать. Но визитку я беру.

— Вас подвезти? — делает еще одну попытку навязать свое общество, но я только

головой мотаю.

Не надо меня никуда подвозить. Транспорт с водителем есть.

Мужчина кивает, словно прочитав мои мысли и удаляется.

Еще некоторое время я смотрю на широкоплечую фигуру, а потом отворачиваюсь. Побуду еще пять минут. А потом и мне пора уходить. Как бы не было паршиво — дела не станут ждать. Я обязана позаботиться не только о фирме, но и о будущем ребенке. Через семь месяцев Ульяна должна родить.

***

Демьян

— Ну и ну, сам Демьян Ястребовский. Какая честь.

Генрих Вольфович Шнайдер откровенно забавляется. Скалит лошадиные зубы, блестит очками, а взгляд — словно у питбуля, который след взял.

Стискаваю кулаки, только чтобы не ответить ругательством.

— Вижу я, не вовремя, — киваю на чашку дымящегося кофе. — Могу уйти.

Мужчина жмет плечами.

— Уходите. Я насильно никого не держу.

И ведь ему реально все-равно. А я сейчас поставил себя в глупое положение.

— Вот и договорились. Только прежде вы мне кое-что поясните насчет Ал... Елены Николаевны.

Психолог откидывается на спинку кресла. Очень дорогое, кожаное, да и весь кабинет прямо-таки орет о благосостоянии владельца, хоть и оформлен в выдержанном неброском стиле.

— Зачем вам что-то пояснять? Вы сделали выводы при первой нашей встрече. В любовники к Елене Николаевне определили.

Сказать мне нечего. Но и смущаться не собираюсь. Если перед кем и виноват — то только перед Аленой, в своих грязных подозрениях. Сам не понимаю, откуда эта чушь в голове взялась.

— Мне нужна ваша помощь, — перехожу к цели своего визита. — Совет насчет общения с... Еленой Николаевной.

Немец удивленно выгибает бровь.

— Полагаю, вариант оставить девушку в покое вы не рассматриваете?

Нет, не рассматриваю. Я действительно и хочу помочь. Алене сейчас плохо. От моего присутствия рядом — еще хуже. Но я должен отвадить Оболенского. Не ради увещевания совести. Просто должен.

Немец снимает очки с аккуратнo кладет их на стол. Золотые дужки тускло поблескивают... Алена тоже теперь в очках. Наверное, после случившегося в больнице.

— Хорошо, я помогу вам, — произносит после недолгого молчания. — Но на определенных условиях.

— Каких?

— Для начала, не стану работать свахой, и тем более — распространяться о прошлом девушки. Мои советы будут исключительно во благо Елены Николаевны, и только для того, чтобы вы сделали еще хуже из-за своей неуклюжести.

Очень профессионально, черт возьми. Но Шнайдер, очевидно, тоже понимает, что я не отступлюсь — с его помощью или без.

— Еще что-нибудь? — интересуюсь сквозь зубы.

— Да, оплата.

— Сколько?

Цена меня не интересует. Могу хоть сейчас на банковский счет отправить.

— Десять...

Я хмурюсь, не понимая, о чем сейчас идет речь. Десять чего? Тысяч, миллионов? Рублей или уважаемый доктор предпочитает валюту?

— ...сеансов, — с ухмылкой заканчивает немец. — Вы — любопытный экземпляр, Демьян Викторович. И отлично дополните мою коллекцию.

От нахлынувшей ярости не нахожу, что сказать. Какая, к чертям, коллекция?! Я ему что, подопытная крыса?!

— Вы слишком импульсивны, Демьян Викторович, — мягко замечает психолог. — Любую фразу воспринимаете в штыки. Не стоит. Мне просто интересно разобраться, какие чувства вы испытываете к Елене Николаевне. И почему в свое время так отчаянно рвались на волю. Тяжелое детство, полагаю?

Протяжно выдыхаю и все-таки усаживаюсь в ближайшее кресло.

— Паскудное, если быть точным. Но я в порядке и до сих пор не понимаю, чем мог вас заинтересовать. По-моему, это нормально — пытаться изменить свою жизнь к лучшему.

— При этом отказавшись от великолепной девушки. Она понравилась вашим родителям?

«Х-хороша-ая девка. Невеста тебе будет!»

Вздрагиваю, словно мне между лопаток нож загнали. Пьяный голос матери скрипит над ухом, словно живой. Я натурально чувствую запах перегара и вонь сгнивших зубов.

— Откуда я знаю, нравилась или нет? — огрызаюсь нервно. — Они разное по пьяни болтали.

— Расскажите мне.

Психолог поудобнее устраивается в кресле. А я делаю глубокий вздох. Ладно. Я, черт возьми, расскажу о своих «чудесных» родителях. Немного. Не собираюсь здесь засиживаться.

***

Опять он.

Я смотрю на широкоплечую фигуру и не могу припомнить, чтобы среди списков присутствующих на поминальном вечере был этот... Владислав Агатов.

Мужчина о чем-то беседует с Витко. Рядом с ними еще несколько людей из совета директоров.

Мне это не нравится, но подойти нет ни сил, ни желания.

Во всяком случае, он Агатов имеет полное право прийти и простится с другом. Пусть и бывшим. А то, что мужчина мне глубоко несимпатичен — это только мои проблемы.

Словно почувствовав внимание, Агатов слегка поворачивает голову. Его строгий профиль можно было бы чеканить на монете, но я бы никогда не взяла их в руки.

Отхожу к окну, надеясь избежать более тесного контакта. К счастью, Агатов или понимает мое напряжение, или ему плевать. Он возвращается к беседе.

А я с тоской рассматриваю отвратительно-прекрасное небо.

Словно в издевку, закат горит самыми нежными перламутровыми и золотыми цветами. К ночи наверняка будет дождь, вот только мы с Артуром не посидим на веранде, любуясь всполохами грозы.

Господи, как же не хочется возвращаться в особняк!

Может, снять гостиницу? Но и там, кажется, я не найду покоя...

Мне отчаянно нужен рядом хоть кто-нибудь! И в эту секунду, как никогда остро, я понимаю, что обратится мне по сути не к кому. Подруг никогда особых не было — все мое внимание сосредоточилось на Ястребовском, а после замужества я и не стремилась их заводить — Артур заменил мне друзей.

— Елена Николаевна, может, отдохнете?..

Я вздрагиваю и оборачиваюсь — Витко возник рядом, словно призрак. Около него Валентина... Странно ее здесь видеть, я думала, она ушла со своими коллегами, сразу после похорон... Но это не важно. Девушка смотрит на меня с мягким сочувствием, но молчит. За это я благодарна.

— ...Мы сами все проконтролируем, — продолжает мужчина. — Не подумайте плохого, просто хотим помочь.

— Вы и так мне очень помогли, — пытаюсь выдавить из себя улыбку, но не получается.

Витко только рукой взмахивает:

— Это меньшее, что могу сделать. А вы и правда, идите. Все скоро закончится.

Вздыхаю, понимая, что мужчина прав. Делать мне тут больше нечего.

К счастью, мне не приходится общаться с Агатовым — мужчина исчез. Наверное, ушел. Сдержанно прощаюсь с теми, кто встречается на пути и тоже выхожу.

Зря.

Внизу, около самого выхода, замечаю широкоплечую фигуру Агатова. В груди неприятно екает. Я всерьез задумываюсь о том, чтобы развернуться и уйти, но мужчина оборачивается. Смотрит прямо на меня и ждет, чтобы проводить. Или сказать несколько слов. Только зачем?

Неслышно вздыхаю и заставляю себя спуститься. А походка деревянная, и по коже вновь бьет озноб.

Я устала, мне чертовски плохо, хочется выть от сердечной боли, а внизу ждет элегантный красавец, от которого воротит.

Возможно, удастся проскочить мимо?

— Простите, что надоедаю вниманием, Елена Николаевна, — начинает Агатов, едва я подхожу достаточно близко. — Вас подвезти?

Вот сейчас я очень остро сожалею, что отпустила водителя. Думала, добраться на такси — не хотела сочувственных взглядов и всего такого. Просто проехаться на машине с незнакомым человеком. Но не с Агатовым!

— Зачем утруждать? — возражаю, прекрасно понимая, что мужчина не отцепится.

— Никаких проблем, — Агатов мягко, но очень крепко перехватывает меня за локоть и ведет к машине. — Адрес знаю, доставлю быстро. Не волнуйтесь так, я не питаюсь молоденькими девушками.

Черт! Неужели меня настолько легко раскусить?

Но спорить нет сил. Навалилась апатия, что иду за Агатовым, как овца — ни писка, ни вдоха.

— Знаете, — продолжает мужчина, подводя меня к хищному внедорожнику, — никогда не думал, что буду вызывать страх у прекрасной половины...

— Все когда-то происходит впервые, — огрызаюсь вяло, при этом игнорируя попытку помочь забраться на пассажирское сидение.

В салоне еще сильнее чувствуется аромат Агатова. Резковатый и горький, он вызывает стойкое желание почесать нос.

— Предпочел бы, чтобы этого не происходило вообще, — мужчина хлопает дверью и, обойдя машину, устраивается на водительском сиденье. — Я действительно не желаю вам зла, Елена Николаевна, — и заводит мотор.

Машина мягко урчит, но это не успокаивает. Как и слова мужчины.

— Чего вы от меня хотите, Владислав...

— Можно просто Влад.

— Не думаю, что это уместно.

Мужчина глубоко вздыхает. Похоже, его злит мое отношение. Ну и пусть. Не собираюсь быть милой.

— Владислав Маркович, — произносит с кривоватой усмешкой. — И мне действительно жаль, что мы познакомились при столь печальных обстоятельствах. Все же, нас с Артуром многое связывало. Однажды я надеялся восстановить отношения.

— Настолько многое, что за все время Артур ни разу о вас не упомянул?

Но моя шпилька проходит мимо собеседника. Агатов остается нордически спокоен.

— Иногда самые прочные отношения дают трещину.

— Для этого всегда есть причина.

— Есть, — легко соглашается Агатов, но дальше тему не развивает.

А я не хочу. Меня вполне устраивает тишина. И все равно напряжение витает в воздухе. Чувствую себя, будто в клетке с сытым тигром — непонятно, оставит ли он меня в покое, или решит переломать хребет ради интереса.

Но Агатов, кажется, не испытывает совершенно никакого дискомфорта. Он уверена ведет машину, ловко маневрируя среди других. Его езда выглядит агрессивной. Как и весь мужчина.

С великим облегчением перевожу дух, когда мужчина тормозит у поста рядом с въездом в поселок.

— Знаете, я бы хотела прогуляться, — сообщаю Агатову.

Заодно проветрюсь. Кажется, парфюм мужчины пропитал меня насквозь. Не то, чтобы он навязчивый, просто... чужой. Совсем не в моем вкусе.

Мужчина бросает на меня нечитабельный взгляд, но щелкает по разблокировке.

— До свидания, Елена Николаевна, — колет холодной улыбкой. — Еще увидимся.

И почему это звучит, как угроза?

Я выскальзываю из машины и тороплюсь прочь. А между лопаток сверлит тяжелый взгляд Агатова. Ох, только бы он быстрее уехал обратно в... Не знаю куда. Подальше из Питера. И Ястребовского пусть захватит.

Мысли о Демьяне причиняют почти физическую боль. И от вчерашней попытки в извинения остался горький привкус. Не изменял он... Благородно, если бы не одно но. Мы ведь даже не встречались. Ястребовский никогда не предлагал отношения, просто это я оказалась наивной дурой. Так что теперь — совесть проснулась? Смешно...

— Елена Николаевна! — голос охранника приводит в чувство. — А к вам посетители. Я их в гостевой домик проводил.

Посетители? Опять Демьян?! Почему-то от этой мысли в груди тяжело екает. Не готова его видеть. Не хочу опять выглядеть слабой.

— Две девушки, — торопливо успокаивает охранник. — Пойдемте, я провожу.

А на пороге гостевого домика нас уже ждут.

Фигуру Ульяны узнаю сразу — свободное платье не может скрыть красивых форм женщины. А рядом... ох, Марьяна?! Тонконогая, в коротких шортах и балахонистой футболке девушка выглядит совсем юной.

Заметив меня, обе спускаются навстречу. В руках Марьяны плотный рюкзачок и пакет.

— Елена Николаевна! — робко улыбается девушка. — Вы извините, что мы так... Просто подумали, может, вы не будете против нашей компании? Ненадолго...

Ох, конечно не буду! Мне очень нужна компания. Хотя бы на вечер.

— Я приготовила пирожки, — улыбается Ульяна. — Пока нет токсикоза, нужно пользоваться. С Дашенькой, помню, меня от всего на свете воротило.

— Конечно, я не против, — улыбаюсь, протягивая руку Марьяне. — Давай помогу.

Поколебавшись, девушка отдает пакет. На хорошеньком личике мелькает задумчивое выражение.

— Ой, от вас такой запах странный... Не ваши духи.

Я рукой махаю.

— Да подвозил один тип. Представился другом Артура... Не важно. Пойдемте в дом.

И мы вместе поднимаемся по тропинке. Господи, как же все-таки хорошо, что хоть несколько часов я не буду одна...

Демьян

— Моя работа дорого стоит? Вы уверены, что готовы тратить такие суммы?

Я раздраженно смотрю на риелтора. Определенно, эта женщина знает себе цены, и все же сейчас говорит глупости.

— Я уверен, что вы бы не согласились на встречу, если бы клиент был неплатежеспособен.

Сухие губы кривятся в усмешке, но глаза риелтора по-прежнему холодные. И взгляд цепкий.

— У меня есть несколько вариантов. Можем съездить прямо сейчас.

Да, прямо сейчас — это то, что мне нужно. Потому что я очень хочу проверить, а не развесил ли мне немец по ушам лапшу — слишком нереальны казались его утверждения. Да и вообще весь сеанс вызывал стойкое желание съездить по лощеной морде, а потом уйти.

Мужик нес какой-то бред, не имеющий ничего общего с реальностью.

И все же... вот я здесь, в первой квартире. Навернув круг и поверхностно осмотревшись, качаю головой:

— Не подходит. Темная слишком, за окном дорога.

Аленке не понравится. Она любит зелень, солнце, и чтобы спокойно было. Риелтор кивает, и мы едем смотреть следующую квартиру.

Опять мимо. Вроде бы парк за окном, а вот... не то что-то. Сам не могу объяснить. Может, планировка, или слишком тесная кухня. Нет, не лежит душа.

Третья, четвертая... Везде я нахожу недостатки. Они мелкие, почти незаметные, но ощущаются будто крошки на простыне.

А вот в пятую влюбляюсь сразу, едва порог переступаю. Черт его знает, кому квартира принадлежала или кем оформлялась, но была она... теплая. Да, именно так. Все в ней хорошо смотрелось, уютно. И маленькая терраса с плетеным креслом. И оформленная в деревенском стиле кухня со всякими мелочами вроде лоскутных полотенец. И две компактные, светлые комнатки, не слишком забитые мебелью. И небольшой скверик за окном.

Достаю телефон и начинаю снимать.

Особенное внимание уделяю мелочам, вроде пятен света на стенах или белоснежным тюлям, колыхающимся от легкого ветерка.

Риелтор молчит. Спокойно дожидается моего решения.

Закончив съемку, я нажимаю «отправить».

— Сколько стоит придержать эту квартиру до вечера? — спрашиваю у женщины.

Нужно дождаться, пока Алена посмотрит. А потом я ей напишу пару слов. Если верить психологу-немцу их будет достаточно.

Риелтор озвучивает сумму, и я сразу же соглашаюсь. Нет, не из-за выгодных условий. Просто мне очень нужна именно эта квартира, если Аленка согласится. Надеюсь на это.

***

Мобильный на столе оживает. Сначала я думаю, что это от фирмы, но каково же мое удивление, когда вместо сообщения вижу видео. Да к тому же с незнакомого номера.

— Работа? — интересуется Ульяна, делая глоток чая.

Вчера женщина решила остаться у меня, за что я ей очень благодарна. Хотя до сих пор чувствую себя неловко — у нее же дочка... Ну и пусть девочка вместе с няней. И к тому же привыкла быть самостоятельной.

«Я в замужестве своем дурачком, как лошадь пахала. Все виноватой себя чувствовала... Бесприданница, да еще с пузом. А потом знаешь, дошло. Поставил мне-таки урод-муженек мозги на место. Кулаками. Но за те годы, что я бездарно потратила — чуть дочь не потеряла. Росла она у меня сиротой при живой матери».

История Ульяны оказалась ужасна.

Во много раз хуже, чем моя. Нет, женщина не пыталась вызвать к себе жалость. Но у меня появился ориентир. Если Ульяна сумела собраться и жить дальше, то и я смогу.

Кажется, Марьяша думала подобным образом. Хоть девушка не рассказывала о своем прошлом, но по намекам и отдельным фразам я поняла, что у нее тоже не все гладко в сердечных делах. Она все еще боялась... И совсем не того мажора, который однажды ее преследовал. Был еще какой-то мужчина, но кто — так и осталось загадкой.

Поняла одно — он состоятельный и старше.

Поздно вечером девушка ушла домой. Я разрешила ей пока не ходить на работу. Ведь и сама не собиралась... И вдруг — сообщение, точнее видео.

— Вряд ли это коллеги, — хмурюсь, рассматривая телефон. — Квартира какая-то... Может, ошиблись?

— Давай посмотрим? Мошенники видео вряд ли слать будут. Они звонят обычно.

Это я понимаю. Да и картинка выглядит заманчиво — светлой и нежной. Поколебавшись, нажимаю «play».

И замираю, жадно вглядываясь в съемку. Это так... красиво! Действительно хорошая квартира, в которой хотелось бы жить.

Может, это риэлтерские конторы рассылают рекламные ролики? Но съемка не выглядит профессиональной. Человек просто ходит по комнатам, снимая их с разного ракурса. Молча.

И спустя минуту, я догадываюсь, почему так.

«Тут тихо и зелено. Я подумал, что тебе понравится. Риелтор будет ждать до вечера. Демьян».

Во рту сразу становится сухо. Если бы он написал сразу, то... ох, вряд ли бы я стала смотреть. А теперь перед глазами уютные комнаты, в которых можно спрятаться и не чувствовать себя одиноко. Наш с Артуром дом такой большой... И совсем неуютный. Пустой.

— Это твой знакомый? — мягко интересуется Ульяна.

Я киваю. Знакомый, точно... С которым у меня нет желания пересекаться. Наверное, стоило быть благодарной, но вместо этого чувствую злость. И так бы справилась. А Оболенский в любом случае вызывал подозрения.

— Можно посмотреть квартиру. Знаешь, оставаться среди воспоминаний одной — не самая лучшая идея.

— У нас с этим знакомым трудное... прошлое, — выдавливаю из себя.

Но Ульяна достаточно тактична, чтобы не расспрашивать.

— Если он ждет в этой квартире, то тогда лучше не ехать.

Вряд ли ждет. Демьян не станет снимать квартиру, только чтобы подловить меня и еще разок извиниться. Зачем? Уже все сказано. И все же...

— Давай посмотрим? Только если ты не спешишь, — поворачиваюсь к Ульяне, и

женщина кивает.

Через полтора часа мы на месте.

Водитель остался ждать — я попросила довести Ульяну до ее квартиры. Да и я, возможно, не задержусь надолго.

Свою ошибку понимаю, как только риелтор распахивает дверь.

Нет, эту квартиру Демьян не мог выбрать сам. Слишком тут нереально. Словно все, что мне нравится, воплотилось в этих стенах цвета топленого молока.

Медленно двигаюсь по квартире, выискивая недостатки. Они есть, конечно. Не может интерьер подойти идеально, но с каждым шагом внутри крепнет ощущение «мое». Здесь действительно хочется остаться.

Заодно Агатов не найдет... Некоторое время.

Эта мысль ставит окончательную точку в сомнениях.

Я поворачиваюсь к риелтору.

— Мне нравится.

Сухая, похожая на учительницу женщина кивает.

— Залог внесен на три месяца.

Уже?! Я недовольно хмурюсь. Не хочу быть обязанной Ястребовскому. Я в состоянии заплатить сама.

— Могу узнать сумму?

Поколебавшись, женщина отвечает. Хорошо. Верну все до последней копейки, как только появится возможность. Или перечислю на счет фирмы Оболенского. Пусть они сами разбираются.

Ставлю подписи на документах, которые предлагает риелтор.

Сделка проходит быстро — и вот уже я с Ульяной на кухне.

— Гляди-ка, — усмехается женщина, — а в холодильнике прям скатерть-самобранка. Надо же, какая забота.

Я вяло морщусь. Да уж, Ястребовский все предусмотрел.

— Давай перекусим? — предлагаю Ульяне. — Если у тебя есть время.

Конечно, она соглашается. И я очень этому рада.

***

Демьян

Немец встречает меня понимающим взглядом. Наверняка уже в курсе, что его совет оказался рабочими. Это... бесит. Настолько что я едва сдерживаюсь, чтобы не уйти. Никакого договора я не заключал, все обещания — лишь на словах.

Но как овца на заклание, я тащу себя на кушетку.

— О чем будем сегодня беседовать? — кривлюсь, разглядывая безмятежного мужчину. — Могу рассказать об отце и его методах воспитания.

— Не сомневаюсь, что они были жесткими, — тянет немец. — Обязательно доберемся и до этого пункта. Но сегодня поработаем с другим. Вспомним приятные моменты.

Я хмуро смотрю на психолога. Какие приятные моменты? Может, неприятные — вот их через край, аж скулы сводит.

Мужчина понимающе ухмыляется. И открывает блокнот.

— Что ж, приступим...

Следующие полчаса иначе как пыткой я назвать не могу. Немец заставляет вспоминать детство в самых мельчайших подробностях, и ощущения такие, словно я занозы из сердца

достаю. Они кровавые и с зазубринами. Идут больно — несколько раз я готов встать и уйти, и все равно остаюсь. Потому что почти в каждом воспоминании Алена. Она сглаживает тяжелые моменты, делает их не такими острыми.

— ...После того, как отец меня из дома вышвырнул, пришлось ночлег искать. Зима, холод собачий, к кому идти — не знаю, стыдно... В итоге оказался у Алены. Знал, что смеяться не станет, я ж в одних штанах был, рваных...

— ...Мать меня за водкой послала, а я хлеба купил. Ну и получил за это. Алена у бабки своей бинты и йод стащила. Лечила меня, пока я в сарае отлеживался...

— ... Щенков я у Алены спрятал. Иначе бы отец утопил. Он живности не терпел, собаку держал только для того, чтобы собутыльников пугать. А от приплода избавлялся. Найда потом неделями скулила, искала...

Сколько мои исповеди длились — не знаю. Но с кушетки встал весь взмокший и с острым желанием покурить.

Немец мне ничего не говорит, но и без него ясно — если мне было хреново или помощь требовалась, Алена была рядом. Несмотря на все мои выверты и попытки отделаться, когда жизнь более менее приходила в норму. Конечно, я отталкивал ее потом. Стыдился. Ведь она знала все мои слабости... Всю боль.

— Жду вас в следующую пятницу, — Шнайдер стучит перьевой ручкой по планшету. — И постарайтесь эту неделю не попадаться Елене Николаевне на глаза. Ей нужно прийти в себя после случившегося. Впрочем... Несколько смс будут уместны. Но исключительно вежливые и без каких-либо требований.

Прекрасно, мать вашу! А то я не догадывался.

— Посмотрим, — ухмыляюсь криво и выползаю за порог.

Чувствую себя отвратительно. Как будто меня наизнанку вывернули и встряхнули. А потом хорошенько так макнули в грязь. И вроде раньше все понимал, а сейчас словно с другого ракурса взглянул. Как она меня терпела вообще?

Выбравшись из парадной, падаю на ближайшую лавку — около офиса немца небольшая арка зелени. Красиво, но мне не до любований.

— Что, тоже от Генриха Вольфовича? — хрипит рядом чей-то голос.

Моргаю, пытаюсь сфокусировать взгляд и кошусь в сторону.

Первая мысль — уголовник какой-то. У него чистые от татуировок руки и одежда приличная, темные джинсы, футболка с абстракцией на морскую тему. Но вот глаза волчьи. Темные, жуткие. Как у повидавшего такое, о чем думать не очень хочется. И при этом мужику всего лет сорок — не больше.

Незнакомец криво ухмыляется.

— Курить хочешь? — хлопает себя по карману.

— Не курю, — отвечаю автоматически, но мужик фыркает и достает пачку.

— У Вольфовича закуришь... Я вот тоже бросить пытаюсь, да все никак. Держи.

И я беру предложенную сигарету.

— Спец он хороший, не ссы, — продолжает мужик. — Через пару сеансов будешь огурцом.

— Что-то глядя на тебя, я не уверен.

Мужик опять скалится. Белые зубы, крепкие. Да и сам он мощный весь. И лица характерное — проглядываются нерусские черты.

— А ты на меня не гляди, — выпускает густые клубы дыма. — Я по ходу тут, — кивает

на подъезд. — навечно прописан.

— Так плохо все?

— Полный здец, — соглашается мужик.

Нутром чую, этот бугай мается из-за женщины. А иначе зачем он тут? Видно, крепко ему одно место прижало.

— Измена? — озвучиваю самое очевидное, но незнакомец медленно качает головой.

— Хуже, — и, метким броском отправляя окурок в урну, поднимается. — Вот тебе бесплатный совет — захочешь с любимой женщиной поговорить — говори... Ну все. Теперь моя очередь мозги полоскать.

Очень верное определение. Я киваю на прощание, но мужику пофиг — уходит не оборачиваясь. А я направляюсь к небольшой стоянке. Там уже припарковано новое авто — цвета мокрого асфальта, тяжелое и дорогое. Подходит братку из 90х.

В кармане вибрирует мобильный.

Оболенский... Делаю вид, что не слышу. Говорить с ним нет желания. Знаю, что сейчас начнет на мозги капать, чтобы я быстрее к Алене клинья подбивал.

Наконец, телефон замолкает. А я сажусь за руль. Но, немного подумав, опять хватаюсь за мобилу. Что там уголовник-браток советовал? Захочется говорить — говори? Ну, беседы пока табу, но поинтересоваться, понравилась ли квартира — это вроде бы вежливо и нейтрально.

А потом надо созвонится с Мартом. Пусть поднажмет. Не смогу я долго водить Оболенского за нос

Глава 19

Всю неделю от Ястребовского лишь парочка смс. Признаться, я думала, что он пороги начнет оббивать, тем более Оболенский велел, но Демьян меня не трогает.

Надо сказать — испытываю по этому поводу благодарность.

Я тихонько привыкаю к мысли, что Артура нет. Это больно... И страшно. Не представляю, как буду справляться с фирмой, хотя пока все вроде бы работает.

В этом очень помогают многочисленные замы Артура.

Мне тоже бы стоило подключиться, но никак не могу заставить себя начать. Как мне руководить? Кем?

Конец моим метаниям происходит, когда Витко звонит с просьбой явиться в понедельник.

— Проверка должна приехать, Елена Николаевна, — оправдывается мужчина. — Без вашего присутствия никак.

Я отвечаю, что и сама готовилась выйти. А во рту каша. И от одной мысли, что придется самой общаться с проверкой, бросает в дрожь.

Но ведь должна! Артур не простил бы мне потерю фирмы.

Витко обговаривает время завтрашней встречи и кладет трубку.

А я решаю выползти в парк — воздуха свежего глотнуть. Но рука тянется к мобильному — набрать Ульяну.

Торопливо себя одергиваю. Ни к чему. Она и так сделала для меня больше, чем достаточно. А ведь беременная и с токсокозом. Но переносит свое положение очень легко...

«Я, когда дочку носила, до самых родов работала» Есть что-то надо, муженек бывший бока на диване отлеживал, свекровь плешь выедала... Ну я и старалась на глаза не попадаться. Живот на нос лезет, а я на рынке торгую-кручусь. Так за прилавком воды и отошли...»

Вздрагиваю, вспоминая рассказы Ульяны. Вроде бы она не жаловалась, шутила даже, а каждый раз до нутра пробирало.

Накидываю на плечи легкую кофточку и иду обуваться.

Улица встречает меня щебетом птиц и солнцем — очень замечательная погода. Плюхаюсь на ближайшую лавочку и запрокидываю лицо к небу. А вот бы прогуляться с Артуром по набережной...

На глаза наворачиваются слезы. Жмурюсь изо всех сил. Я очень тоскую по мужу. Но вот странно — никогда не вижу его во сне.

Думала, что и ночью маяться буду, но нет... Просто спокойная темнота или всякая всячина, не имеющая к реальности никакого отношения. Чаще всего мне снится берег речки и ольха, склонившаяся к самой воде.

Я любила лежать на ветках и смотреть, как подо мной лениво течет вода. Было так хорошо, спокойно и...

— Опять нос обгорит.

От неожиданности я шарахаюсь в сторону.

— Ястребовский! — шиплю, отчаянно желая протереть глаза в надежде, что мужчина исчезнет.

Но нет — Демьян все так же стоит рядом, засунув руки в карманы светлых джинс.

Обыкновенная серая футболка обрисовывает манящие рельефы, бицепсы — как тугие мячики, но меня больше не впечатлить такими глупостями. Пусть слюной исходят наивные дурочки, я свою прививку уже получила. На всю жизнь иммунитет.

— Знаю, что вы не рады меня видеть, Елена Николаевна, — хмыкает и без приглашения усаживается рядом.

Тихонько выдыхаю. Не рада, конечно, но говорить буду о другом.

— Хорошо, что мы встретились — отдам деньги за квартиру.

Демьян реагирует на мой выпад совершенно неожиданно:

— Как хочешь. Номер карточки я скину смс.

Я озадачено поджимаю губы. Внутри все подзуживает выдать какую-нибудь гадость, но как это будет выглядеть? Детский сад на выгуле.

— Договорились, — усмехаюсь непослушными губами и отворачиваюсь. — У тебя, наверное, дела?

Ну право слово, я же ему не навязываюсь. Не бегаю хвостиком, как однажды, не названиваю, пользуясь любым предлогом... Тогда почему Демьяна стало подозрительно много в моей жизни?

Будто подслушав мои мысли, Ястребовский вздыхает:

— Я посижу немного и пойду.

— Что, совсем никуда не торопишься?

— Тороплюсь. Просто Оболенский вознамерился приехать лично. По его мнению, я недостаточно лезу к тебе в глаза. Хочешь общаться с ним лично?

От растерянности не нахожусь, что сказать. Оболенский мне неприятен до крайности. Но какого черта Ястребовский вдруг вознамерился отрастить крылья и заделаться в ангелы-хранители?

Демьян поворачивается ко мне. И вид у него какой-то... опустошённый. Словно ему действительно все равно, уйти или остаться.

— ...Послушай, Ал... Елена. Япрекраснознаю, как сильно ты хочешь, чтобы я сдох под ближайшим кустом.

— Я не...

Но меня прерывают небрежным взмахом руки.

— Хочешь. Просто воспитание не позволяет высказаться. А вот я могу и сто раз повторить, что действительно сожалею. Что должен был хорошо подумать, прежде чем давать повод. Но это ничего не исправит, верно?

Смотрит так, что меня в дрожь бросает. О, как бы я хотела, чтобы Ястребовский начал оправдываться! Но он не пытается. И от этого вдвойне тошно.

— По-моему, до недавнего времени тебе было плевать на прошлое.

Хоть в этом есть и моя вина, а именно — отсутствие самоуважения. Не должна девушка быть на все готовой. Особенно когда тебя отталкивали. Но тогда во мне говорили чувства, а не мозги.

А Демьян вздыхает, глубоко и шумно. Майка на груди натягивается, обрисовывая широкую грудную клетку.

— Люди меняются, Елена Николаевна. Давай, пошли меня к черту и попробуй отделаться от Оболенского сама. Возможно, у тебя получится. Или он сорвет контракт бесконечными проверками...

— Так это он! Завтра проверка должна быть!

— Скорее всего. Видишь ли, он слишком принципиальный старый ублюдок.

Морщусь, словно от зубной боли.

— Как же ты так о любимом тесте.

Но Ястребовский только фыркает:

— Как есть. Со временем, думаю, он отстанет. Только если поймет, что ты не прогнешься. Сумеешь надавить, подключить связи...

Сглатываю тяжелый комок. Нет у меня никаких связей. Не умею я бизнес-леди из себя корчить! Ястребовский понимающе кивает. Голубые глаза кажутся темными, почти синими, никак не разобрать, что там прячется.

— Мое присутствие — это не гарант того, что Оболенский отступится. Но можно будет схитрить, пойти с ним на компромисс... Не знаю, еще не придумал. Но, если ты согласишься, решим это вместе.

Вместе! Хочется сыронизировать, но сил нет. Чувствую себя как сдувшийся шарик.

И все же прояснить ситуацию я обязана. Как бы ни было тяжело.

— Скажи Демьян, только честно... Зачем тебе все это? Про совесть не ври.

Демьян хмурится. Между широких бровей резче обозначается складка, губы поджаты. На мгновение кажется, что он промолчит или уйдет, но нет Ястребовский не собирается сдаваться.

— Можешь считать это чем угодно, Елена...

Имя звучит чужеродно. Но я молчу. Самое разумное — соблюдать дистанцию. Нам с Ястребовским больше не по пути.

— ... Но ты всегда помогала мне. В детстве. Помнишь, как йод из дома таскала? И щенков прятала...

Скулы опалает мучительным жаром. Думала, Ястребовский об этом забыл.

— Я была маленькой и глупой, — отворачиваюсь, усиленно разглядывая ровные дорожки сквера.

— Не глупой, а доброй. Хотя я этого не заслуживал. Но теперь помощь нужна тебе. Проект скоро сдавать. А Оболенский хуже питбуля. Я не настаиваю, правда. Решай сама. Только подумай, что для тебя важнее.

В самое больное попал! Часть меня требует спровадить Ястребовского пинками, а в логика твердит о том, что помощь лишней не бывает.

— Не боишься родственного гнева? — язвлю, но уже без бывшего запала.

Ястребовский только головой качает.

— Насчет этого не беспокойся. Оболенский мне ничего не сделает.

Ругаю себя, но от вопроса удержаться не могу.

— А о жене ты подумал? Как это будет выглядеть?

Демьян смотрит на меня устало. Кажется, о своей супруге он точно не заботится, и от этого что-то неправильное во мне радостно потирает лапки: не все так хорошо у Ястребовского на личном фронте.

— На нее тем более плевать, — жмет плечами Демьян. — В общем, свое предложение я озвучил. Решать тебе. До свидания, Елена Николаевна.

И мужчина уходит.

А я остаюсь один на один с головной болью и ворохом мыслей. Но, кажется, уже знаю, что буду делать.

***

Демьян

— Акт вышлем по почте, постарайтесь к этому времени исправить все замечания.

— Исправим, — лаконично отзывается Алена.

А губы белые, словно мел, да еще и обкусаны. Нервничает. Хочется сказать что-нибудь ободряющее, но я молчу.

«Поймите правильно, Демьян Викторович, в одну и ту же реку дважды не войти. Все мои советы — исключительно для установления между вами безболезненного общения. А вот что делать дальше — это решать Елене Николаевне. Поэтому не стоит давить, если не хотите добиться обратного эффекта».

Немец каждый раз повторял, что мне необходимо дать Алене свободу. И в то же время оставаться на виду, чтобы обозначить свое присутствие.

Я старался, как мог. Хотя в иное время очень хотел перехватить Алену за плечи и как следует встряхнуть.

Девочка решила поиграть в двужильную и старалась тянуть все сама. Только вначале перед комиссией оробела. Но тут я попытался отвлечь внимание на себя.

Вроде бы получилось.

Во всяком случае, даже Витко примолк, позволяя мне вести разговор.

Объект я изучил хорошо, да и вообще привык к подобным преферансам — важные дяди и тети в костюмах давно не впечатляли.

Наконец, делегация удаляется из кабинета.

За ними семенит Витко с предложениями «чай, кофе, потанцуем». Аленка же без сил откидывается на кресло и прикрывает глаза.

— Ужасно, — шепчет едва слышно.

Отчаянно хочется накрыть рукой узкую девичью ладонь, но я не двигаюсь. И молчу. А взгляд так и липнет к девушке. В темно-вишневой юбочке и белой блузке она смотрится потрясающе. Очень идет Алене такой цвет. Прямо с ума сойти...

В паху моментально тяжелеет. Я мысленно чертыхаюсь, пытаюсь обуздать взбесившееся вдруг либидо.

Закатай губу, Демьян. Свой шанс ты прощелкал, что теперь рассчитывай в лучшем случае на роль друга. И то, если очень повезет. От этой мысли настроение стремительно портится. Я не знаю, что чувствую. Или мне просто страшно разбираться в том клубке эмоций, что медленно зреет под ребрами.

Надо бы уйти, но Аленка пригвождает к месту тихим:

— Спасибо...

Растерянно кашляю. Не ожидал. Но приятно. Хотя... может, она из вежливости. Нет, наверняка.

— ... Они еще придут, как думаешь? — добавляет едва ли не шепотом.

С удовольствием бы сказал, что нет. Но вместо этого утвердительно киваю.

— Придут. Лучше попроси Витко подготовить документы на какой-нибудь бросовый объект. Можно будет попробовать преподнести его Оболенскому под видом грандиозной стройки.

— Как у тебя все просто, — бормочет Аленка, а сама смотрит на фото, которое до сих пор стоит на столе.

Я знаю, что там изображено. Покойный Бесстужев обнимает Аленку и оба улыбаются. На грудь как будто каменная плита рухнула. Сжимаю зубы и намереваюсь уйти, но по

кабинету разливается знакомая мелодия. Gans and Roses... Алена почему-то смущается и спешит поднять трубку.

— Елена, здравствуй, — звучит из динамика женский голос. — УЗИ перенесли на сегодня. А ты ведь ребёночка посмотреть хотела...

Аленка бледнеет, краснеет и торопливо жмет на кнопки, пытаясь сделать звук тише. Ясно... Случайно громкоговоритель поставила.

Наконец, Алена справляется. И тут же смотрит на меня с вызовом, а в серых глазах мелькает страх и настороженность.

Молчу.

Хотя прекрасно понимаю, куда она едет. И вот странно, никакого негатива не испытываю. Другие мужики рядом с девушкой подбешивают, а мысли о ребенке от Бесстужева — нет.

Я даже задумался, пытаюсь объяснить настолько противоречивые эмоции.

— Мне нужно отлучиться, — подает голос Аленка и встает из-за стола.

Я на секунду подвисяю. Юбка слегка задралась и в разрезе показался краешек чулок. Че-е-ерт... Алена и чулки... Нет, Демьян. Нельзя думать. Ты тут никто и звать тебя никак.

Аленка тихонько охает и одергивает юбку.

— Еще раз спасибо за помощь, дальше я сама, — бормочет, прямым текстом намекая мне испариться.

Язык чешется возразить, а еще лучше — расспросить насчет УЗИ, но я разрешаю себе лишь короткое:

— До встречи.

У меня тоже дела. Немец ждет на очередной сеанс и, честно говоря, я его заранее боюсь.

Вспоминать о прошлом оказалось не только больно, но и стыдно. Когда рассматриваешь свое детское поведение со стороны, иногда хочется зарыться головой в песок и убеждать себя, что настолько глупо вести себя невозможно.

Ничего, скоро все обещанные сеансы закончатся. И я на пушечный выстрел не подойду ко всяким там психологам.

— Все в норме, размеры соответствуют сроку, динамика хорошая...

Слова врача как бальзам на душу. Кажется, я нервничаю больше, чем Ульяна. Женщина с улыбкой смотрит на монитор, и лицо у нее такое... светлое. Доброе.

Я понимаю... Ощущение, когда в тебе растет маленькая жизнь — незабываемо. Хоть и не всегда его сопровождают приятные моменты. Как сейчас.

— Ой, — тихонько стонет Ульяна. — Тошнит.

Я быстренько подаю ей мандариновый сок. Ульяна говорит, что на апельсиновый смотреть не может, а вот этот на ура зашел.

Потом идут соленые палочки.

Все это время врач деликатно стучит по клавишам компьютера — данные записывает. Ну да, ему такие фортели от беременных видеть не в первой.

— Извините, доктор, — вздыхает Ульяна. — Прямо волнами накатывает.

— Все хорошо. Я выписал вам витамины. Больше ничего не требуется. Только отдых и положительные эмоции.

Мы тепло прощаемся с доктором и покидаем кабинет.

— Да уж, сервис, — тянет Ульяна, забирая у меня бутылочку с соком. — С дочкой я была фактически сама по себе. Ничего не боялась, думала, двужильная... Как на сохранение не попала — сама удивляюсь...

Я тоже удивляюсь. Но не рассказу Ульяны, а поведению Ястребовского. Умудрилась же включить громкую связь... Курица, блин! Но Демьян и ухом не повел.

Не стал спрашивать, что за УЗИ, зачем я туда еду... Вместо этого заинтересовался совершенно другим.

Стоило вспомнить его взгляд и опять в пот бросило. Ястребовский откровенно пялился на мои ноги.

Вот же... бессовестный! Жену свою пусть рассматривает!

Но как ни стараюсь, не могу представить рядом с Ястребовским его супругу. Демьян даже кольцо снял. При первой нашей встрече в ресторане я успела заметить золотой ободок на его пальце, а вот сейчас уже нет.

Почему?

Неужели он совсем не любит жену? Для чего тогда вообще в ЗАГС шел? Ради денег? И какого черта я думаю над всем этим, вместо того, чтобы заняться по-настоящему важными вещами?

— Ульяна... а с финансами все в порядке? Может, нужны какие-то дополнительные расходы? — брякаю первое, что пришло в голову.

— Так вчера же оплата пришла. Все, с точностью до копейки. Да и какие траты могут быть? Это я себя должной чувствую. Дочка моя наконец-то в хорошей школе, квартира чудесная, а не тот клоповник, который мы снимали.

Да... Артур позаботился обо всем. А я, вместо того, чтобы работать, как следует, отвлекаюсь на Ястребовского.

Ужасно стыдно. Но не только из-за этого... Тоска как-то незаметно исчезла, хотя первое время казалось, что я не переживу смерти Артура.

Осталась лишь грусть, но после сегодняшнего сумасшедшего дня к ней прибавилась

надежда, что я кое-как, но справлюсь. Хотя Ястребовский помог даже больше, чем я рассчитывала. Язык у него подвешен, как надо.

Наверное, мне стоит посетить Генриха Вольфовича... Это ненормально, так быстро приходиться в себя.

Водитель подвозит нас к самому дому Ульяны.

Я тепло прощаюсь с женщиной и приглашаю как-нибудь вместе погулять. Вместе с ее дочкой, конечно. На что получаю радостное согласие.

— Эх, красивая дамочка, — вздыхает Владимир, провожая взглядом крутобедрую фигуру. — Но моя Танька лучше!

— И сковородкой огреть может, — смеюсь тихонько.

Жена Владимира хоть и маленькая, но грозная. Даже Артур ее слегка побаивался.

— Владимир, отвези меня, пожалуйста... — называю адрес Генриха Вольфовича.

Может, у него будет время меня принять. Надо только смс отправить, предупредить.

— Черт! — шиплю, пытаюсь включить мобильный. — Опять батарейка...

Но от водителя не отвлекаю. Как и Артур — я очень осторожна со всем, что касается дороги. Не игрушки это.

Откинувшись на сидение, рассматриваю проплывающие за окном пейзажи. Завтра опять сумасшедший день. Витко успел рассказать о новых тендерах, но часть коллектива против. Фирма в процессе смены владельца, клиенты осторожничают, а другие лепят непомерные ценники. Что делать? Рисковать или нет?

Так задумалась, что не заметила, как приехали.

Но стоило оглядеться, как замираю с открытым ртом. На парковке стоит машина Ястребовского. А он что тут делает?

***

Демьян

Этот визит проходит не легче предыдущих. С кушетки я сползаю.

Но покинуть комнату пыток не суждено — дверь распаивается и на пороге возникает Аленка.

Сканирует меня нечитабельным взглядом и выдает:

— А я все думаю, откуда у тебя эти мысли насчет квартиры. Генрих Вольфович, хотела вам сообщить о визите, но, пожалуй, подожду за дверью.

И Аленка разворачивается, намереваясь покинуть помещение.

— Елена Николаевна, одну минуточку...

Немец спокоен, словно ничего не происходит. Ухмыляется, блестит очками. Аленка оглядывается. На лице застыла равнодушная маска, но я представляю, чего ей этого стоит.

— ...Не ждал вашего визита. По вопросу о квартире — это не ко мне. Демьян Викторович справился самостоятельно.

Девушка вспыхивает. На скулах проступают красные пятна, губы приоткрыты... Красивые такие... Искусанные.

— Очень за него рада, — скрещивает руки на груди. И белая блузка соблазнительно обрисовывает фигуру. — Так, когда вы освободитесь?

А голос прямо звенит. Но больше ничем не выдает своего состояния.

— Вообще-то это я настоял на помощи, — пытаюсь защитит немца.

Плевать, все равно в глазах Алены Демьян Ястребовский не человек, а тварь дрожащая, но вот Шнайдер... Он ей дорог.

— Похвально, что вы пытаетесь взять всю вину на себя, но эта типичная ошибка многих моих пациентов, — хмыкает мужчина. — Елена Николаевна, — смотрит на Аленку. — Я уже свободен. Можем поговорить прямо сейчас.

Аленка тушует. Я же покидаю кабинет, повинуюсь строгому взгляду немца.

В душе не знаю, о чем он собрался говорить.

Врачебная этика вроде бы не нарушена. Любой имеет право посещать психолога. Ни о каких личных делах Алены Шнайдер не рассказывал, наоборот, делала так, чтобы я косяков не напорол... Но доверие — оно ведь такое хрупкое. И сейчас Алена может закрыться от человека, который хотел просто помочь.

Чувствую себя паршиво.

Но еще хуже — опять встретить на улице «братка». Сейчас я точно не готов к беседам.

Мужчина тоже узнает меня. Кивает и... ничего не говорит, просто молча курит. Чуйка у него, что ли? Плевать. Надо собраться с мыслями и попытаться объяснить Алене, что я не собирался лезть к ней в душу, используя для этого Шнайдера.

Наверное, уместно прекратить сеансы. Немец поймет.

Не знаю, сколько проходит времени в напряженных размышлениях. Девушка светлой тенью возникла на пороге и...

— Ты... — начинает, глядя на меня. — Ой, здравствуйте, — выдает, удивленно рассматривая «братка».

Мужик неторопливо поднимается. А я закипать начинаю — не нравится мне его чеширская улыбочка.

— И вам не хворать, — гудит бугай и тут же на меня взгляд переводит. Опять мрачнеет. — Этот козлик вас не обижал?

— Пасть завали, переросток, — сам вскакиваю на ноги.

Оскорблять себя не позволю. Особенно в присутствии Алены.

Браток лениво разминает шею. Кулаки сжаты. Я отзеркаливаю. Драться реши? Прекрасно! Мне как раз не помешает размяться.

— Демьян, хватит! — между нами возникает легкая девичья фигура. Черт, до чего же духи у нее вкусные. Даже остываю слегка.

— Он меня не обижает. Все в порядке, — скороговоркой тараторит Алена, пытаюсь закрыть меня собой.

Вот смешная.

Браток жмет плечами. А взгляд — что твой рентген, так и сканирует.

— Обращайся, если что. Разрулим. Меня Данилой звать. Данила Ферзевский.

И топает ко входу. Очевидно, сейчас его время.

Алена тяжело выдыхает и садится на лавку. Я тоже.

— Не волнуйся, — нарушаю вязкую тишину. — Больше к Шнайдеру я не сунусь. В общем, я пришел к нему только из-за желания сделать хоть что-то правильно.

— Откуда ты узнал?

Шепот Алены еле слышный. Не хочет слышать ответ, но говорит. Такая храбрая. Прежняя Алена не стала бы выяснять отношения. Но она изменилась. Это вызывает восхищение. И страх... Как теперь с ней общаться?

— Я видел вас в кафе, — отвечаю, максимально аккуратно подбирая слова. — Снимал квартиру недалеко от пяти углов. Вышел прогуляться... Сначала не понял, а потом...

— Додумал себе какую-нибудь гадость.

Что ж, от правды я никогда не бегал. Наверное, это единственное, что можно записать в плюс.

— Додумал. Но потом понял, что ошибся. Услышал ваш с мужем разговор в ресторане. Я тогда внизу был, у туалетов.

— Господи, — Алена утыкается в ладони и замирает.

Я тоже чувствую себя отвратительно. Тяжелый разговор. Уж я-то знаю, каково это — выглядеть перед кем-то слабым и жалким. В детстве Алена меня видела таким не раз.

— Мне жаль, что я ничего не знал тогда...

Ответом становится короткий смешок.

— А если бы знал, тогда что? Женился?

Не думал над этим. Но перед глазами вдруг Алена в белом подвенечном платье. Светленькая, с роскошными длинными волосами и нежной улыбкой. Дух перехватывает.

— Трудно сказать, — выдаю почти по слогам. — Но Юлию бы оставил. И от ребенка не отказался.

***

— Ах, слышала бы тебя бедная госпожа Ястребовская...

Боль все-таки прорывается ядовитым восклицанием. Мне та-а-а плохо и стыдно. Хочется исчезнуть.

Когда-то я сгорала от желания позвонить Ястребовскому и высказаться. И про беременность, и про больницу, и про его свадьбу... А потом проклянуть. Пожелать ему, чтобы он прочувствовал все тоже, что и я. Чтобы он любил жену, а она его — нет. И рога бы ему до небес наставила, а потом бросила — подло и жестоко. Но так ничего и не сделала. Не смогла. Понимала, что мои чувства — это мои проблемы. Но, кажется, даже если бы высказалась — и тут бы вышла промашка.

— Госпоже Ястребовской глубоко плевать, — подтверждает мои мысли Демьян. — Она хорошо проводит время и ни в чем себе не отказывает.

Вопреки ожиданиям, слышать это неприятно.

— Значит, жениться ради денег, — пробормотала, нервно растирая занемевшие от холода пальцы. Но Демьян опять качает головой.

— Не из-за денег. Тогда мне казалось, что все по-настоящему. Ярko, необычно, ново... Юлия обожала свободу. Делала, что хотела, в ней не было заморочек вроде «что люди скажут». Никому не пыталась угодить. Мы познакомились в клубе. Вернее — это она со мной познакомилась. Захотела — и подошла. Уверенная, дерзкая. А потом, еще и номер узнала. Оболенская никогда не скрывала своих целей хорошо провести время... Без обязательств. Это зацепило. Ну а дальше... Оно как-то само. Не спрашивай, я сам не понимаю.

— Глоток свободы? — шепчу, а в голове слова Генриха Вольфовича.

Он ведь про это и говорил! Я не пыталась ставить ему в упрек контакты с Ястребовским — начала говорить об Артуре, как будто встречи с Демьяном и не было. Но мужчина прекрасно понял, что меня зацепило.

«— Демьян Викторович, как и вы, бежит от своего прошлого. Только его беда — крайне тяжелое детство. Даже я, выдавший многое, удивлен. Обычно люди, пережившие такой прессинг, подвержены разного рода паническим атакам или истерикам. Нет, не спешите возражать, я его не оправдываю. Просто хочу сказать — вы ведь тоже часть прошлого. Видели его слабости, знаете, через что ему пришлось пройти... Мужчины такого избегают.

Понимаете?»

Да, теперь я понимаю. Демьян рвался начать все с чистого листа, а я — живое напоминание о его унижениях. Всякого ведь видела. Избитого, грязного... Заплаканного тоже.

— Глоток свободы, да, — задумчиво повторяет Ястребовский. — Первое время я так думал. Юлия смекнула, что в постель с наскака не получится. Сменила тактику. Ей нравилось охотиться.

— Не боишься, что она и сейчас на охоте?

А самой в пору за голову хвататься, совсем ты — Алена — дошла. Личную жизнь Ястребовского обсуждать!

Демьян ненадолго замолкает. Словно что-то обдумывает.

— Возможно. Нет, почти наверняка, — поворачивается и смотрит так, что сердце ухает в пятки. — Мне все равно. Я на развод подаю...

Наверное, мой вид достаточно шокированный, раз Демьян торопливо добавляет:

— ... Жизнь с ней — вообще не вариант. Мы совсем разные. Не думаю, что Юлия будет против.

— А... а Оболенский? — ляпаю первое, что приходит в голову.

— С этим хуже. Знаешь, почему «Вектор-Элит» по таким скидкам работал? Юлия накосячила. В голове одни дискотеки, вместо работы. А зачем стараться? Папочка обеспечивает. Черт, — шипит и морщится. — Ей почти тридцать. А ведет себя как подросток. Нет, с меня хватит. Не хочу работать нянькой.

А я только головой качаю. Наверное, такая новость заставила меня позлорадствовать, но сейчас эмоциях такой сумбур, что голова болит.

Слишком много всего, и как к этому относится — не знаю.

Пусть Ястребовский разводится, судится, отношения выясняет — плевать. Моя задача — сохранить фирму.

Если для этого нужно воспользоваться Демьяном, значит так тому и быть. К тому же, пора немного братья за ум и думать о скором пополнении в семействе. Страшно. Я еще не чувствую себя мамой, но должна этому научиться.

Соскребаю остатки воли и выдаю то, что должна.

— Демьян, спасибо, конечно, за откровенный разговор. И за помощь, — добавляю торопливо. — Но пойми правильно, я бы хотела за нее заплатить...

Брови Ястребовского ползут вверх, но я отмахиваюсь от возражений.

— ... Ты не обязан ничего для меня делать. Поэтому не отказывайся. Любая работа должна быть оплачена. Но когда все закончится...

— Я понял, — Демьян встает первым, а взгляд такой... тяжелый. Словно я ему тут кучу гадостей наговорила. — Насчет Шнайдера — не переживай. Больше я к нему не ходок.

Жму плечами. Это вообще не должно меня волновать. Но волнует.

— Увидимся, — кивает Демьян и идет к парковке.

А я остаюсь сидеть на лавочке. Ужасный день. Но, кажется, он принес самую капельку облегчения.

Демьян

На столе недопитая чашка кофе. Сосредоточенно стучу по клавишам, а мысли бродят где-то далеко, и никак их не удержать.

Не то, чтобы я рассчитывал на улучшение в отношениях, но столь откровенная незаинтересованность Алены была сродни отрезвляющей пощечине. Еще и заплатить мне решила! Прямо проституткой себя почувствовал.

Нет, не подпустит она к себе.

Может, успокоится, но забыть прошлое не сможет — слишком много пережила, в то время как я хорошо проводил время.

От этого хочется грохнуть кулаком по столу и выдать пару матерных.

Я не злился на Алену. Нельзя заставить себя забыть по щелчку пальцев — на своей шкуре убедился. Но от этого не легче.

Еще и Шнайдер никак не отцепится, перенаправил меня к своему коллеге. Вопреки изначальному желанию послать немца, я согласился. И даже собирался продолжить.

Надо признать, психолог оказался грамотный. С каждым разом мне все легче давалось проговаривать прошлое. Многое становилось ясно. Например, поведение матери, утонувшей в бутылке после первых же жизненных трудностей. Да, она сломалась. Но чего я понять не мог, так это зачем было рожать, если жизнь не мила.

Март тоже объявился, открыл для меня банковский счет, на который Оболенский лапу не наложит. Имею право. Не все, нажитое в браке, я собрался делить напополам.

Кстати о браке... Недавно я занялся сбором компромата на благоверную. Это на случай, если Юлия дурить начнет.

Бесхитростный вопрос Алены поставил меня нос к носу с темой, о которой я не задумывался. Наверное, потому что знал ответ. Я-то себя в руках держал, а вот Юлия почти наверняка нет. Это сыграет в мою пользу.

Ревности не было. Даже не злился — одна пустота на сердце. Не знаю, в какой момент пришло осознание, но теперь я четко видел, Юлия совсем не та, с кем хочется строить дальнейшую жизнь. И все чаще мелькала мысль, а что, если бы я тогда не вел себя как телок на веревочке и догнал Алену?

Словно по заказу, в дверях появляется причина моих метаний.

Девушка замирает, явно не ожидая встретится здесь в такой поздний час. Хмурится и чуть прикусывает губу.

— Рабочий день уже закончен, — выговаривает строго.

Вернее, пытается. Видеть в Алене бизнесвумен тяжело. По крайней мере — мне.

— Витко на месте. Не волнуйся, я не собираюсь шастать по фирме, вынюхивая секреты.

Аленка фырчит, но за холодной маской вижу растерянность. Последнее время я действительно оставил ее в покое. Мы контактируем по работе, не больше. Аленка что есть сил пробует влезть в шкуру Елены Николаевны. С головой ушла в дела фирмы, пытается вникнуть, работает старательно... Оболенскому подсунула пару согласованных с Витко дел. Мелочь, но в блестящей обертке. Тот клюнул, начал готовиться забросить удочки.

Пусть так, ничего особенного ему не светит.

Марат рыл под Юлию, но дело шло туго. Моя жена оказалась на редкость осторожной.

И нос держала по ветру... Последнее время повадилась мне звонить и даже несколько раз рвалась приехать в Питер. Еле отбился.

Хотя физически просто пар из ушей шел от желания скинуть напряжение. Каждый день на работе Алена выглядела потрясающе. Стильная, деловая... Вид подтянутой, круглой как орешек задницы и тонкой талии, вызывал вполне закономерные воспоминания.

Я перевожу взгляд на монитор. Ни хрена не вижу. И даже то, что это мой по-настоящему серьезный проект, где я на равных позициях с Шаховым — моим инвестором — не дает живительного пинка.

Но продолжаю упрямо разглядывать код. На экране выскакивает сообщение, автоматически жму на него и ругаюсь в голос. Да что ж так не везет?

— Какие-то проблемы? — доносится обеспокоенный голос.

— Да, — вздыхаю, с силой ероша волосы. — Дизайнеры у Шахова, конечно, полный... здец.

Вспоминаю братка Данилу.

Алена тут же стойку делает. А меня чуть на кресле не подкидывает, ну точно! Она же дизайнером стать хотела!

— Вот, посмотри, — аккуратно, чтобы не спугнуть, поворачиваю ноутбук. — Это называется — недружественный интерфейс. Пользователь плевать будет.

Поколебавшись, девушка делает шаг, потом еще один...

— Да уж, — тянет, рассматривая презентацию. — Я бы...

Замолкает и опять хмурится. А у меня нервы звенят — Аленка заинтересовалась. Может, это мой шанс?

— Мне бы не помешало несколько идей, — начинаю осторожно. — Сроки горят.

Девушка понимающе хмыкает.

— Я бы с цветов начала. Слишком они разные. Неприятно. Лучше брать одинакового оттенка. Основной, я так понимаю, песочный? Кнопки сразу можно менять на коралловый, только по нежнее, знаешь, такой... не яркий. А лучше вообще сделать в зеленых или синих тонах, потому что...

Аленка так же резко замолкает и с подозрительно щурится. Я буквально чувствую, как давшая трещину стена отчуждения, вновь зарастает льдом.

— Знаю, что из тебя вышел бы неплохой веб-дизайнер, — стараюсь говорить, как можно равнодушнее.

Но чертовски сильно хочу, чтобы наше общение продлилось хоть на минуту дольше. Я не на что не претендую, правда. Голову пеплом посыпать поздно, да и ничего это не даст. Но... хотя бы общение. Просто, как... даже не друзья — знакомые. Разве это так много?

— На веб-дизайн учиться надо, — поправляет сумку и явно готовится уходить.

— Зря так думаешь. Корочки не помогут видеть красивое. И чувство вкуса не заменят.

— Не засиживайся, — игнорирует мои слова и скрывается за дверью.

А я позволяю себе вздохнуть. Да уж... Первый блин комом. Посмотрим, как получится второй.

***

Я выхожу перед компьютером, поглядывая на открытые вкладки.

А в голове без остановки крутится короткий разговор с Ястребовским. Пустяковый вроде — я вообще зашла в зал отдыха думая, что кто-то свет оставил, а наткнулась на Демьяна.

Перед глазами тут же мелькает картинка небрежно скинутого пиджака и подкатанных рукавов рубашки. Демьян себе татуировку сделал. На правом предплечье... Красивый узор, похожий на орнамент майя. Темно-коричневый цвет приятно контрастировал с чуть смугловатой кожей.

— Черт, — шиплю, стискивая кулаки.

Не хватало мне Ястребовского рассматривать! Других забот хватает, но вместо того, чтобы сесть за документы, опять смотрю на экран компьютера.

Там несколько вкладок про веб-дизайн. Не то, чтобы я об этом не слышала, но... Как-то не придавала значения. Свои мечты я похоронила вместе с прошлой жизнью.

Но, видно, не слишком старательно, раз опять готова «тряхнуть стариной». Нет, у меня теперь новая жизнь и привычки! А с другой стороны... От чтения ведь вреда не будет. Вот ознакомлюсь немного, и интерес пропадет.

Сажусь за компьютер. Первый же сайт предлагает пройти небольшой тест... ну ладно, это интересно. Ого, тут сразу ответы и пояснения? Неплохо.

Под каждой картинкой идет разбор ошибок, допущенных при создании лэндингов и сайтов.

Показаны примеры, как поправить. Жадно вчитываюсь в каждое предложение. Кажется, некоторые вещи очевидны, а вот ничего подобного!

В себя прихожу, когда мобильный на столе сигнализирует о сообщении.

Что? Я просидела за компьютером два часа?!

Совсем не помню.

На экране высвечивается смс от Витко.

— Да чтоб тебя, — стону, хватаясь за голову. — А еще позже никак?

Нужно срочно подготовить несколько документов. То есть, их уже подготовили, но кое какие данные — по моей части, да и последнее слово тоже за мной. С сожалением сворачиваю вкладки и тянусь за чаем. Сейчас, сделаю глоток и...

— Черт! — вскрикиваю, когда кружка, как живая, выскользывает из пальцев и заливает клавиатуру.

Экран тут же тухнет.

А я до боли прикусываю губу. Боже! Что делать-то? Двенадцатый час ночи, где искать компьютерного мастера? Наверное, в Питере есть круглосуточные мастерские, но на ноутбуке важная информация, и... И, может, все не так страшно? И можно быстренько что-то сделать?

Решение приходит моментально — Демьян. Он в компьютерах хорошо разбирается и, наверное, сможет проконсультировать или посоветует куда отвезти технику. Ужасно боюсь нарваться на недобросовестных работников.

Подхватываю телефон и пару секунд гипнотизирую его взглядом.

Чувствую себя дура душой, но... Черт! Ничего лучше в голову не приходит!

Медленно выдыхаю и набираю смс. Обойдусь без звонков. Если не увидит, то и не надо. Придумаю что-нибудь. Хотя идей ровно ноль.

Но придумывать не нужно — ответ получаю через жалких несколько секунд. Как будто Ястребовский сидел с телефоном в руке и ждал моего сообщения.

«Нужно приехать посмотреть. Чем быстрее, тем лучше».

До боли прикусываю губу, набирая короткое «Приезжай».

Пусть так. Задерживать его не собираюсь — пусть глянет, быстренько.

***

Демьян

— Пациент скорее жив, чем мертв, — озвучиваю вердикт, рассматривая ноут со всех сторон.

Делаю это очень внимательно. Потому что один неосторожный взгляд в сторону взлохмаченной красотки с глазами на пол лица, и я рискую вылететь отсюда, как пробка.

А этого очень не хочется.

В высшие силы не верю, но сейчас очень хочется возблагодарить ангела или, может быть, черта, который так удачно толкнул Аленку под локоть.

— Сможешь запустить? — волнуется девушка. — Мне там буквально немного... кое какие данные на флэшку скинуть...

— А облаком не пользуешься?

Алена кусает и без того искусанные губы, нервно поправляет манжеты персиковой кофточки-разлетайки. Такая домашняя. Знакомая... В груди мучительно сжимается. И я с садистским удовольствием наслаждаюсь собственными ощущениями.

— Не пользуюсь, — бурчит недовольно.

Жму плечами и опять возвращаюсь к ноуту.

— Клавиатуру под замену, — сообщаю, пристраивая рядом все, что нужно для «реанимации». — Дай мне полчаса-час. Если не собираешься спать.

Все-таки уже к полуночи дело... Черт! Рассказать кому, что я таким временем симпатичной девушке реально ноут ремонтировал — пальцем у виска покрутят. Ведь есть куда более приятные занятия.

Хмурюсь, чтобы отогнать дурацкие мысли. Но тело реагирует вполне определенно. С Юлией у меня ничего не было давненько, а то, что было... Уже давно не то. Я чертовски ошибался, думая, что наша семья просто переживает кризис. Это не кризис, а агония. Прав был немец — мой побег от прошлого завел в тупик.

Ноут тихо жужжит и подмигивает мне загоревшимся экраном.

— Ой! — тихо вздыхает Аленка. — Заработало...

Я хмыкаю. Чудом заработало. Но теперь это не важно.

— Почему нет пароля? — строго гляжу на девушку. — Seriously, поставь хотя бы самый простой... Только не «1234».

Аленка вспыхивает и поднимается с кресла. Откладывает в сторону телефон, который изучала, пока я копался с ноутбуком.

— Спасибо, — нервно переминается с ноги на ногу. Выжидающе смотрит на меня, а потом вздыхает. — Чаю?

И пусть меня обзовут эгоистом, но отказаться не могу.

— Только, если с твоими печеньками.

Кажется, Алена удивлена. Тонкие брови ползут вверх, на личике до того растерянное выражение, что хочется встать и...

— Печенье? Есть только то, которое «того не стоит».

Метко, ничего не скажешь. Помнит Алена мою несусветную глупость, когда я ей коробочку из-под печенья отдавал.

— Было стыдно признаться, что я его съел, — говорю на полном серьезе.

Алена фыркает и ретируется в кухню. Я слышу, как звенят чашки.

Сам же в это время неторопливо осматриваю комнату. Здесь мало что изменилось. Вот

плед разноцветный Аленка явно с собой привезла. А еще фотки в рамках. Я вижу, как заботливо они расставлены по полкам вперемешку с фарфоровыми фигурками.

И везде она с Бесстужевым.

Злость обжигает хуже серной кислоты, но я стискиваю зубы. Что бы Алена не чувствовала к мужу, но это не обыкновенной благодарностью. Я заметил, как она иногда застывает, а взгляд становится отрешенным и грустным. И ее печаль вряд ли связана с моей персоной.

— Чай готов!

Дергаюсь, как будто вдоль хребта оголенным проводом перетянули. А перед глазами флэш-бэки пошли гулять — точно так же Алена меня звала к столу, в прошлом.

И, честно признаюсь, в то лето я беззастенчиво отъедался. Готовила Алена божественно, даже ее бабушка признавалась, что предпочитает внучкину стряпню.

Но сейчас пирогов можно не ждать. Аленка, скорее всего, выставит на стол... всю хлебницу? И еще сырники.

Сглатываю неприлично громко. Все сервировано, расставлено и выглядит очень аппетитно.

— Что? — жмет плечами гроза моей фигуры. — Артур тоже любил на ночь поест.

Аппетит мгновенно исчезает. Давлю из себя ухмылку и сажусь за стол.

— Составишь компанию? — киваю на булочки. — Мне одному не осилить.

Поколебавшись, Алена присаживается на против. Лотерейный билет, что ли, купить? Сегодня мне везет.

Алена молча наливает себе чай и подхватывает сырник. Разговор начинать не торопится. Я чувствую ее нервозность.

— Так что насчет Облака? — интересуюсь, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

Но девушка неопределенно дергает плечом.

— Нужно, да. Хоть и не мое... Компьютеры — это не то, что мне интересно.

Смотрит с вызовом.

— Но веб-дизайн увлек, да?

Каюсь, просмотрел вкладки браузера. Алена не успела их закрыть.

Девушка хмурится и сильнее сжимает чашку.

— Просто любопытно. Да и какая тебе разница?

— Никакой, — Демьян жмет плечами, а я старательно разглядываю узор на скатерти.

Видеть его, такого домашнего, в обычном джемпере и джинсах оказалось неожиданно трудно.

Меня то и дело откидывает в прошлое, когда мы по вечерам сидели за столом, в бабушкином доме и я слушала воодушевлённые рассказы Ястребовского о будущем. Уже тогда мне нужно было понять — ни в одном из них не фигурировала наивная деревенская девочка. То есть я. Хотя бы потому, что Демьян упорно бежал от всего этого болота.

— ...Но ты действительно обладаешь хорошим вкусом, — продолжает, словно не замечая моего молчания. — Или так понравилось высчитывать сметы?

В самое больное ударил!

Нет, сметы я терпеть не могла. И всю эту возню тоже... Но фирма Артура нуждалась в руководителе. Ради нашего ребенка.

Из груди рвется вздох. Я старалась проводить с Ульяной так много времени, насколько позволяли приличия — у нее ведь и своя жизнь есть! Но оказалось, что тяжело — мыслить о будущем материнстве, при этом не находясь в положении.

— ... Я три года потратил на попытки сделать из себя крутого дельца, — хмыкает, осторожно отпивая глоток чая. — С первым проектом меня кинули. Ты знаешь...

Да, я слышала не раз, как поступили с Демьяном его закадычные дружки. Подло и мерзко.

— А после меня слегка увлек весь этот, — щелкает пальцами, — шик-блеск. Оболенский умеет поездить по ушам, и они, как оказалось, у меня большие и удобные для лапши. Но уже к концу первого года я отчетливо понял — не мое. Тянуло обратно за клавиатуру. Видеть, как из обычных цифр и знаков рождается нечто сложное, это... — голубые глаза туманятся, — это тоже своего рода стройка. Только виртуальная. И я начал возвращаться к любимому занятию. Потому что заставить себя работать, конечно, можно, но какой смысл, если есть шанс заняться любимым делом?

Сердце мучительно колет. Не хочу откровенностей от Демьяна. Но его слова бьют точно в цель.

Теоретически, я могу повесить все на замов и заняться тем, чем хочу. Стать этакой беспечной леди, у которой на уме саморазвитие, духовные практики и черт знает, что еще... Но не могу!

— У меня есть обязанности, — отсекаю, но голос предательски срывается.

К счастью, Ястребовский не собирается меня отговаривать.

Он вообще на редкость покладист, и в этом мерещится подвох. В интерес Демьяна я не верю. Но, может, он действительно хочет наладить общение? Без всяких подводных камней. В конце концов, мы — взрослые люди. Я тоже несу ответственность за прошлое, как бы не хотелось повесить всех собак на Демьяна. И сегодня он действительно помог.

Я настолько углубляюсь в собственные мысли, что не замечаю, как Ястребовский встает из-за стола.

— Спасибо, — улыбается сыто. — Ноут все же лучше сменить. Если что-то подобрать нужно будет — обращайся.

И идет к раковине.

— Ты что? — подсказываю, не веря, что Демьян реально собрался мыть за собой посуду.

— Воу-воу, — шутливо вскидывая руки и улыбается так, что под коленками слабеет. — Обещаю не разбить тару. А то вдруг больше не накормят.

— Накормлю, — возражаю на автомате и тут же ругаю себя за несдержанный язык.

— Договорились, но убирать за собой привык.

— Странно, что тебя дом работницы не избаловали, — бормочу откровенную чушь.

— Домработница есть. Но это не повод превращаться в свинтуса.

Вздрагиваю, стоит услышать любимое словечко Ястребовского.

Несмотря на ужасных родителей, у которых слово через мат было, Демьян практически никогда не ругался. Даже, когда я ему кровавые рубцы от шнура йодом мазала. Шипел только, отца называл конченым, и все. А мог бы ого-го какие эпитеты выдавать. Но не хотел быть похожим.

— Готово, — Демьян вытирает руки полотенцем. — Все, я пошел, завтра с утра собрание.

А, точно... Черт, ненавижу планерки.

Демьян странно на меня смотрит, но молчит — направляется в прихожую.

Черные кроссовки стоят ровно, словно он их по линейке выставлял. Невольно вспоминаю, что Артур не слишком заботился, куда кидал одежду. Нет, он следил за вещами, но так, не слишком.

Хмурюсь, недовольная собственными мыслями. Заставляю себя сосредоточиться на висевшей в прихожей картине.

Наверное, неплохо было бы выкупить эту квартиру. Здесь уютно и хорошо, мне даже не верится, что это выбор Демьяна. Черт!

Кошусь на Ястребовского, но тот, кажется витает в своих мыслях. Тянется за ветровкой, и вдруг я слышу очень знакомую мелодию.

Нервы тут же натягиваются, как стальные канаты. Да, я помню, что Демьян любит Gans-and-Roses. Музыкальные вкусы у нас почти одинаковые. Как и многие другие предпочтения.

А Ястребовский вытаскивает телефон из кармана и все его расслабленное добродушие пропадает от одного взгляда на экран.

Сбрасывает и кидает на меня быстрый взгляд.

А я каким-то шестым чувством понимаю, кто ему звонит. И от этого настроение стремительно портится. Но усилием воли выдерживаю равнодушный вид. Вообще-то он женат и об этом нужно помнить.

— До завтра, — сухо прощается Ястребовский и исчезает.

А я возвращаюсь в комнату, дорабатывать.

***

Демьян

Вот уж не думал, то красивое женское тело может вызвать приступ тошноты.

— Любимый, — Юлия виснет на мне, трется и откровенно взглядом жрет. — Я та-а-ак соскучилась.

А я нет, и от духов ее голова болит до звезд из глаз.

Запах Алены гораздо нежнее. Но что-то мне подсказывает, дело не в парфюме.

— Ты же еще неделю должна в санатории процедуры принимать, — смотрю в топкие от

похоти глаза жены, но кроме раздражения ничего не чувствую.

Юлия реагирует моментально. Отступает на шаг и, подбоченившись, оглядывает меня с головы до ног. Ее не смущает нагота, она любит свое тело и частенько гуляет по «границе». Крохотные топики, мини юбки, едва скрывавшие зад.

Раньше это заставляло ревновать. Играло этакое мужское «моя!» А потом ревность переросла в безразличие. И я даже толком не могу понять — когда.

— Ну и кто она? — выдает, опасно прищурившись.

— Она? — обхожу Юлию и вешаю ветровку в шкаф.

— Не прикидывайся идиотом.

— Сразу после того, как перестанешь изображать шлюху.

Юлия давится воздухом и пучит глаза. Сам не знаю, что на меня нашло, но такое говорю ей впервые. Хотя давно пора. Черт, где там Март с его компроматом? Следак затих, и эта тишина мне очень не нравится.

— Неужели мой муженек отрастил яйца, — справляется с удивлением Юлия, а на губах появляется ухмылка. — Хм, а меня это заводит...

— Купи абонемент в BDCM-клуб, — бросаю зло, а супруга в лице меняется. Словно я по живому попал.

— А ты мне на что? — фырчит и, отвернувшись, идет в комнату.

С тоской думаю, а не постелить ли мне сегодня на диване? А заодно сообщить Марту, что Юлия изволила Питер посетить.

Падаю в кресло и тянусь к ноутбуку. Глаза слипаются, но засыпать раньше Юлии не хочу. И точно уверен — какой бы взбалмошной она не казалась, ничего просто так не делала. Зачем-то ей понадобилось устроить «сюрприз». И это мне не нравится.

Повозившись немного, жена затихла, а я работал почти до четырех утра.

Оторвался, когда уже черные точки перед глазами пошли плясать. Юлия спала, а перед этим с кем-то долго по телефону переписывалась. Очень надеюсь, что не с подружкой.

Отыскав плед, плетусь на диван. Накрываюсь почти с головой и сразу проваливаюсь в сон. Приятный такой, глубокий... Там я валяюсь на мягкой траве, разглядывая проплывающие в небе облака.

Всегда это нравилось... В детстве я так завидовал облакам, которые плыли свободно, летели вместе с ветром...

— Ты такой горячий, — едва слышный шепот заставил улыбнуться.

Опять Алена. Иногда мы вместе валялись на траве, и я рассказывал, как это хорошо — видеть новые места, путешествовать и ни от кого не зависеть.

Теплая ладошка скользнула по животу и вниз. Я чуть не замурчал — вот проказница. И от куда у деревенской скромницы столько страсти? А девчонка гибким движением потянула резинку штанов и принялась шалить.

Ответная реакция не заставила себя ждать.

Я кайфовал от каждого прикосновения, а возбуждение несло по венам горячей волной. Воздуха уже не хватало. Хотелось большего, но никак не двинуться — тело будто не мое. Алена мелодично рассмеялась.

Почем-то этот смех царапнул слух, оставляя едкий привкус беспокойства. Не так, все должно быть не так...

— Лежи милый, — замурлыкала мне на ухо, — я все сделаю сама.

И рывком оседлала бедра, прижимаясь сразу до упора.

Я распахнул глаза и образ светловолосой девушки исчез. На мне сидела Юлия! Короткая ночнушка задрана, а глаза лихорадочно блестят.

— Ты охренела?! — вскинулся, стаскивая ее с себя.

Не ожидав такого, Юлия дала отстраниться, но лишь на мгновение.

— Эй, ты чего? — бросилась ко мне, прижимаясь откровенно и бесстыдно. — А как же супружеский долг?

— Все что должен прощаю, — буркнул, подтягивая пояс. — Мне на работу пора.

— Еще шесть часов!

Черт. Но вида не подаю.

— Совещание рано. Все, давай, иди спать или что ты там делать собралась.

— Мужа своего использовать по назначению!

А вот это уже начинало... интриговать. Юлия никогда не висла на шее. Если не получала желаемого, устраивала скандал, а потом вострила лыжи в клуб или к подругам. Редко, но такое бывало.

— Так соскучилась? — шурюсь, разглядывая супругу.

Не хочет ведь меня, по глазам вижу. Но зачем-то лезет. От вопроса отвлекает телефон. И номер этот я знаю хорошо.

— Кто это? — тут же переключается Юлия.

— Заказчик.

— Поставь на громкую, — требует капризно.

Сильнее стискиваю зубы и... выполняю требование.

— Демьян Викторович, — басит в трубку Март. — Это по работе. Извиняюсь, что так рано. Тут неувязочка вышла, надо бы обговорить...

И сбрасывает.

— Довольна? — ухмыляюсь, рассматривая вытянувшееся лицо Юлии.

Хватит, я уже не тот восторженный дебил, которого можно за нос водить. И с Мартом у нас изначально разработан план бесед.

— Мне все равно, — задирает подбородок, — но имей ввиду, думать забудь о своей шалаве, иначе...

— Иначе напомню твоему отцу, что его дочь уж слишком зачастила с развлечениями. Есть, ради кого стараться?

Глаза Юлии темнеют. В какой-то момент кажется, что она готова меня убить, но вместо этого жена встает и уходит в спальню.

А я быстро собираюсь и, даже не выпив кофе, покидаю квартиру.

Март бы не стал звонить так просто. Весьма заинтригован, но вряд ли он меня сможет удивить известием о походе супруги налево.

И как же чертовски я ошибаюсь!

— Ну что, поздравляю, — ржет в трубку, едва успеваю ему набрать. — Ты станешь папой.

Останавливаюсь, пытаюсь переварить услышанное, а по спине холодный пот градом.

Нет! Я всегда использовал защиту, следил за этим внимательно!

А в ушах гул начинает нарастать. Горло пересыхает, язык еле шевелится, но заставляю себя прохрипеть:

— Какой срок?

И Март, конечно, сообщает.

Демьян какой-то странный.

Весь день наблюдаю его крайне задумчивую физиономию и ловлю растерянные взгляды.

От этого почему-то не по себе. Неужели Оболенский опять названивал? Но Демьян держал меня в курсе всех планов, и, в свою очередь, наша фирма аккуратно рассыпала хлебные крошки, уводившие Оболенского в сторону.

— Как же они задолбали, — шипит Витко, зло щелкая мышкой. — Нас топят, Елена Николаевна! Ей богу топят. Какой-то хрен подался на тендер и теперь в затылок дышит. Условия вкусные ставит, конкурентов окучивает... Такое чувство, что перебьет ставки. А нам нельзя уступать!

Сверкает глазами, пыхтит, как чайник, но, стыдно признать, меня сейчас другое интересует.

— Скидку дать можем? — брякаю, лишь бы сказать что-нибудь.

— Да мы и так все на скидках! Помилуйте, за еду работаем.

— У нас ведь есть заказы...

— Нужны новые! Конкуренты, как грибы после дождя растут, кризисы один за одним...

Витко распинается, а я слушаю краем уха. Что же там у Ястребовского случилось? Или вечерние сырники такой эффект возымели? Ну а что? Тем летом Демьян буквально у меня жил. Завтраки-обеда-ужины — все по расписанию. Мне нравилось хлопотать у плиты. Особенно, когда вдруг Демьян прижимал собой к кухонной столешнице и...

От жара, бросившегося в лицо, краснею так, что слезы на глазах выступают.

— Простите, мне надо выйти, — вскакиваю на ноги и быстрым шагом направляюсь в коридор.

Мне срочно нужна уборная — сунуть голову под холодную воду. Сколько можно за прошлое цепляться? Я не хочу! Но разве память спрашивает?

Моя жизнь была настолько тесно переплетена с Ястребовским, что этот просто ненормально! Теперь то я понимаю — нельзя отдавать себя без остатка. Особенно тем, кому плевать.

Заворачиваю за угол и слышу томное:

— Да-а-а, милый... Как скажешь...

За одной из колонн, около окна, стоит девушка. Я вижу часть ее тела.

— Мы же встретимся сегодня? — мурлычет нежно, и до меня, наконец, доходит.

Валентина!

Вот только, что она здесь делает?

Шагаю вперед, специально обозначая свое присутствие. Девушка выглядывает из-за колонны и тихо ойкает, торопливо пряча телефон.

— Е-елена Николаевна, — тянет, спотыкаясь на каждой букве. — Как неожиданно...

Удивленно выгибаю бровь. Напугала ее, что ли?

— С кем болтаешь? — интересуюсь, чтобы разрядить обстановку.

Но Валя бледнеет еще больше.

— Да так, знакомый, — и краснеет.

Понятно. Личная жизнь кипит... Ну что ж, девушка молодая, может себе позволить.

— А здесь что делаешь?

— Так это... — тушуетя и смотрит в пол. — Обсудить с вами отпуск хотела.

Вот как? График еще несколько месяцев назад согласован, изменять его не буду. Может это жестоко, но любимчиков на рабочем месте быть не должно. Но и тут Валентине удается меня удивить.

— Можно отказаться? — выдает неожиданно.

Отказаться от отпуска? Однако...

— Путевка сорвалась, — объясняет торопливо. — Я сначала расстроилась, а потом думаю — возьму компенсацию. И денег побольше будет. Для ремонта.

Ну... ладно. Странно только, что Валя с этим ко мне направилась. В отделе кадров на такое быстро добро дают.

— Хорошо. Скажешь, что я разрешила.

— Спасибо, Елена Николаевна, — расцветает Валя и торопливо идет прочь.

А у меня почему-то тягостное ощущение от разговора. И вроде бы все ладно, но... Опять это дурацкое «но».

Встряхиваюсь и направляюсь вслед исчезнувшей девушки. Куда я там шла? В уборную? Ну вот и...

— Черт! — шиплю, замечая в зоне отдыха знакомую фигуру.

Ястребовский развалился на диванчике со своим неизменным ноутбуком. Пальцы порхали над клавиатурой легко и быстро, как будто исполняли симфонию. Сосредоточенный весь такой, собранный... От того взъерошенного безалаберного мальчишки почти ничего не осталось. А сейчас так и вовсе на его лице застыло такое выражение... Сглатываю, стараясь ускользнуть незаметно.

Но сегодня не мой день.

Демьян поднимает голову и мгновенно расцветает мягкой полу улыбкой. От этого по всему телу пробегает дрожь. Тревога наполовину с удивлением и смущением. Зачем это? И вообще — пусть других очаровывает.

— Привет...

Произносит одними губами и кивает, подзывая к себе.

Надо развернуться и уйти, но вместо этого шагаю вперед.

Боже, какая дура! Часть меня упирается всеми лапами, требует бежать от раздражителя подальше, а вторая шепчет — сколько можно? Оставаться в плену обиды до старости, прекрасно осознавая, что сама не в белом пальто?

И все-таки, мне не нравятся те эмоции, которые будит во мне Ястребовский. Хочу тишины и покоя. Как с Артуром, где каждый день похож на предыдущий. Но мужа больше нет. Есть я и отчаянные попытки сохранить хотя бы немного от нашей семьи.

— Как ноут? — интересуется, когда подхожу достаточно близко.

— Работает, спасибо.

— Тебе спасибо за то, что накормила, — улыбается шире.

Я неловко дергаю плечом. Ну накормила и накормила, что теперь — на счетчик ставить?

— А где ты вообще так готовить научилась?

Вопрос застает врасплох. Демьян совершенно точно ищет повод для беседы. А я вспоминаю окончание вчерашнего вечера.

— Где научилась там уже нет. Но могу прислать твоей жене пару рецептов.

Улыбка моментально исчезает. Не нравится, понимаю. Но я хотя бы пытаюсь быть разумной. Демьян женат, а то, что он про развод говорил — ну так это всего лишь слова.

— Боюсь, тут медицина бессильна, — пытается шутить, а сам при этом морщится. — Вот, посмотри, — щелкает мышкой и поворачивает ноут.

А, та самая программа, которую он мне недавно показывал. И оформлена в подсказанных мною цветах. А ведь так действительно гораздо лучше!

— Шахов одобрил, — хмыкает, явно довольный моей реакцией. — Просит еще парочку подсказок.

— Шахов?

— Мой партнер. Разрабатываю для него несколько интересных штучек в обмен на стартовый капитал, — и, перехватив мой удивленный взгляд, мрачнеет. — Я и так дохрена времени просрал, пытаюсь вжиться в неподходящую роль. Хватит.

А у меня озноб по коже. И ассоциации очень... специфические. Я ведь тоже для деректорского кресла не очень подхожу.

Легонько встряхиваю головой. Пусть Ястребовский делает, что хочет. Это меня не касается, а вот насчет программы...

Любопытно, и ничего с этим поделать не могу! А вчерашние уроки по веб-дизайну все до последнего перед глазами.

— Вот тут шрифт не гармонирует, — показываю на экран. — Шапка — слишком воздуха мало, а в центре наоборот — пустота...

Поиск недостатков увлекает. Присаживаюсь рядом, внимательно вглядываясь в экран. Кое-что ужасно, где-то решения весьма оригинальны. Демьян делает пометки в блокноте, хмыкает, задает вопросы, поясняет, чего хотелось бы Шахову... Как они вообще познакомились? Не важно.

Я разбираю по кирпичику чужую работу. Это интересно. Ново и свежо. В себя приводит звонок на мобильный.

Вздрагиваю, выныривая из собственных мыслей.

Витко звонит...

— О господи, — спохватываюсь, понимая, что просидела тут не меньше получаса. — Блин! Да, уже иду, — отвечаю недовольно бурчащему мужчине.

Демьян забирает ноут.

— Извини, что задержал.

Хлоп — и все мои претензии так и остаются вертеться на кончики языка.

— Сама виновата, — выталкиваю вместе с наигранной улыбкой.

Ястребовский усмехается и одаривает таким тягучим взглядом, что я замираю, будто кролик перед удавом.

— Нет, не виновата.

И почему-то кажется, сейчас он говорит совсем о другом. Разворачиваюсь, и спешу обратно в кабинет. Хватит потрясений на сегодня. Мне еще с Ульяной на обследование ехать.

Но до конца дня никак не могу сосредоточиться. В голове куча мыслей, и все они не о работе. А когда я, наконец, покидаю кабинет, меня добивает Владимир — мой водитель. Его звонок застает меня аккурат около лифта.

— Елена Николаевна, проблемка нарисовалась, — произносит озабочено. — Тут меня подменить хотят...

В груди неприятно екает.

— ...Спуститесь, сами посмотрите, — продолжает мужчина.

И почему я не удивлена, когда около своей машины вижу Агатова... Мужчина встречает меня обаятельной улыбкой анаконды.

Проглатываю сухой комок в горле и заставляю себя расправить плечи. Что он здесь забыл? Кажется, я не давала повода для встречи.

Но не успеваю пройти от лифта и пол пути, как позади раздаются торопливые шаги, и рядом оказывается Ястребовский.

Чудесно! Прямо фул-хаус!

— А это что за хрен? — шипит рассерженно. — Ты его знаешь?

***

Демьян

Алена на взводе. Я вижу, как меняется ее походка, а на лице застывает маска равнодушия, и причина на этот раз не во мне.

— Знакомый Артура, — цедит едва слышно. — Он так представился.

Кажется, она совсем не удивлена моим появлением. Это очень кстати, потому что сегодня меня буквально таскает за Аленой. Я всегда к ней шел, когда было хреново, и сейчас повторяю тот же путь.

Работа с психологом вскрывает старые нарывы, которые были спрятаны, но не залечены. Болезненный процесс. Но теперь я ему не сопротивляюсь, хотя уже понимаю, к чему это приведет. Это вызывает ужас. И такое же невыносимое желание продолжить.

И, надо сказать, сейчас я безумно рад появлению этого лощеного хрена, который наверняка мечтает меня убить.

Я вижу, как на брутальной морде мелькает недовольство. Мужик щурится и поджимает тонкие губы.

А мне очень хочется демонстративно перехватить Алену за локоток. Это бы решило массу проблем... И создалодохрена новых.

— Владислав Маркович, — первой нарушает тишину Алена, едва мы подходим достаточно близко. — Удивлена...

И еще напугана. Алена не здороваётся, тон голоса ровный, но я чувствую ее напряжение.

— Рад видеть вас снова Елена Николаевна. Как насчет совместной поездки?

Заминка Алены дает отличную возможность.

— Не сегодня, — обрубаю орла на взлете. — Елена Николаевна занята, — улыбаюсь нагло.

Алена вздергивает подбородок и мне достается полный возмущения взгляд.

Пусть.

Этот Владислав Маркович может идти лесом. А я за этим прослежу.

— Не вам решать, Демьян Викторович, — скалится мужик, а в холодных, будто сталь, глазах зажигаются опасные огоньки.

Думает испугать? Очень зря. Шагаю ближе к Алене, а себе делаю пометку пробитьнеуважаемогоВладислава Марковича по базе. Мое имя он вынюхал, но готов биться об заклад, я нарою больше.

— Верно, не мне, — соглашаюсь, продолжая дуэль взглядами. — Еще до вас все решили.

Блефую, очень надеюсь, что Алена подыграет.

Видимо, неприязнь к Владиславу Марковичу все же перевешивает. Я слышу полное решимости:

— Если у вас ничего важного, то мы с Демьяном Викторовичем пойдем.

— Надеюсь на конфиденциальный разговор, — не сдается мужик.

— Извините. Это можно сделать в офисе. Поднимемся?

Умница, черт возьми. Пытаюсь скрыть довольную улыбку и получаю эстетическое наслаждение, наблюдая, как хмурится Владислав Маркович.

— Не собираюсь задерживать вас намеренно. Давайте завтра?

Помедлив, Алена кивает. Я выразительно смотрю на водителя и тот едва заметно жмет плечами. Сейчас Алене лучше уехать со мной. По крайней мере, этот хрен поймет, что я не собираюсь смотреть на происходящие со стороны.

— Елена Николаевна, моя помощь еще актуальна? — спрашиваю, очень надеюсь на чудо.

И оно происходит! Алена кивает и, попрощавшись с водителем, идет в сторону моей машины.

Виктор Маркович смотрит нам вслед — всей спиной чувствую. Очень хочется послать его по матери, но терплю.

Помогаю Алене устроиться на переднем сидении, а сам тороплюсь занять водительское. Нам обоим хочется отсюда свалить, знаю.

— Неприятный тип, — нарушаю молчание, когда машина выруливает на дорогу.

Алена кивает и что-то быстро набирает на телефоне. Губы сжаты, между бровей залегла складочка. Деловая такая, упрямая. Может, девушка и испугалась, но пасовать не собирается.

Тянусь ослабить удавку галстука. Все-таки она очень повзрослела. Стала сильнее, увереннее в себе. Это... это роскошно. Мне нравится, но чувство восторга прячу глубоко на дне души.

Вся моя помощь и внимание запоздали лет так на семь.

Тогда я был не готов к серьезным чувствам. А теперь Аленке это не нужно. Да и с Юлией проблемы.

Вернее, проблемы у нее.

Крепче сжимаю руль, пытаюсь скрыть злость.

Уже сейчас бы все точки над *i* расставил, но подушка безопасности еще не готова. И нет, мне не стыдно. Хотя бы потому, что IT разработки — это только мои усилия и мое потраченное время. Деньги, которые поступают от Шахова, делить с Оболенским не собираюсь. Я достаточно на него пахал.

— Можешь подвезти меня к клинике... — называет адрес.

— Как скажешь, — киваю, догадываясь, зачем Алена туда едет.

Слова даются легко. Вот бы самому увидеть этого ребенка... Какой месяц уже? Третий? Да, примерно... Еще и живота не видно. А Алене очень бы пошла беременность. Мысли опять переносятся в тот злополучный день, и в грудной клетке начинает жечь. Все бы отдал, только бы время назад повернуть. Где мои мозги были... Дебил.

— Как его фамилия? — спрашиваю, чтобы хоть как-то разогнать тишину.

— Агатов, — тут же откликается Алена. — Хочешь проверить?

— Вплоть до детского сада, на какой горшок ходил, — цежу зло.

Алена едва слышно фыркает.

— Наверняка уже тогда он заседал в костюме, — шутит, заправляя прядку за ухо.

Такой чертовски знакомый жест... Смешок выходит смятым, неровным.

— Не удивлюсь, — кашляю, чтобы скрыть накотившее волнение. Аж голову повело. — Такой типаж — хуже не придумаешь. В лицо улыбаются, а за спиной нож держат. Спорить готов, он хочет фирму перекупить.

— Хм... А если нет? Может, он из добрых побуждений. Или просто с предложением сотрудничества?

Не верит в то, что говорит — по голосу слышу.

Улыбаюсь, поглядывая на развернувшуюся ко мне девушку.

— Тогда я готов раскошелиться на корзину с фруктами и пять кило фисташкового мороженого. И шоколадный топинг сверху.

Алена распахивает глаза. Удивлена, что помню? Я тоже. Все до последней мелочи хранилось на задворках памяти, а сейчас так естественно срывается с губ.

— О-о-о, — тянет задумчиво. — А мне что же, поставить на кон бутылку хорошего бренди? — щурится хитро.

Злюка. Помнит, что я к алкоголю не очень. Но ради такого случая готов поддержать.

— Рискнешь?

— А давай, — встряхивает русой копной. — Посмотрим, с чем завтра господин Агатов пожелает.

— По рукам, — позволяю себе осторожную улыбку.

А самого ломает от искушения Алену окольными путями в клинику привезти. И Агатову я сейчас благодарен по самое не могу. Алена расслабилась. Может, на время, но для меня это как глоток свежего воздуха.

Из-за поворота показывается клиника.

Пока размышляю, а не обнаглеть ли мне до крайности и напроситься с Аленой, девушка решает за меня.

— Спасибо, что подвез, — отстегивает ремень. — И за Агатова тоже...

Незаметно стискиваю пальцы, но улыбаюсь с самым безмятежным видом.

— Обращайся, — киваю, разблокировав двери.

Аленка райской птичкой выпархивает из салона и спешит к дверям клиники.

А я остаюсь на месте, разглядывая стройную фигурку в темно-бордовом костюме. Ей чертовски идет такой фасон. Она больше не таскает застиранные тряпки, от которых так и хочется избавиться.

— Черт, — шиплю, пытаюсь отогнать вполне определенные воспоминания.

Как же хорошо, что Оболенский ничего толкового не нарыл. К тому времени, как я вернулся в деревню, большая часть знакомых разъехалась. Ферму, дававшую жителям работу, закрыли, для молодежи никаких перспектив. Алкашье местное последние мозги пропило, мои родители, к счастью, на кладбище местечко нашли. Да и я не орал на каждом углу об отношениях с Аленой.

А стоило бы.

Откидываюсь на кресле и глубоко вздыхаю. Тру ладонями лицо.

Кто бы знал, насколько я сейчас сожалею о прошлом. Прямо на части рвет. Немец, конечно, говорил, что шансов у меня не было. Не дорос я еще до принятия безусловной любви. Пугался этого, отрицал. Алена знала все мои больные точки, видела грязь, через которую пришлось пройти — это заставляло бежать прочь. Не хотел быть уязвимым, каким

был перед родителями.

Но поговорит с Аленой язык не поворачивался. Ей это нахрен не сдалось, особенно сейчас.

Отнимаю руки от лица и чувствую, как нервы свиваются в напряженный узел. А этот хрен что здесь забыл?!

На парковке красуется знакомое серое авто. Браток Данила собственной персоной пожаловал. Только зачем ему гинекологическое отделение?

Быстро отстегиваюсь и направляюсь ко входу. На всякий случай, просто проследить. Мало ли что у него на уме, тем более к психологу просто так не ходят. Может, он опасен.

Захожу в холл и внимательно оглядываюсь. Мужчины нигде не видно. Окей... Спросим у администратора. Вон какая девочка улыбчивая, как же этим не воспользоваться?

— О-па, вот так встреча, — хмыкают за спиной.

Подскакиваю на месте и резко оборачиваюсь.

— Ой, — выдыхаю с облегчением. — Данил... э-э-э-...

— Данила, — поправляет меня бугай. И вроде улыбается, а глаза — будто льдинки, еще хуже, чем у Агатова. — Данила Муратович, если вам так проще.

— Елена Николаевна, — брякаю на автомате. — А вы...

— Алена!

О, черт! Да он издевается, что ли?!

Ястребовский приближался к нам широким шагом, и выглядит так... Ой, мамочки! Да какая муха его укусила?

— Алена вам больше идет, — выдает Данила, решивший, очевидно, меня добить. — У вас все в порядке?

Не в порядке. Я просто приехала к Ульяне. Жду ее от врача, а тут такое! Как будто Агатова мне мало.

— Все будет в порядке, когда ты свалишь, — рычит Демьян. — Какого хрена тут забыл?

— Тебя не спросил, козлик.

Воздух мгновенно густеет от напряжения. Но не успеваю я испугаться, что в клинике случится мордобой, как появляется четвертый участник. Из соседнего кабинета выходит молодая и очень красивая женщина с заметным животом, который не скрыть свободным сарафаном.

— Виш... Вита, ты уже? — выдыхает Данила.

И взгляд при этом такой... Влюбленный. Кажется, даже Ястребовского проняло.

Вита слегка приподнимает брови. Она немного удивлена, но точно не испуганна.

— Это твои знакомые? — игнорирует обращение Данилы.

— Алена и Демьян, — рапортует мужик. — Не ожидал встретить.

Девушка внимательно смотрит на меня. Похоже, я выгляжу достаточно растерянной и обескураженной, потому что Вита вдруг улыбается.

— Как насчет чая? — предлагает гостеприимно. — Тут внизу очень неплохое кафе.

Данила вдруг хмурится. Прямо мрачнеет весь.

— Ты голодная? Опять утром не ела?

— Ела. Как будто тебе не докладывали.

Ой-ой. Между этими двумя искрит, и мне не очень хочется попасть под горячую руку.

— Извините, — стараюсь быть максимально вежливой. — Мы ждем...

Запинаюсь, мучительно подыскивая слова, но Демьян приходит на выручку.

— Знакомую, она тоже в положении. Девочка или мальчик, если не секрет? — интересуется у Виты.

Данила подбирается, будто хищник, сверлит Демьяна таким взглядом, что ноги от страха подкашиваются, а Ястребовскому плевать.

— Девочка, — улыбается Вита. Взгляд смягчается, становится нежным и задумчивым.

Демьян демонстрирует все тридцать два.

— Я уверен, она будет такой же красивой, как ее мама, — выдает нагло.

— Слышь, козлик...

Данила сжимает кулаки, а я с ойканьем вцепляюсь в Ястребовского.

— Мы пойдем, — лепечу сбивчиво. — Всего вам хорошего!

И волоку несостоявшегося самоубийцу в сторону.

— Совсем крыша поехала? — шиплю, очень надеюсь, что Данила не станет преследовать. — Ты ему на один зуб!

— Беспокоишься? — мурлычет этот придурак.

— Труп прятать не охота!

Ястребовский смеется. Беззаботно так, совсем по-мальчишечьи. Голубые глаза горят весельем. Совсем как в прошлом... Тем единственным счастливым летом.

Трясу головой, отгоняя ненужные воспоминания.

Но в груди щекотно, и чувство такое... Нет, это не внезапно проснувшаяся любовь. Что от нее осталось? Угольки одни. Но дышать легче. И больше не хочется запустить в Ястребовского чем-нибудь тяжелым.

Перевожу взгляд за его спину, разглядывая удаляющуюся пару. Данила держится очень близко к Вите, но под руку не берет.

— Боится, — совершенно точно определяет Демьян, тоже разворачиваясь к неожиданным знакомым. — Похоже, он ради нее к немцу... э-э-э, психологу ходит.

— И она вряд ли об этом знает.

— Точно.

Некоторое время молчим. Демьян смотрит в сторону исчезнувшей пары и о чем-то думает.

— А ты, — кашляю, чтобы скрыть невесть откуда взявшееся смущение, — ты... еще ходишь?

Демьян качает головой, а взгляд все такой же рассеянный и мимо меня.

— К нему нет. К другому хожу.

— Зачем?

Дура! Какое мне дело? Но слово не воробей.

— Оказывается, в моей голове дохрена дерьма из прошлого. От него неплохо бы избавиться.

Ежусь, вспоминая короткий разговор с Генрихом Вольфовичем. Он не распространялся о детстве Ястребовского, но и без того я отлично знала, насколько оно было паршивым. Стоит ли удивляться, что Демьян пытался избавиться от всех триггеров?

— Можно остаться? — звучит неожиданно.

Растерянно хлопаю ресницами. Странная просьба. Что это — праздное любопытство или... или способ каким-то образом ко мне подобраться? Нет, он ведь женат.

— Тебе будет не интересно.

— Не думай, что я из интереса, — Демьян прячет руки в карманы брюк. Галстук вновь ослаблен, ворот рубашки расстегнут, а на голове бардак. — Просто...

Не успевает закончить — дверь одного из кабинетов хлопает, выпуская Ульяну.

Заметив нас, женщина удивленно вздергивает брови, но подходит — такая красивая, с распущенными волосами и в светлом комбинеzone, облежавшем пышные формы.

Кидаю быстрый взгляд на Ястребовского. Ищу на его лице то самое хищное выражение, которое иногда бывает у мужчин, увидевших горячую штучку, но вижу одно лишь осторожное любопытство. Поклясться могу, Демьяна интересует не бюст четвертого размера, а пока еще маленький живот.

Хмурюсь, силясь разобраться в собственных ощущениях.

Чувство неловкости, удивления и невесть откуда взявшейся злости миксуются в один крутой коктейль.

Да, Ульяна носит моего с Артуром ребенка! Ну и то? Я стану мамой, пусть и таким способом. Раньше вон... никаких шансов не было бы, а сейчас есть. И я рада, что этим воспользовалась. Со мной останется частичка Артура. Не какая-нибудь фирма, а живой человек. Наша дочь!

Смотрю на Демьяна с вызовом, но мне отвечают мягким взглядом. Оба не успеваем открыть рта — начинает Ульяна.

— Здравствуйте.

Ее нежный контральто легко разрушает возникшее между нами напряжение. А во истину царское спокойствие придает сил и уверенности.

— Демьян Викторович, — представляю Ястребовского. — Мой... коллега.

Жду язвительной реплики или чего-то подобного, но нет, Ястребовский ведет себя паинькой.

— Приятно познакомиться, — улыбается вежливо. — А вы...

— Ульяна, — представляется женщина и переключает внимание на меня. — Все хорошо, — отдает копии анализов. — Хоть сейчас в космос.

Тут уже я не могу удержаться от улыбки.

— Лучше в кафе. Ты голодная?

— Не очень. Все еще мутит. И дочка ждет, обещала ей сегодня поиграть вместе.

— Поиграть?

Почему-то на ум приходит нечто подвижное и опасное, но Ульяна смеется.

— В компьютер поиграть. Обожают игры. И хочет в будущем их придумывать или создавать.

— Геймдев очень популярен, — вступает в разговор Демьян, — он включает много профессий. От скульптинга до программирования. Подвезти вас?

И смотрит на меня.

Жму плечами. Напряжение совершенно отпускает — никакой трагедии не случилось из-за того, что Ястребовский и Ульяна встретились. И после небольшого волнения я тоже чувствую себя вполне комфортно.

По крайней мере, мужчина ведет себя абсолютно нейтрально. Не пялится в декольте, не навязывается. Да и водителю я послала смс, что он может быть свободен — думала добраться на такси.

— Поехали, — киваю, перехватывая папку. — Мне еще к завтрашнему randevу готовиться.

Глаза Ястребовского нехорошо темнеют. Да и я не испытываю никакого энтузиазма от будущей встречи с Агатовым. Что-то мне подсказывает, легкой она не будет.

***

Демьян

— До завтра.

Алена выпархивает и спешит в подъезд. Походка легкая, упругая, в руке — обычная папка на кнопке — результаты анализов, сумочка легонько покачивается в такт шагов.

А я, как debil, смотрю на удаляющуюся девушку и не могу перестать думать о том, что пройдет время — и в ее руках будет кряхтящий комочек.

В груди расплывается жар.

До самого нутра пробирает, кружит голову. Если бы это был наш ребенок... Жмурюсь, пытаюсь избавиться от лишних мыслей.

Не будет. Уже нет... Но черт возьми, почему она не написала? Почему приехала, подвергая себя опасности? Ведь есть тысяча способов сообщить, но она решила увидеть все своими глазами. Как будто мало я ей вытрепал нервов. А может... она не хотела рожать?

Откидываюсь на сидение и с силой тру переносицу.

В последнее не верю. Алена на аборт не пошла бы. И Юлия почему-то тоже не спешит избавляться от результата своих загулов.

Хмурюсь, вспоминая наш с Мартом разговор.

Сейчас главное — не накосячить. Проблемы на личном фронте совершенно не в тему, но... Опять это чертово «но».

Юлия не должна узнать об Алене, иначе начнет чудить. Да и для развода пока еще не все готово, не хочу больше сюрпризов. Теперь игра пойдет по моим правилам.

Завожу машину и трогаюсь с места. Наверняка дома меня ждут в коротком халатике, а то и вообще без ничего.

Почти угадал.

Юлия валяется на кровати в одних чулках, а на столике, вместо привычного коктейля — сок.

— Уже вернулся? — мурлычит кошкой.

А в темных глазах тревога. О да, я прекрасно знаю причину, но пока вынужден молчать — всему свое время.

— Даже не думай, — охлаждаю пыл будущей бывшей жены. — На работе завал. Я занят.

И направляюсь в свою комнату.

Юлия не собирается сдаваться просто так, конечно. В один мах слетает с кровати и спешит за мной.

— Совсем охренел, Ястребовский? — шипит, хватая за рукав.

А меня даже любопытство разбирает, на что еще она готова, чтобы скрыть залет.

Смотрю на роскошную, практически обнаженную женщину и понимаю, что действует она на меня лучше всякого брома (прим. автора — средство, применяющееся в том числе для снижения потенции). Меня не заводит ни роскошная грудь тройка, ни длинные загорелые ноги.

Хочется другого...

Перед глазами мелькает вуаль золотых волос, а кончики пальцев немеют от ощущения бархатной кожи и мягких завитков.

У Аленки была внизу аккуратная и чертовски сексуальная «прическа». Черт, нет, лучше не думать, иначе Юлия истолкует мое состояние по-своему.

— Что тебе надо, Юль? — намеренно коверкаю ее имя, зная, как это ее выбешивает. Юлия она. Или Юлиана.

Жена скалится и в темных глазах мелькает нечто очень нехорошее.

— Знаешь, я тут подумала... А расскажу я отцу об Аленке...

Одно слово — а у меня забрало падает.

В себя прихожу под сдавленный писк. Юлия вьется ужом, пытаюсь отодрать мою руку от горла, но я сильнее стискиваю пальцы.

— А расскажи, — голос хрипит и ломается — сам себя не узнаю. — Расскажи, —

повторяю, встряхивая гадину. — А я расскажу ему об Тимуре, — Юлия бледнеет до синевы и пучит глаза, — это ведь его ребенка ты пытаешься выдать за моего?!

Разжимаю пальцы, и Юлия мешком оседает на пол.

Плевать! Пусть только дернется в сторону Аленки, не посмотрю, что беременная — шею сверну. И ей и Оболенскому!

Кровь грохочет по венам, перед глазами алая пелена. Вот сейчас я реально готов убивать, за одно только слово, но вместо ругани и угроз, Юлия вдруг всхлипывает. Прячет лицо в ладонях и...

— Это мой ребенок, — скулит тихонечко. — Никому не отдам!

***

Если бы пару месяцев назад мне кто-то рассказал, что мы с Юлией будем на кухне разговаривать по душам — я бы очень долго смеялся.

А сейчас не до смеха.

Слушаю рваные фразы и... Нет, не верю. Но кое в чем Юлия точно не врет.

— Отец на аборт отправит, если узнает, — сжимает в пальцах кружку с чаем. — Он Тимура на дух не переносит. Нет. Хуже. Ненавидит. Если бы мог — убрал. Еще тогда, когда этот, — морщится, — меня соблазнил.

— Урод твой Тимурка, — хмыкаю, вспоминая, сколько лет было Юлии, когда это случилось.

От тюрьмы мужика спасла только ненормальная любовь совсем еще девчонки. Юлия втрескалась, как кошка и, похоже, до сих пор не отпустило.

— Урод, — соглашается тихо. — Я ведь... я ведь ради него фирму нашу подставила. Ну тогда, помнишь?

Тру ладонями лицо и мысленно матерюсь. Ага, помню. Фактически из-за этой ошибки я в Питер и отправился — новых клиентов искать.

— И что, решила ему через ребенка мстить? — смотрю на девушку. — Как ты вообще умудрилась, если он с защитой весь такой продуманный?

Юлия только плечом жмет и натягивает халат плотнее. Куда девалась прежняя стервозность? Передо мной обычная, запутавшаяся в себе девушка, весьма измятого и печального вида.

— Готовилась долго. Момент удобный ждала... А тут его телефонный звонок отвлек. Наверняка женушка, — морщится. — Ну а я резинки проколола. В заколке иглу прятала...

Дурдом на выезде. Опять тру лицо.

— ...А ребенок мне нужен! — продолжает Юлия. — Мне, а не ему, понял? И только посмей кому-то сказать, живо отцу про Але-е-енку, — тянет, — расскажу. Тонуть — так всем вместе.

Злость обжигает раскаленным хлыстом, но я вовремя прикусываю язык.

— Откуда про Алену знаешь?

Юлия молчит. Прикусывает полные губы, хмурит бровки, словно раздумывает. Но быстро сдается.

— Несколько раз ты меня так звал, когда сильно пьяным был. Целоваться лез, говорил, что кайфуешь со мной. С ней... Я сначала предъявить хотела, а потом... Решила, что не стоит. Зачем терять такое удобное прикрытие?..

Грохнуть бы кулаком по столу или встряхнуть Юлию за шкурку, но... пусто. Смотрю на абсолютно чужую мне женщину и размышляю, каким же слепым и тупым надо было быть.

— ... Не подумай, — заволновалась Юлия, истолковав мое молчание по-своему. — Ты мне действительно нравился, просто...

— Ты все еще сохнешь по ублюдку, который о тебя ноги вытер.

— Бред! — тут же взвивается Юлия и добавляет уже тише. — Я все решила. Пусть катится ко всем чертям. К жене своей, проститутке. К любовницам. Не могу больше... Но ребенок мой. Больше ничей!

Ну да. От любимого мужчины хоть частичку, понимаю. Как и то, что Юлии не помешало бы со мной на пару к психотерапевту смотаться.

Фыркаю.

Семейка, блин. Два обломка, которые сошлись по глупой шутке судьбы. Юлия жаждала Тимуру уязвить после его женитьбы, а я хотел сам решать, как жить. В итоге у обоих все вышло хреново.

Март мне скинул краткое досье на Тимура Юсупова. Тот еще отморозок, хуже Оболенского. Между обоими из прошлого тянулась вражда, и Юлии не повезло стать одной из жертв. В некотором роде теперь я ей даже сочувствовал. Стерва из нее не на пустом месте выросла.

Но это уже не важно.

— Я собирался тебе развод давать через пару месяцев, — озвучиваю свои мысли, а Юлия отрицательно качает головой.

— Нет. Иначе Тимур может что-то заподозрить. В последнее время он какой-то дерганый.

— А ты не боишься, что он заподозрит, когда ребенка увидит? Вдруг тот в папу?

У Тимура характерная такая южная внешность. Черноглазый брюнет с орлиным профилем. Еще и смуглый.

Но Юлия только плечами жмет.

— Моя мама из того же клана, что и Тимур. Их друг другу сватали с детства...

Ах, вот в чем дело. Оболенский невесту увел, понятно.

— ...А она за папу выскочила. Наверное, на зло... Не знаю. Плевать. В общем, ребенок пойдет в бабушку.

— Мгм... А мне предлагаешь и дальше ширмой работать?

— Недолго. Пусть только срок больше станет. И я подстрахуюсь, на случай непредвиденных обстоятельств. А потом разбежимся. Согласна выплатить щедрую компенсацию за терпение.

Охренеть. Других слов у меня не было.

— Но лезла-то на меня зачем?

Смущаться Юлия не собирается.

— Уж лучше такой отец, чем никакого... Все-таки полная семья. И я бы больше к Тимуру не бегала, — добавляет после некоторого раздумья.

И ведь не стыдно! Говорит об этом, как о походе в магазин. Нет, видно, надо мне эстафетную палочку передавать — загнать Юлию на сеансы к психотерапевту. Пусть только она родит.

— Ты же понимаешь, что все эти разговоры гроша ломаного не стоят. Сегодня ты думаешь так, а завтра по-другому.

Но Юлия лишь криво ухмыляется.

— Можешь рассказать о моей выходке Юсупову, — разводит руками. — Поверь,

начнется тако-о-ое...

Н-да, тут мне крыть нечем. Какой бы сволочью Тимурка не был, но ребенка наверняка не бросит. Да и Оболенский взбесится. Польется кровь, в прямом смысле.

— ... А я отца потихоньку обрабатывать начну, что мне с тобой плохо, — шепчет искусительница. — Поверь, очень скоро он сам тебе предложит убираться по добру по здорову.

Я только головой качаю — нашла, чем купить.

— За мое состояние не волнуйся. Лучше подумай о своей подушке безопасности. Хотя... погоди-ка. Шопинги все эти твои и прочая срань — ты ведь это все ради бабла. Запасы делала?

Юлия гордо вздергивает подбородок, а на лице превосходство.

— Мой ребенок голодать не будет, даже если отец из завещания вычеркнет!

Махом опрокидываю в себя кофе. Закон бумеранга никто не отменял. Выходит, использовала меня Юлия, как однажды я Аленку.

— Ладно, — отставляю пустую кружку в сторону. — Но имей ввиду, супружеский долг — это к кому-нибудь другому.

Юлия отвечает презрительным «пф-ф-ф» и, поднявшись, выходит. Но в дверях кухни останавливается.

— Отец всерьез намерен фирму Елены Николаевны крепче прижать, — смотрит многозначительно. — Но не он один. Недавно злился, что объявился какой-то конкурент. Зубастый очень.

Агатов! И почему я не удивлен.

— Хорошо. Спасибо за информацию.

Юлия улыбается. Но взгляд цепкий и холодный. Ей больше нет нужды носить маску.

— Я могу быть очень полезной. Или очень стервой. Давай поможем друг другу и разойдемся друзьями, окей?

Мне остается только пожать плечами.

Разойтись я раньше не против, но целом — без разницы. Алене на это наплевать.

Отступившая было тоска, возвращается. Запускает под сердце ледяные когти. С каждым днем я ощущаю их все отчетливее. Хочется... Да много всего. Но об этом лучше молчать. И попытаться не сломать то хрупкое, что теперь связывает нас с Аленой.

— Скотина, — сжимаю ручку, вышагивая от стены до окна. — Козел! Угрожать мне решил! Да я его...

Осекаюсь и смотрю на Демьяна. Тот наблюдает за моими метаниями молча — дает выплеснуть накипевшее. А я не хочу, чтобы молча! Хочу... я хочу... А-р-р-р! Убить Агатова! И Ястребовский спрятал бы его труп!

— Не смотри так кровожадно, — щурится Демьян и ослабляет галстук. — Может он из чистых побуждений?

— Смеешься?! От него враньем на километр смердит. Сегодня Владислав Маркович наш уважаемый партнер, — морщусь, — а завтра конкурент, который всю подноготную знает?

— Он и так знает. Ему кто-то инфу слил.

Я без сил приваливаюсь бедром к столу и тру переносицу.

Нет, это было ожидаемо, но... Когда он успел? И зачем? Черт, у него же нормально с деньгами. Своя фирма, ничуть не хуже!

— ... Давай пообедаем, м? — огорошивает Ястребовский. — Не хочу здесь разговор вести.

Едва открыв рот, чтобы возмутится, я тут же его захопываю. Демьян имеет ввиду прослушку. Это кажется бредом, но...

— Здесь рядом есть кафе, неплохое.

Демьян кивает.

Я выключаю компьютер, отправляю в сейф документы и выхожу из кабинета.

— Буду через час-полтора, — сообщаю Снежане.

Она подменяет Марьяшу, у которой пару дней назад начался отпуск. Женщина сухо кивает и вновь погружается в работу. Снежана вообще немногословна. И, глядя на ее вечно поджатые губы и глубокую морщинку между бровями не скажешь, что она весьма отзывчивая. А еще прекрасная мать и бабушка.

Вместе с Ястребовсеим подходим к лифту. А мне вдруг вспоминается тот случай, когда Демьян машину помог запарковать. Тоже ведь вот так вместе ехали. Только если в тот раз меня ломало от боли и бессильной ярости, то сейчас — блаженная пустота.

Может, в самом деле отпустило?

Когда?

Не могу вспомнить... Постепенно, по капельке Ястребовского стало так много, то дергаться на каждый раз нервов не хватает.

Да и... с прошлым пора мирится. Все уже случилось, я тоже хороша была — влюбленная и навязчивая. А сейчас Демьян вроде бы действительно хочет помочь.

Кошусь в его сторону, но быстро отвожу взгляд.

И почему у меня сейчас ощущение, что Ястребовский вспоминает тот же самый момент?

На его лице застыло крайне странное выражение, а в уютном молчании появился легкий флер напряжения.

— Как дела с твоим проектом? — брякаю прежде, чем успеваю прикусить язык.

Ой, какая дура! Мне вообще не должно быть интересно! Демьян, кажется, тоже удивлен.

Но отвечает почти мгновенно:

— Шахов доволен. Требуется тебя в команду. Как он еще ее не разогнал...

Фыркаю.

— Ну, если Агатов меня разорит, то придется.

Шутка выходит паршивой. Краем глаза вижу, как Ястребовский стискивает челюсти, а плечи мгновенно каменеют.

— Не разорит, — обещает таким тоном, что у меня внутри екает.

Демьян решил в защитники записаться? Зачем ему это? Карму отработывает? Так вроде уже обо всем поговорили-договорились... А сердце почему-то стучит часто-часто. Совсем так же, как однажды в первый и последний раз Ястребовский заступился за меня перед мальчишками.

После этого меня в деревне никто пальцем не трогал, только шипели вслед. А я думала — умру от восторга.

Сейчас ощущения другие, но все равно с трудом давлу глупейшую улыбку.

— Ты его не знаешь, — бормочу, усиленно разглядывая табло.

— Уже знаю. Поэтому хочу поговорить без лишних ушей.

— Заинтриговал прямо...

Лифт, наконец, распаивается и я чуть не влетаю носом в глубокое декольте.

— Е-елена Николаевна, — лепечет... Валя? А что она здесь делает? Рабочий день в самом разгаре, а она словно со свиданки прискакала — румяная и наэлектризованная.

— Ходила за сменным картриджем, — рапортует девушка.

— Для этого у нас снабженцы есть.

— Так закончилось у них, я вызвалась сбегать.

Киваю, а что еще делать. Вроде бы ничего криминального. Девушка заскакивает в лифт и торопливо жмет на кнопку.

Переглядываемся с Демьяном.

— Эта свистулька ко мне в ресторане клеилась, — произносит задумчиво.

А я ловлю себя на мысли, что Валентине неплохо было бы впать штраф.

— Понравился, значит, — голос звучит слишком сухо. Даже самой неудобно становится — мне какое дело?

Но Демьян, похоже, этого не замечает. Привычным движением ерошит волосы и выдает:

— А Агатов ей не мог понравиться? Черт, Алена! — подхватывает меня под локоть.

Хорошая реакция — я чуть носом ступеньки крыльца не пересчитала.

— Она на поминках была, — шепчу, едва ворочая языком. — Мог и... понравиться.

— Ее тоже надо проверить. Откуда она вообще у вас? Сама пришла или кто привел?

— Я привела.

Очень мне Валенька на судьбу свою плакалась. Приходится бедняжке официанткой работать, а ведь у нее высшее.

Демьян молчит — никак не комментирует. Но и без того понятно, о чем он думает. Я с ним солидарна. Дурой была, дурой и осталась.

В кафе заказываем только напитки — аппетита нет.

Демьян достает из кармана флэшку и сразу же мне вручает.

— Тут немногие фото и скрины документов. Информацию пытались подчистить, но что попадает в интернет, остается в интернете.

Забираю протянутую флэшку и на мгновение наши пальцы соприкасаются. Меня встряхивает. Фантомные сердечные боли живо воскрешают воспоминания, какими сильными и чуткими могут быть эти руки.

— Что конкретно удалось найти? — спрашиваю, пытаюсь замаскировать неожиданную и совершенно неуместную реакцию.

Это просто случайность. Обычная реакция тела — все же с первым мужчиной, если рассуждать отстраненно, мне повезло. Секс был просто фантастический. Да и Ястребовский ничего не заметил.

Опять хмурится и трет подбородок.

— Немного, говорю же. Но есть интересные моменты. Агатов уехал сразу как, — запинается, смотрит на меня, словно раздумывая, но продолжает, — поле свадьбы Артура и Софьи Бесстужевых.

Дипломатично. Я оценила.

— Ты можешь спокойно говорить про Софью. Я прекрасно осведомлена о жизни, — бывшего мужа сказать — язык не поворачивается, — о жизни Артура и его первой жены. Он много рассказывал про семью.

Демьян не пытается скрыть удивления. Смотрит на меня, как будто зверушку диковинную увидел.

— Обычно девушкам неприятно слышать о бывших.

— И кого мне ревновать? Умершую?

Шах и мат. Видимо, Ястребовский об этом не подумал. Опять нахмурился.

— В общем, по косвенным признакам можно сказать, что Агатову нравилась Софья. Возможно, он пытался ее отбить.

Я задумчиво прикусываю костяшку пальцев. А ведь мог. Софья была гораздо младше Артура. Но, по словам мужа, они были без ума влюбленные. Агатову ловить там нечего было.

— И теперь он хочет отбить фирму, раз не получилось с женой, — тяну задумчиво.

— Не исключено. Такая вот маленькая месть. Алён, это не шутки.

А меня опять пробивает, когда слышу свое настоящее имя, но Демьян, кажется, говорит так на автомате. И я опять молчу. В конце концов — какая разница, если мы общаемся наедине.

— Какие уж тут шутки, — вздыхаю, и все-таки делаю глоток чая. — Насколько он опасен?

— С учетом предполагаемого желания взять реванш — очень даже...

Боже! Тру лоб, пытаюсь избавиться от начинающейся головной боли.

Ну почему мне нельзя просто работать? Я хороший исполнитель, но руководитель из меня... такой себе.

— ...Не волнуйся, — Демьян подается вперед, внимательно всматриваясь в мое лицо. — У вас хорошая команда...

— Угу, особенно Валентина.

Демьян морщится. Пронзительно-голубые глаза темнеют, вокруг них собираются лучики-морщинки. Когда-то это приводило в восторг. Сейчас я пытаюсь уловить скрытые мотивы. Понять, насколько глубоко он готов ввязаться. И мне не стыдно. Я буду использовать любой подвернувшийся шанс, в разумных пределах, конечно.

Демьян чуть склоняет голову, давая рассмотреть себя с нового ракурса.

— Ты с меня будто мерку снимаешь, — ухмыляется криво.

— Нужно же знать, каких размеров тапки тебе покупать, если Агатов зубы покажет.

Демьян откидывается на кресло и несколько минут пристально меня изучает, будто видит впервые.

— Главное, чтобы ему стоматолог вдруг не понадобился. Изучи инфу, как сможешь. А я насчет Валентины поработаю.

И что-то мне кажется, работа Демьяна не будет напрасной.

***

Демьян

Картридж, значит, она купить решила... Смотрю, как Валечка в припрыжку бежит к лифту и испытываю жгучее желание схватить ее за шиворот и как следует встряхнуть.

А потом вызвонить Агатова и разобраться уже с ним.

Выдыхаю сквозь стиснутые зубы. Да, Демьян — это уже диагноз. Чем больше я наблюдаю за Аленой, тем сильнее меня ломает.

Она все та же... Но уже другая. Самостоятельная, знающая себе цену. Словно алмаз, который получил огранку. Это восхищает. И влечет... Но между нами пропасть с размером с Марианскую впадину, и я просто не знаю, с чего начать строить мост.

Но бездействовать тоже не могу. Поэтому сейчас все мои усилия концентрируются на Агатове. Этот мать его, мистер-большой-босс, ничерта не получит.

Да, мы в разных весовых категориях. Вот только кто сказал, что это повод все бросить?

Дождавшись, пока из кабинета все свалят, захожу туда, используя выданный Аленкой ключ.

Пароли от компов тоже знаю, установка нужных программ не занимает много времени.

Ну а через часок меня ждет очень важная встреча...

— Привет, козлик.

Данила, мать его, Ферзевский в своем репертуаре. Развалившись на скамейке, затягивается вейпом. Это так не вяжется с его образом брутального мужика, что я хмыкаю.

Ферзевский понимает. Но оправдываться не собирается. Хотя я и предполагаю, что он после нашей встречи поедет домой к той беременной девушке, поэтому не хочет вонять табаком.

— Мне нужна помощь, — игнорирую «козлика».

Ферзевский дергает уголком рта на подобие улыбки. А в волчьих глазах стужа.

— Тебе нужна?

— Да. Контакты хорошей охраны.

— О, как. Ну так ты это... Не по адресу маленько.

— Разве? Я думал, с вашим прошлым интересных связей должно быть много.

Ферзевский вроде бы не реагирует, но я нутром чую, еще несколько слов — и в скверике случится мордобой. Закопает меня Данила вон под тем кустом.

— Мое прошлое не должно тебя волновать, козлик. А теперь давай, скачи отсюда.

— Разумеется, как только получу то, что мне надо.

Мужик чуть склоняет голову, будто видит меня впервые. В его глазах клубится темнота — никак не понять, о чем он думает.

— Алене Николаевне помочь решил?

Наивно было полагать, что он не пробьет данные обо мне и Аленке.

— Елене Николаевне, — поправляю братка.

— Не подходит ей Елена.

Тут согласен. Но молчу, продолжая дуэль взглядами. Данила шумно вздыхает, от чего светлый джемпер натягивается, ненавязчиво демонстрируя рельеф крепкой фигуры.

— Есть у меня один знакомый, — отвечает лениво. — От дел он отошел недавно, но на его месте очень толковый мужик — с ним и побазаришь. Держи, — достает из кармана джинс визитницу и протягивает мне один из пластиковых прямоугольников.

— ... Скажешь, Ферзь просил помочь.

Беру простую, но со вкусом оформленную визитку и читаю адрес.

— ...Он сейчас на работе, так что валяй — скачи быстрее.

И Данила теряет ко мне интерес. Я тоже не горю желанием продолжить общение. Не представляю, как рядом с ним уживается та девушка. Хотя... Если он ради нее к психологу пошел, то чьи-то причиндалы в зажаты крепко.

Прежде чем зайвится в офис, набираю приемную. Приятный женский голос сообщает, что начальство на месте и, после небольшого уточнения, милостиво разрешает приехать.

Через час я уже сижу в шикарной приемной цвета молока и горького шоколада. Все стильно, красиво и по-деловому. Секретарь — очень возрастная женщина, просит ждать — у начальства какие-то там важные дела.

Все становится ясно, когда дверь кабинета распаивается и из него выскакивает раскрасневшаяся молодая девушка.

У меня прямо сердце екает — на Аленку похожа! В самой ее юности. Но не внешностью, а... выражением лица, что ли. Сияющие светлые глаза, а на аккуратных губах застыла смущенная улыбка.

Под ребрами взрывается фейерверк. Задерживаю дыхание, силясь справиться с накатившей волной воспоминаний, и как за спасательный круг, цепляюсь взглядом за возникшего на пороге мужика.

Здоровый амбал. Прямо Илью Муромца с такого писать — плечи широкие, фигура тяжелая, крепкая. Футболка на груди так и трещит, а руки забиты татуировками до самых запястий. Колоритно.

— Демьян Ястребовский? — басит, пригребая девчонку к себе.

На автомате отмечаю, что у обоих обручальные кольца. Одинаковые.

— Да. Приятно познакомиться, Арсений Янович.

— Просто Арс, — после некоторого раздумья выдает мужик и, склонившись к своей миниатюрной жене, смачно целует ее в губы.

— Езжай домой, маленькая, — грохочет нежно. — Скоро буду.

Девушка вспыхивает и, бросив на меня недовольный взгляд, исчезает. Кажется, я сорвал кое-кому свиданку.

— От Ферзя, значит, — поворачивается ко мне Арс. А в глазах ни капли былой мягкости. — Ну пошли, поговорим...

В солнечных лучах лениво пляшут крохотные пылинки, за окнами слышатся веселые крики детворы и чириканье птиц. Умиротворяющая обстановка... Если бы не Демьян, сидевший напротив. И его новости.

— Охрана? Ты серьезно?

Сжимаю чашку с чаем, пытаюсь отыскать на знакомом лице хотя бы намек на усмешку. Но Ястребовский предельно собран.

— Серьезно. Это профессионалы, не бойся. Ты даже их не заметишь.

Скрестив руки на груди, откидываюсь на спинку стула. Я прямо не знаю, что сказать! Когда Ястребовский позвонил и попросился на чай, заинтриговав перед этим «интересными новостями», я и подумать не могла, что они окажутся настолько неожиданными.

— Демьян, я...

— Знаю, что сама справишься, — наклоняется ближе, гипнотизируя взглядом. Голубые глаза потемнели, и я никак не могу понять, что в них скрыто. — Просто мне будет так спокойнее.

О, боже!

Едва успеваю сдержать нервный смешок.

— Демьян, я тебя не узнаю. Ты что, опеку надо мной взять решил?

— Просто помочь.

Тяжело вздыхаю. Не то, чтобы я сильно против — с Агатовым действительно лучше не шутить, — но искренность Демьяна вызывает подозрения.

— Сколько я тебе должна за беспокойство?

Взгляд Ястребовского вспыхивает. Ого. Кажется, кто-то оскорбился. Но я больше не та наивная дурочка, которая верит любому слову. Особенно это касается Демьяна.

— Это моя инициатива, — цедит сквозь зубы. — Ничего не должна.

Уговаривать мужчину нет никакого желания. Если хочет тратить деньги — пусть. За квартиру я вернула, ну а дальше...

— Думаешь, Агатов готовит покушение? — возвращаю разговор в нейтральное русло.

— Лучше перестраховаться. Спасибо за чай.

Демьян встает из-за стола и направляется в прихожую. Останавливать его не собираюсь. Дел, если подумать, хватает, и это несмотря на выходной. Витко носится с тендером, как ненормальный. Этот проект открывал фирме путь на новые зарубежные рынки. Упускать нельзя. Вот и приходилось, как говорится, без выходных и проходных.

Не представляю, как Артур это выдерживал... Сердце болезненно сжимается, не справиться с этим уже легче. Тоска по мужу понемногу вытесняется повседневностью, а мысль о том, что к весне появится маленькая Надежда — дают сил двигаться дальше.

Едва успеваю подумать — звонит Ульяна.

— Привет! — воркует в трубку. — Я тут по магазинам собиралась. Не хочешь прогуляться?..

Черт! Смотрю в сторону комнаты и не испытываю совершенно никакого энтузиазма просидеть до вечера за работой.

— ... На часик-другой, не больше, — верно угадывает мои мысли Ульяна.

— Хорошо, — выдыхаю, прикидывая, как быстро приедет такси.

Владимира вызывать не стану — зачем человека ради одной поездки дергать? А самой за руль сесть... Бр-р-р, нет.

— Подвезти? — мгновенно реагирует Демьян, как только кладу трубку.

Вздыхаю. И почему я не удивлена?

— Если не сложно. Только мне нужно переодеться. Двадцать минут, — добавляю нагло. Ястребовский молча усаживается на пуфик. Понятно... Время его не смущает. Ну и ладно, я никого за язык не тянула.

Разворачиваюсь и иду в комнату. На улице тепло, надену, пожалуй, платье.

***

Демьян

Твою. Мать.

Сглатываю и давлю в себе желание оттянуть ворот футболки. А взгляд липнет к стройным ножкам вокруг которых развеивается ассиметричная юбка сарафана, который любовно обрисовывает стройную девичью фигуру.

Аленка всегда платья любила. Даже тряпки на лямках не портили ее форм, а уж такое... Сжимаю кулаки, но не могу отделаться от воспоминаний о бархатной коже под ладонями. Устроить бы руки на шикарных бедрах и повести выше, задирая светлую ткань...

— Идем? — врывается в сознание беззаботный голос.

Киваю, как робот. Да, девочка... Поменялись мы с тобой местами. Только на этот раз плевать уже тебе.

Первый выхожу за дверь.

Усилим воли заставляю вспоминать, о чем именно мы договаривались с Юлией. Ей нужно дотянуть до срока, когда беременность невозможно будет ни прервать, ни скрывать. Потом у нас намечается грандиозный скандал и развод. Оболенский взбесится. Плевать. Наш брак с Юлией изначально был ошибкой. И теперь эта ошибка — еще одно препятствие на пути к отчаянным попыткам вернуть хотя бы призрак прошлых отношений.

— Ты меня пугаешь, Демьян, — ворчит Аленка, когда я распахиваю для нее дверь авто.

Я сам себя пугаю. Но уже не сопротивляюсь. Не могу и не хочу.

Устраиваюсь на водительском и завожу тачку. А взгляд соскальзывает к круглым девичьим коленкам. Во рту становится сухо, а грудь теснит от вполне определенных желаний.

Включаю музыку, чтобы звучала фоном.

— Надеюсь, ты не против, — перещелкиваю на хорошо известную нам обоим группу.

Аленка дергает плечом, но не протестует. Кажется, она чувствует себя совершенно расслаблено. Черт... Как у нее получалось раньше держаться? Я будто на раскаленной сковородке сижу.

— Когда-нибудь обязательно научусь водить, — шепчет будто сама себе.

— Ты и так умеешь. Просто дорога — она не для всех.

— Да уж... Лучше быть хорошим пассажиром, чем плохим водителем, — вздыхает и отворачивается к окну.

Из динамиков льется нежная мелодия, а я ловлю себя на мысли, что Алена была единственной девушкой, с кем комфортно было молчать.

Юлия обычно или по телефону трепалась, или несла какую-то неинтересную ерунду. Нет, не совсем так. Это было неинтересным для меня. Светские рауты, кто кому брат, сват или жена, новомодные выставки... Все это мало меня заботило.

Если припомнить, общих тем для разговора у нас набиралось не слишком много. Первые года полтора брак держался на взаимной — по крайней мере, я так думал, страсти, ну а потом все пошло на убыль.

Мысли текут лениво, без особых усилий. Не испытываю никаких эмоций кроме, разве что, жалости — столько времени просрал. Думал, что этот брак мне нужен, а оказалось...

— Ульяна! — нежный голос Алены возвращает в реальность.

Она вся вытянулась, смотрит на сидевшую в тенечке молодую женщину. На стоянке полно свободного места, поэтому паркуюсь без проблем.

Но черт... Как же не хочется разблокировать двери. Кошусь на Алену, она выглядит расслабленной и воодушевленной. На меня ноль внимания.

— Не против, если я зайду с свами? — решаюсь, наконец. И, заметив тень, мелькнувшую на девичьем лице, добавляю. — Нужно кое-что купить.

Алена неопределенно дергает плечом.

— Разве я тебе запрещаю?

Но и не разрешаешь тоже. Понимаю, что лимит ее терпения на пределе, но остановиться не могу.

— Не хочу стеснять.

В ответ слышу насмешливое «пф-ф-ф».

Алена отстегивает ремень и легко выпрыгивает из машины. Я выбираюсь следом.

Ульяна нас сразу замечает — поднимается навстречу. Ее фигура пока не поменялась, но это ненадолго.

Тепло поприветствовав Аленку, переводит взгляд на меня.

— Здравствуйте, Демьян, — улыбается добродушно. — Также решили пройтись по магазинам?

— Да, надо купить парочку чистых флэшек.

Надеюсь, Аленка поверит в этот бред.

— Пойдемте, не надо стоять на солнце, — тревожно вздыхает она, а меня махом в тот самый день откидывает.

Тогда ведь тоже было очень жарко. Невыносимое пекло, и Алена стояла прямо под солнцем. Зачем? Почему она не позвонила мне тогда? Может быть, все было по-другому?

— Ну, нам туда, — Алена кивает в сторону бутиков с одеждой. В том числе и детской.

Дыхание перехватывает, но я киваю.

— До встречи, — махаю рукой и иду в противоположную сторону.

Где там этот чертов магазин с флэшками?

***

— Он с нами хотел прогуляться.

Добродушное замечание Ульяны дергает нервы. Не то, чтобы у меня испортилось настроение от присутствия Ястребовского, но... зачем Демьяну навязываться?

Аленка-из-прошлого наверняка пиццала бы от восторга. Но Елена Николаевна резонно возражала — просто так ничего не происходит.

Что служит причиной его интереса? Выгода или... симпатия?

Последнее настолько абсурдно, что я коротко хмыкаю.

— Думаю, Демьяну есть чем заняться. Его жена дома ждет.

На красивое лицо Ульяны набегает тень.

— Как нам повезло, — усмехается грустно. — Совсем как биологического отца моей

дочери. Правда, он к невесте ускакал.

— Вот козел. Прости.

— Ничего. Знаешь, я ведь сама дура. Влюбилась по уши...

О, как знакомо!

— ...Тамир был таким... моим, понимаешь? Любовь с первого взгляда. Вообще не понимала, что делаю. Да и его семья никогда бы не приняла, кхм, православную.

— Так он...

— Мусульманин, да. У него монгольские корни. И хоть мать была русской, но такой, — прищелкнула пальцами. — Очень обработанной. Фанатично прямо. Она меня невлюбила больше всех. Говорила, что я для Тамира всего лишь игрушка. А женится он на правильной девушке, а не на шлю... — запинаясь, — ну, ты поняла, в общем. Так и произошло.

— Боже, — выдыхаю, качая головой. — Мне очень жаль.

— Не стоит. У меня самая прекрасная девочка на свете.

Да, я видела фото дочери Ульяны. И еще тогда подумала, насколько у нее специфическая внешность. Очень красивая смесь получилась. Слегка раскосые глаза, фарфоровая кожа и копна темных волос.

Ульяна обмолвилась, что Дашеньке предлагали съемке для модного журнала. Но пришлось отказаться — Тамир мог увидеть знакомую фамилию, догадаться и отобрать ребенка. Или бывший вдруг дал бы о себе знать.

Обоих этих мужчин Ульяна видеть категорически не хотела.

— Я надеюсь, жена ему будет под стать, — шиплю рассерженно. — Ульяна, понимаю, что еще рановато, но, может, заглянем в детский отдел?

Ужасно хочется хотя бы подержать крохотные распашонки. Покупать не буду — бессовестно трушу и боюсь сглазить. Лучше уже после родов.

— Давай, — расцветает Ульяна.

И мы обе направляемся к магазинчику. Но уже около самых дверей я резко сдаю назад.

— Лучше потом, — бормочу тихо и, развернувшись, иду прочь.

За стеклянной дверью стоит очень знакомая девушка — сама Юлия Оболенская. И в ее руках крохотные детские вещички.

Демьян

Понедельник — день тяжелый, но у меня отличное настроение. Юлия уехала в Москву, с врачом встречается. Есть у нее прикормленный спец, который должен выставить ложную дату зачатия. Уже почти бывшая жена опасается, что биологический отец ребенка начнет что-то подозревать. Заодно мы договорились, что Юлия начнет обрабатывать Оболенского насчет «расстаться по-хорошему» и «любовь прошла».

Не сказал бы, что доверяю ей полностью, но Юлия выглядит заинтересованной стороной. И действительно боится Тимура. А еще ненавидит.

Мне это только на руку.

Как и новости о Валентине, которая оказалась той еще крысой.

И почему я не удивлен, что Девка оказалась в койке Агатова? У нее же на лбу написано, что она ищет папика. Вот только Владиславу Марковичу плевать на эту дуру — у мужика еще несколько пассий, которых он навещает время от времени.

Законом не запрещено, конечно, а вот репутация может пострадать — главное, преподнести в нужном свете.

Из машины буквально выпрыгиваю и сразу же к Аленке. Но едва делаю шаг в кабинет — натываюсь на прохладный взгляд, приправленный едва различимым кивком.

— Полагаю, ты насчет Валентины, — выдает сухо.

Хорошее настроение исчезает как по щелчку. Да что случилось? Еще в субботу нормально ведь общались.

— Не только, — начинаю осторожно.

Наверное, мне не нужно лезть, ведь... А, да какого черта?

— ... Что-то произошло? — спрашиваю, даже не пытаюсь играть в джентльмена.

Аленка слегка вздергивает брови. На носике опять очки, и смотрит так... как в первую нашу встречу в ресторане.

— Ничего не случилось.

Ага, как же. Внутри потихоньку закипает ярость.

— Я обидел?

Аккуратные брови изгибаются еще больше.

— Нет.

— Врешь.

Аленка вспыхивает. Я чувствую ее злость, как свою собственную, но как же хорошо она научилась держать лицо.

— Демьян, у меня мало времени. Или ты рассказываешь, или уходишь.

Да какая муха ее укусила?! Лихорадочно вспоминаю, где я мог накосячить. Но ни хрена не получается!

Гнев ищет выход. Желание несколькими резкими фразами вывести Аленку на эмоции жжет в груди, но, протяжно выдохнув, отступаю.

— Не знаю, что ты придумала, но ладно... К делу так к делу. Валентина спит с Агатовым.

— Вот же... — Аленка ругается и хлопает ладонью по столу.

Слышать крепкое словечко от нее настолько непривычно, что я на мгновение зависаю.

От былой злости не остается следа. Хочется расхохотаться, а потом... Ослабляю удавку галстука. Терпение Ястребовский. Ты опять в немилости, хотя фиг его знает, что послужило причиной.

— Да, именно так я и подумал, когда их увидел. Вот, — достаю несколько снимков и передаю ей. — Агатов просто окрутил лохушку и через нее доставал инфу.

— Засужу эту тварь, — Аленка рычит разъяренной тигрицей и вскакивает на ноги.

— Стой!..

Едва успеваю перехватить ее у двери.

— ...Спугнешь ее — и мы потеряем ниточку к Агатову! — шепчу торопливо, а сама дурею от окутавшего меня облаком аромата.

Твою мать... Как же Аленка пахнет вкусно! Летом, сладким ветром и травой... В голове фейерверк, а реакция... Черт! Вполне характерная. Только бы не заметила!

Насладиться не успеваю, Аленка бьет в плечи. Больно так!

— Жену свою лапай, — цедит зло.

Что? Нифига не понимаю... В голове все еще шумит

— Какую? — туплю, пытаюсь прийти в себя.

— Беременную!

Опа... Встряхиваю головой, но Аленку только сильнее стискиваю. Не пушу пока не поговорим.

— Вот так осведомленность... А ты знаешь, что она не от меня беременна?

***

Давлюсь воздухом, не в силах поверить услышанному. Это шутка такая?!

— Руки убрал, — пытаюсь освободиться, но вместо этого Демьян играючи толкает меня к стене, а сам нависает сверху.

— Ага, уберу. Сразу после того, как поговорим нормально. А то видно у тебя привычка такая — сбегать.

Вспыхиваю, понимая, на что намекает Ястребовский.

— Чья бы корова мычала, — шиплю, вновь толкая в твердокаменные плечи. Только куда ж мне против Демьяна!

— Ну так мычу вот, — ухмыляется нагло. — Видишь, не стыдно признаться, что супруга моя налево сходила с последствиями.

— А мне какая разница? Это твои проблемы.

Лукавлю. Когда я увидела Юлию, то как будто в прошлое попала. Сразу вспомнила, что и я могла стать мамой, а получилось вон как. Ну и разозлилась немного. Ястребовский мне про развод заливал, а у самого пополнение в семействе наметилось.

— Да, это мои проблемы, — соглашается Ястребовский. — Проблемы, как скрыть от Оболенского левак его дочурки. Потому что иначе будет скандал, а Юлия до сих пор любит отца своего ребенка. Хоть он и мудака редкостный.

Черт! Совершенно не знаю, как относиться к сказанному! С одной стороны испытываю постыдное облегчение, а с другой досаду. Мне должно быть все равно!

— Ну надо же, ты прям Супермен местного разлива. Кому еще помогаешь?

Демьян шурится. На высоких скулах играют желваки.

— К счастью, на этом все, — и отходит в сторону. — Просто не хочу недомолвок между нами.

— Какие недомолвки? Ты женат.

— Ненадолго.

Фыркаю, но, вместо того, чтобы выйти из кабинета и лично оттащить Валентину за патлы, возвращаюсь за стол.

— Нужно предоставить девушке немного ложной информации, — хватаю ручку и прикусываю кончик. А глаза Ястребовского почему-то темнеют.

— Уже работаю над этим. Но Агатов вполне мог начать сманивать и других работников.

Проклятье! Как знала, что эта встреча ничего хорошего не несет. Слишком быстро Агатов тут объявился! Наверняка он и раньше задумывался о том, чтобы прибрать фирму Артура к рукам.

Паника медленно перекрывает кислород. Как мне справиться? Угрозами? Подкупом? Все это кажется таким нелепым...

— Алён... — голос Ястребовского звучит словно сквозь вату. — Не переживай, справимся.

И пальцев осторожно касаются другие — сильные и горячие.

Поднимаю взгляд на Демьяна. Не заметила даже, как подошел.

— Ты не обязан, — отнекиваюсь, но звучит жалко.

— Но я правда хочу помочь.

— Зачем?

Этот вопрос не дает покоя. Заставляет нервничать, искать двойное дно. А может, и он на Агатова работает? Медленно выдыхаю — так и до паранойи недалеко.

— Потому что могу, — отзывается серьезно. — Да и как-то не по-мужски — столько акул бизнеса на одну русалочку.

Закатываю глаза. Демьян не исправим. Но неловкая шутка странным образом действует умиротворяюще. Даже улыбнуться хочется.

Но я мягко высвобождаю пальцы из-под ладони Демьяна. Пусть не думает лишнего. Он женат, и не важно, от кого там Оболенская беременна. И почему хочется подколоть про кальций и рога? Но я держусь.

— Это, конечно, все очень мило. Но я все равно чувствую себя обязанной. Мне будет проще платить тебе за помощь.

Ох, ты, как глазами засверкал! На мгновение мне даже стало стыдно.

— Платить, значит... Хорошо. Я согласен на оплату...

Неожиданно. В груди легонько скребется разочарование. Хотя и не должно — я ведь сама предложила.

— ...печеньем и сырниками, — заканчивает Демьян.

— Эм-м-м...

Теряюсь на несколько мгновений, но Ястребовскому этого достаточно.

— Есть будем вместе, — добивает меня и подло скрывается за дверью.

А я откидываюсь на спинку кресла и усиленно тру лоб, силясь разобраться в сумбуре собственных эмоций. Но, надо признать, об Агатове думаю сейчас сильно меньше. Да и Валечке стоит не за лохмы свои бояться, а как бы не присеть за разглашение корпоративной информации.

Спуска ей никакого не будет. А пока Демьян прав — пусть Агатов думает, что у него все схвачено.

***

Демьян

Арс встречает меня рукопожатием, от которого кости трещат. Не морщась выдерживаю натиск, за что получаю одобрительное хмыканье.

— Извольте чаю с баранками отведать, Демьян Викторович, — басит, жестом приглашая меня в кабинет.

Устраиваюсь в удобном кресле, мимоходом оглядываясь по сторонам. На столе замечаю фото в рамке. Так-так... Это же та самая девушка, которую я видел. На руках у нее симпатичная малышка.

— Моя жена с дочкой, — поясняет Арс и в его голосе слышатся нежные нотки.

А я молча давлюсь завистью.

Вокруг меня, блин, все беременные или женатые. Алена тоже скоро мамой станет. И, честно говоря, я ловлю себя на мысли, что хочу видеть ее ребенка.

В Питер, что ли, перебраться, как все закончится?

Эта мысль неожиданно увлекает. Один из плюсов моей работы в том, что мне нужен лишь компьютер и интернет.

— Вы оказались правы, за Еленой Николаевной следят, — выводит из раздумий Арс. — Мои ребята засекли этих дилетантов. Очевидно, заказчик сильно не заморачивался. Исходя из моего опыта — у него нет цели нанести какой-либо вред. Пока еще нет, — уточняет с нажимом. — Обычно такая хреновая слежка ведется с целью узнать — с кем объект контактирует...

Хм... Признаюсь, таких новостей я не ожидал. Пусть Агатов никто и звать его никак, но если с Аленой что-то случится — от этой мысли кидает в холодный пот — если вдруг... Ему ведь не составить труда подмять под себя фирму Бесстужева.

Эта сволочь опытная и очень хитрая, я спорить готов, сейчас он окучивает кого-нибудь из совета директоров, чтобы подобраться ближе.

— ...В общем, пока у нас связаны руки, Демьян Викторович, — подытоживает Арс. — Физической угрозы для Елены Николаевны нет. А слежка... ну так доказать еще надо, что это дело рук Агатова. То, что он сотрудицу по отелям таскает — личную жизнь никто не запрещал. И наверняка сумеет отмазаться, если его прижать сильнее. Сейчас он на стадии разведки. Прощупывает почву. Но просто так не отвяжется. Из-за его долгого пребывания за границей компромат найти будет непросто.

Да, я и сам знаю. Кроме как в предполагаемых симпатиях к первой жене Бесстужева упрекнуть Агатова практически нечем.

Задумчиво барабаню пальцами по столу.

— Должно же быть что-то...

— Скорее всего, но у меня не детективное агентство... — Арс скрещивает руки на могучей груди и хмурится.

— ... Можно попробовать пробить его родственников, — добавляет задумчиво.

Это мысль. Я делаю себе пометку проработать этот вопрос.

— Спасибо, — встаю и первый протягиваю руку. — Оплату за следующий месяц уже перечислил, можете проверить.

Арс отвечает крепким рукопожатием. И провожает к двери. Его секретарша окидывает меня недовольным взглядом и сухо прощается.

Ответить не успеваю — в кармане играет мобильный.

Алена?

Проклятье, просто так она звонить не будет... Торопливо поднимаю трубку.

— Извини, что отвлекаю, — начинает взволнованно. — Не мог бы ты подъехать на работу?

— Что-то случилось?

— Кажется, Валя слила Агатову слишком много информации... Тендер под угрозой. Вот же... стерва продажная! Очень надеюсь, что Алена не станет ее жалеть.

— Скоро буду.

И я быстро иду обратно к машине. Чувствую, сегодня поработаем сверхурочно.

В кабинете тихо. Настолько, что я, кажется, слышу собственный стук сердца. Или оно действительно стучит слишком громко?

«Все плохо, Елена Николаевна», — голос Витко еще звучит эхом в ушах. — «В этот раз мы свой кусок отгрызли, а вот в следующий...»

— Алён... — подает голос Ястреовский. — Да не грузись так. Агатов...

— Пережует нас и выплюнет, — заканчиваю устало. — Это была репетиция, Демьян. Агатов всего лишь продемонстрировал, на что способен и чуть не обошел нас. У него есть связи. Есть деньги. Есть, мать его, опыт и возможность давить таких, как я.

Устало тру лоб и обвожу взглядом кабинет.

Я никогда не представляла себя в роли руководителя. Точно знала, еще до встречи с Артуром что это не мое. Исполнитель из меня хороший, а вот начальник аховый.

Но в моих руках детище Артура. Имею ли я право отказаться от ответственности? Тем более ближайшее время Агатов не сунется — еще не прошло положенного времени до вступления в наследство и окончательного переоформления документов. Но, как истинный делец, он будет действовать быстро, едва представится возможность.

Демьян вдруг поднимается с кресла и идет ко мне.

— Знаешь, у меня есть предложение, — опирается бедром на столешницу.

На голове опять бардак, а галстук ослаблен. Демьян отчаянно стремился к нарушению делового образа, и как же я его понимаю.

— Какое? — интересуюсь вяло.

Мне бы сейчас забраться под одеяло и притвориться, что все в порядке, и это не я носилась всю неделю как ужаленная в одно место.

Договоры, встречи, деловые беседы, выжимавшие из меня все соки. А еще Ястребовский. Он все время был рядом. И, надо признать, это было... приятно. Нет. Больше чем приятно. Я чувствовала, что не одна. Ну и очень хотела не упасть в грязь лицом. Но когда все закончилось... Оказалось, что сил у меня не осталось. Но Ястребовскому в который раз удается сделать невозможное.

— Гонконгские вафли, — улыбается хитро.

О, черт! От удивления дышать перестая — неужели Демьян помнит? Это же было тысячу лет назад... И упоминала я о них несколько раз всего.

— Пойдем, — продолжает искушать. — В самом деле, толку просиживать здесь? Все-таки выходные.

Вздыхаю... Я уже и не помню такого слова. Всю неделю работа в режиме нон-стоп. Как Артур мог получать от этого удовольствие? Хотя, о чем это я... Он любил свою работу до безумия.

— Ты в перерождение веришь?.. — бурчу, поднимаясь с места.

Демьян удивленно вздергивает брови.

— ...Потому что я, кажется, знаю, кто предлагал Адаму и Еве яблоко.

Ястребовский коротко хохотнул. Не наиграно или из вежливости, его действительно развеселила эта незатейливая шутка.

— Интересная гипотеза, — распахивает передо мной двери. — Уверен, те вафли, о которых я говорю гораздо вкуснее какого-то яблока.

— Ну, вообще то я знаю все ресторанички Питера...

Это лакомство — моя слабость. И я никогда не упускала возможность попробовать их и сравнить.

— Почти все, — опять хмыкает Демьян. — Пару дней назад открылся новый. Не смотри так — я случайно увидел. Ездил в торговый центр, а рядом с ним новое заведение.

Поднимаю ладони вверх.

— Ладно. Только мне нужно домой — переодеться. Встретимся там?

— Зачем? — изумляется Демьян. — Я же могу отвезти.

Возразить бы, что он вроде как не мой водитель, но молчу.

Присутствие Демьяна давно перестало причинять неудобства. Мне даже было в некоторой степени спокойно. Всем своим видом Ястребовский изучал уверенность. Поневоле я заряжалась ею и действовала намного смелее.

— Прошу, — Демьян шутливо распахивает передо мной дверь машины.

— Как любезно с вашей стороны, месье, — фыркаю, устраиваясь на сидении.

Демьян улыбается, довольно щурит глаза.

Сев за руль, срывает с себя измочаленный галстук и отбрасывает в сторону. А ведь ему тоже не нравятся костюмы...

— Может, ты тоже переоденешься, — предлагаю без задней мысли.

Мне достается быстрый и цепкий взгляд.

— Да, пожалуй. Еслипустишь меня ненадолго в ванную.

Жму плечами. Пусть пользуется.

— Можешь даже душ принять, если хочешь...

Ответить Демьян не успевает — у меня играет мобильник. Едва взглянув на экран, сердце начинает стучать сильнее. Ульяна!

В последнее время я начала пугаться. Вдруг с ребенком что-то не то? Теперь я не готова его потерять. Уже нет.

— Да? — поднимаю, а саму потряхивает от волнения.

— Привет!..

Вдох-выдох. Все хорошо... Я не слышу ни единой нотки напряжения в ее голосе.

— ... В эти выходные у дочки день рождения. Мне было бы приятно тебя видеть. Если хочешь, — добавляет торопливо. Можешь захватить с собой кого-нибудь...

Кошусь на Демьяна. Он наверняка слышал. Но делает вид, что сосредоточен на дороге.

— Мне будет очень приятно, — соглашаюсь тут же. — А подарок? Что она любит.

— Ой, да не надо никаких подарков! — смеется Ульяна. — Все, жду. Адрес скину вечером.

И отключается. А я с тоской смотрю на потухший экран. Это не честно!

— Мне тоже было бы неуютно заявиться на праздник без подарка, — читает мои мысли Ястребовский. — А сколько дочери Ульяны?

— Одиннадцать исполнится...

— Спорить готов, у нее есть страничка в соцсети.

— Ты гений! — чуть не подпрыгиваю от радости. — Посмотрим там и найдем подсказку.

Демьян смеется. А я быстренько ныряю в интернет. Фамилию и имя девочки я знаю — в досье видела. Так что проблем быть не должно.

Спустя час я довольная сижу в кафе, уплетая любимую сладость. Конечно, страничка

отыскалась. Более того, девочка подробно описывала свое хобби.

— Нужен магазин хедмейда, — слизываю крем с губ. — Поищем?

***

Демьян

Аленка смотрит на меня незамутненным взглядом, а я слова сказать не могу. Вроде неплохо держался, но когда она так сладко губки облизала... Такими флэшбеками накрыло — из-за стола встать стыдно теперь.

Ведь пробовал с ней все, что можно... Аленка хоть и неопытной была, но горячей до помутнения рассудка. От экспериментов не отказывалась, и очень быстро научилась оральным ласкам.

— Д-да, есть такой, — кашляю, пытаюсь скрыть хрипотцу в голосе. — Отвезти?

— А если я куплю то, что у нее есть? — волнуется Алена и опять облизывает губы.

Мысленно стону. Все это будет сложнее, чем я думал. Нихрена меня роль друга не устраивает. Хочу Алену. Прямо целиком бы сожрал... Но очень медленно. Чувственно. Я помню, как ей нравится. Все, до мелочей.

— ... Демьян? — взволнованный голос приводит в чувство.

Я моргаю, силясь скинуть наваждение. Бесполезно. Прав был немец — рано иди поздно меня все равно потянет к Алене, стоит только шелуху прошлого убрать.

— Поехали вместе выберем эти бусинки? — предлагаю вдруг. — Если что, вали все на меня.

Такого Алена не ожидала. Смотрит на меня удивленно, что-то прикидывает.

— Это не честно...

— Если предлагаю сам, то честно.

— Ну нет, — встряхивает пшеничными локонами. Че-е-ерт... Как же хочется их снова длинными видеть! — Нельзя свои косяки на других списывать... — о, в этом ты офигеть как права, девочка, — Пойдешь со мной!

— Согласен, — произношу быстрее, чем успеваю подумать.

Аленка довольно улыбается. А я прикидываю, как бы не попасть в поле зрения Агатова и Оболенского. Первый далеко не дурак, может уже и заподозрил, что его никто просто так к фирме не пустит, а второй... С отцом Юлии сложнее.

Звонил на днях, недовольный. Дочь ему про ссору наплела. И душно ей, и скучно, и вообще поступать она думает — хочет образование.

Последнее, конечно, Оболенского обрадовало, а вот намеки на желание вернуться к холостой жизни вызвали категоричное «нет».

Одно хорошо — я убедился, что Юлия не лжет. С ее характером будет переть как танк, да и я в стороне стоять не собираюсь.

Аленка доедает свой десерт. И куда только влезло? Но выглядит довольной, улыбается... А в глазах предвкушение выбора подарка. Ее тема... Алена любит всякие красивые штучки.

Делаю мысленную пометку выбрать ей красивую фарфоровую фигурку к ближайшему празднику.

— Пойдем? — встаю из-за стола. — Бусики сами себя не купят.

— Бусинки, — поправляет строго. — Для ловцов снов.

Да без разницы. Аленка перестала от меня шараться — это главное. А с остальным разберемся. Даже с Агатовым.

***

Развлекательный центр встречает нас криками и смехом. Дети носятся, как маленькие ураганчики. А я вдруг пугаюсь, что они могут задеть или сбить Ульяну с ног.

Коробка в руках жалобно хрустит.

Спохватываюсь и разжимаю пальцы. Уже ведь видно, что Ульяна беременна. Джинсовое платье подчеркивает слегка округлившийся животик. И чем больше он становится, тем сильнее мое беспокойство.

Женщина спешит к нам, ловко огибая детвору.

Она действительно рада нас видеть. Улыбается мне и Демьяну.

— Ох, не стоило, — кивает на коробку.

— Очень надеюсь, что твоей дочке понравится...

Договорить не успеваю — рядом появляется виновница торжества.

— Ой, это мне?

Глаза девочки блестят восторгом. По всему видно — не часто ей устраивают такие праздники.

— Для твоего любимого хобби, — усмехается Демьян. — Ты ведь любишь ловцов снов, верно?

— Ура!

Дарина тянет ручки к коробке, и я с удовольствием ее вручаю. Девочка с визгом уносится к своим друзьям, а Ульяна ведет нас к другим мамам и папам.

Наверное, я бы чувствовала себя неловко, но Демьян быстро взял на себя роль ведущего в разговоре, давая мне время освоиться.

Так мило с его стороны... Я искоса взглянул на мужчину, что непринужденно болтал с молодыми родителями. И как же естественно выглядел! Словно разговоры о садиках, детских увлечениях или болезнях было именно то, в чем он разбирался.

— Мы с Лешенькой еще четвертого хотим, — откровенничала одна из мамочек. — Очень детей любим. Вот решились открыть частный детский сад...

— Яна у меня самая лучшая воспитательница, — смеется двухметровый Лешенька, подгребая жену ближе. — Я-то у родителей один был... Очень брата или сестры не хватало...

— Я тоже один в семье, — кивает Демьян. — Довольствовался друзьями и подругами. В деревне для детей раздолье. Особенно летом, — и взгляд в мою сторону.

Озорной такой, хитрый.

Давлюсь воздухом. Только бы он не начал вспоминать, как я от коров удирала или плавать училась. Стыдоба!

В глазах Ястребовского вспыхивают огоньки. Он тоже помнит.

— Да, летом на природе хорошо! — тянет другая мамочка. — У моего дедушки дача была... Так мы и картошку на углях жарили, и рыбу ловили... Никогда я больше такой рыбы не ела!

Родители с жаром принимаются обсуждать меню их детства, проведенного на дачах или в деревнях.

Сама не замечаю, как подключаюсь к беседе.

— Самое вкусное — земляника с молоком, — вздыхаю мечтательно. — У нас такая крупная земляника росла...

— Не знаю, где можно найти терпения, чтобы ее собрать, — ворчливо отзывается

Демьян. — У меня и трети не набиралось, а ты уже с полной тарой.

— Есть надо меньше, — смеюсь в ответ.

Нас поддерживают дружным хохотом.

Вокруг носятся дети, которым не слишком то и требуется внимание взрослых. Ульяна сидит рядом и наглаживает живот. Ее огромные глаза особенно выразительны и красивы. А меня вдруг окутывает давно позабытым умиротворением.

Скоро появится моя с Артуром дочь. И пусть мужа нет больше рядом, но будет жить его продолжение. Ради этого и стоит бороться за фирму. Любой ценой.

— Аленка, — выводит из задумчивости голос Демьяна.

— М-м-м? — тяну, и понимаю, что мне приятно слышать, как мягко и низко Демьян его произносит. Совсем как в прошлом.

— Я тут вот о чем подумал... А давай встретим новый год вместе? Как думаешь?

Резко вздыхаю, но готовое сорваться «нет», мистически образом трансформируется в:

— Я подумаю.

Вот же! С осуждением смотрю на Демьяна, но он доволен. Кажется, у меня только что появились планы на праздники.

В канун Нового года Питер особенно красив.

Мне нравилось гулять по городским улочкам вечером, любясь зимними нарядами и заснеженной Невой.

А Новый год мы с мужем всегда отмечали в отеле. Артур снимал дорожный номер, в котором мы проводили несколько дней. Не мог муж праздновать дома.

Опять возвращался в прошлое, когда вместе с первой женой и сыном наряжал елку и помогал готовить праздничный стол. С тех пор всякие совместные ритуалы — украшение дома или возня на кухне не приносили ему удовольствия.

Я не обижалась. Сама не хотела делать из этого праздника нечто особенное, ведь мыслями тянулась к бабушке, которой не стало в первый год моего супружества, тогда еще фиктивного.

— Нужно будет к ней съездить, — выдыхаю облачко пара.

Утро тридцать первого декабря началось у меня не слишком радостно. Я решила навестить Артура.

Демьян стоит за спиной. Чувствую его внимательный взгляд.

— Ее похоронили на нашем кладбище?

Киваю. А где же еще? Там и дедушкина могилка... Он умер совсем рано. Когда папа был еще студентом и встречался с мамой.

По нервам цапает легкое напряжение и тут же отпускает.

Я давно с ней не общаюсь и не горю желанием. Бабушка всегда недолюбливала невестку. Считала, что она моего отца в могилу загнала, довела до инфаркта.

Когда-то я на это обижалась. А сейчас понимаю — да, могла.

Мать у меня — очень специфический человек. И как же хорошо, что я выросла без комплекса «родной крови». Она меня бросила. В первый год еще хотя бы приезжала, редко, а потом даже не звонила. Очухалась, когда на моем пальце кольцо обручальное блеснуло. Но совсем не из-за проснувшегося чувства вины.

Мама хотела финансов. А я хотела спросить, какого черта любящая родительница закрывала глаза на побои и унижения, достававшиеся мне от отца.

Конструктивного диалога не получилось. Артур потом просто выдернул телефон из моих рук и емко, но очень содержательно объяснил, что деньгами распоряжается он и давать их не намерен.

Больше мама не звонила. Ну и ладно.

— Пойдем, — разворачиваюсь к Демьяну. — Ты точно уверен, что не хочешь в Москву?

Ястребовский шурится.

В строгом черном пальто и полосатом шарфе он выглядит чертовски стильно. Мужественно.

— Я похож на идиота?

Хмыкаю, поправляя воротник.

— На примерного семьянина.

Демьян раздраженно морщится.

— Надеюсь, это шутка.

Приходится сделать безразличный вид. Последнее время Демьян злится, когда я

упоминаю Юлию Оболенскую. Ничего не могу с собой поделаться — все равно дразню.

Ястребовский терпит, как сейчас.

— Давай съездим в поселок? — предлагаю, едва устраиваясь на сидении. — Хочу забрать несколько вещей.

Я изредка навещаю наш с Артуром дом. Но чувствую себя там неудобно, как-то потеряно. Порядок поддерживает клининговая компания, а я появляюсь время от времени, но ночевать не остаюсь.

Разглядываю зимние пейзажи за окном.

Красиво!

Мобильник тренькает — Ульяна шлет фото. Она с дочкой готовят что-то вкусное.

«Приезжай, будем рады», — гласит подпись.

— Ульяна? — безошибочно угадывает Демьян.

— Да, на ужин приглашает...

— А поехали! Это же, все-таки, семейный праздник. Встретишь с дочкой.

Испытывающее смотрю на мужчину. Мне показалось, или последнее слово он произнес с особой интонацией?

— А ты хочешь?

— Конечно. А помнишь, как я постоянно к вам напрашивался?

На секунду теряюсь. Не ожидала, что Демьян вспомнить прошлое. Для него это больно.

— Помню, — отвечаю осторожно.

— Всегда хотелось хоть подобия нормальности.

Верю. Демьян тосковал по семье, как любой ребенок. Ему хотелось любви, а не пьяной ругани и пренебрежения.

— Это обычное желание ребенка. — поддерживаю максимально корректно. — И знаешь — очень здорово, что ты вырос другим. То есть, я не хочу оскорбить твоих родителей...

Но Демьян хмыкает.

— Не стоит, Алён. Мне было больно, но ни любви, ни злости я к ним больше не испытываю. Знаешь, психотерапевт — это действительно хорошая идея. Хотя на первом сеансе подумал, что разнесу кабинет к чертовой матери.

Теперь и я смеюсь:

— Да уж. Генрих Вольфович — профессионал. Артур познакомился с ним, когда пытался прийти в себя после несчастного ДТП.

Замолкаю, смущенная собственной откровенностью. Но Демьян, кажется, не замечает моей неловкости.

— А с тобой как познакомился?

— Генрих Вольфович?

— Нет.

Что ж, наивно было полагать, что Демьян не спросит. Только зачем ему?

— Помнишь, коттеджный поселок, что начали строить недалеко от нашей деревни? Артур купил там дом. Заблудился однажды и вышел к деревне. Я его фактически в лесу встретила, — улыбнулась, вспоминая первые минуты нашего знакомства. — Потом он признался, что принял меня за галлюцинацию.

— Почему?

А я опять смущаюсь.

«— Представляешь, разлепляю глаза — а передо мной нимфа стоит. Золотоволосая, красивая... Я даже растерялся!»

— Не ожидал встретить, — мямлю первое, что в голову пришло.

— Думаю, не ожидал встретить молодую и очень красивую девушку.

Краснею. Вот зачем он так? Нет, надо сворачивать с этой опасной дорожки.

— Может быть. Итогом стало наше знакомство. Я его к бабуле проводила, отдохнуть, отогреться. А потом как-то общение пошло. Стала работать в его доме. Готовила, убирала... Ну а потом Артур предложение сделал.

Чувствую, как Демьян напрягается. Бросает на меня тягучий и очень внимательный взгляд, поджимает губы.

— Ты была счастлива с ним?

Вопрос застаёт врасплох. В голове проносится калейдоскоп мыслей, но вместо короткого «Да», с губ срывается.

— Он меня спас.

Демьян шумно выдыхает. Сильные пальцы сжимаются на руле до побелевших костяшек.

— Я рад... Рад, что тебе встретился хороший и порядочный человек. Жаль только, что...

Замолкает. А я не настаиваю. Прошлого не изменить. Нужно двигаться дальше, отпустив или приняв последствия.

Наши отношения с Демьяном были обречены изначально. И упрекать в этом некого.

— Как же мы к Ульяне без подарка? — вздыхаю, оглядываясь на проплывающие мимо магазины. — Давай хоть цветов купим, что ли?

Демьян кивает и сворачивает в сторону ближайшего супермаркета. Там мы находим очень симпатичный букет, книги и сладкий подарок для Даринки.

Приезжаем вовремя — не слишком поздно, но и не рано.

На уже ждут. И это так здорово.

***

Демьян

Когда в семье любят и любимы — это сразу чувствуется. Уж я-то знаю, слишком сильным был контраст между моим и Аленкиным домом.

Мне нравилось сидеть на диване, перебирая вишню или изюм, в то время как Аленка с бабушкой колдовали у плиты.

В обычной предпраздничной суеде было нечто особенное. Волшебное. Как сейчас.

— Дядя Демьян! — звенит над ухом серебряный колокольчик. — Хочешь, я тебе нового ловца снов покажу?

Даринка лукаво улыбается, блестит светло-серым глазищем. У нее очень необычная внешность, собравшая в себе лучшие черты славянского и тюркских народов. Иссиня-черные волосы, фарфоровая кожа и необычный разрез век. Даже я, далекий от всяких там парадов красоты и фотосессий понимаю — ей бы в модели идти.

Ульяна провожает нас добродушно-внимательным взглядом и возвращается к беседе с Аленой. Та ловко сервирует стол для ужина. По телевизору фоном какой-то там новогодний фильм. Ульяна наглаживает живот, а Аленка улыбается, трогая его и восторгаясь пинками дочери.

— Скорее бы мама уже родила, — вздыхает Даринка, припуская меня в просторную и светлую детскую. — А вы ребеночка заберете?

Мысленно вздыхаю. Девочка очень непосредственна, но это немного смущает —

подобрать бы правильные слова!

— Заберем, но через некоторое время, я думаю, ты сможешь его навестить.

Девочка вздыхает.

— Я бы очень хотела сестренку или братика! А почему ребеночек не в животе у тети Лены?

Ох, блин! Лучше бы я остался в гостиной!

— Иногда так, э-э-э, бывает. Не у всех получается справиться самим и приходится просить помощи.

Пока слова подбирал, семь потов сошло! Даринка задумчиво хмурит брови.

— Моя мама такая, да... Всем помогает, — и вдруг снова хмурится. — Иногда совсем зря! Я бы вот тете Тасе не помогала!

Уф, ладно. Тетя Ася или Тася — без разницы, главное, увести разговор с щекотливой темы.

— А кто она?

— Она маму вырастила. А теперь звонит иногда, говорит, надо вернуться. Еще денег просит... Сейчас чаще звонить стала. А я бы ни за что не вернулась. Дядя Гена мерзкий. Бу-э-э, — высунула язык.

Про Геннадия я немного наслышан. Это бывший муж Ульяны. Типичный мамин сыночка и урод, от которого Ульяна сбежала.

— Твоя мама точно к нему не вернется, — улыбаюсь и показываю на висевшего на стене ловца. — Очень красиво.

Малышка сразу оживляется.

— Я назвала его «Лесное чудо». Правда подходит? Сейчас расскажу, вот у меня схема какая...

И, схватив со стола папку, садится на пушистый ковер.

— ...Смотри, — манит меня рукой, — Самое трудное — вот здесь, — тычет пальчиком в картинку.

Внимательно слушаю объяснения. Даже увлекаюсь. С Даринкой легко. Она бесхитростная и добрая. Просто потрясающе, как при таком тяжелом детстве, она смогла остаться милым ребенком. Все это заслуга Ульяны... И Аленка, я уверне, станет такой же заботливой матерью.

Я вижу, с какой нежностью она поглядывает на живот Ульяны. Боится, правда, немного. Но это понятно.

И еще не знает, что я хрен отстану. Ей наверняка понадобится помощь с младенцем. А я очень даже готов буду ее предоставить.

— Демьян, — звучит тихо.

Оборачиваюсь и вижу Аленку. На ее губах улыбка, а взгляд проникновенный и очень приятный.

***

Демьян поднимается на ноги.

Как будто с обложки модного журнала сошел: в стильных светлых джинсах, а торс скрывает новогодний красно-белый свитер. Но это все обертка. Его лицо — вот что действительно прекрасно.

Глаза будто светятся изнутри мягким теплом, а на губах блуждает улыбка.

В отличие от некоторых мужчин он не тяготился общением с ребенком. Я наблюдала за

ними недолго, но и этого времени хватило, чтобы понять — Демьян не играет. Не делает над собой усилий, чтобы понравиться Даринке, а просто общается — и девочке это нравится.

Внутри приятно екает.

И вдруг мелькает совершенно дурацкая мысль — а ведь Демьян мог бы понравиться и моему ребенку, если бы мы...

Быстро отметаю ее в сторону. Никаких «мы». Он, может, хочет своих детей, а я не уверена, что еще раз смогу решиться на суррогатное материнство. По крайней мере, не сейчас... Боже, о чем я думаю?!

— Надеюсь, нас приглашают к столу? — лукаво улыбается Демьян.

А у меня коленки слабеют.

— Куда же еще, — возвращаю улыбку, но выходит немного нервно. — Мамонт добыт, приготовлен и ждет охотника.

— Й-е-е-е!

Даринка вскакивает и несется к столу.

Я следую за ней. А рядом Демьян.

Почти семья — опять мелькает в голове. Но на этот раз я почему-то не тороплюсь гнать прочь эту мысль.

Демьян

— Демьян, я не понял... Вы когда мне сообщить собирались?!

Визг Оболенского звучит на всю квартиру. Морщусь, отстраняя телефон от уха. Алена заинтересованно вскидывает бровь, но молчит. А на ее личики ни тени досады или обиды. Хороший знак... После Нового Года, проведенного вместе, она вообще очень поменялась. Стала охотнее идти на контакт.

— Сообщить что именно?

— Моя дочь беременна!..

Вот не пойму, рад Оболенский или готов мне шею свернуть?

— ...А ты в Питере прохлаждаешься! Живо в Москву!

— Я вам не комнатная собачка...

Аленка прикусывает губы и опускает носик в кружку, притворяясь, что ее интересует чай. Оболенский грязно ругается. Я жду, пока словесный понос иссякнет и добиваю контрольным.

— ... Да и вообще, Питер — чудесный город. Неплохо было бы сюда переехать.

На что следует очередная порция ругани.

— Ты забываешься, щенок! Да я тебя...

— Делайте, что хотите. Мы с Юлией сами разберемся, где жить и что делать. А вы пока остыньте. Внуку нервный дед ни к чему.

И сбрасываю звонок.

— ...Извини, — а это уже Алене. — Я сейчас...

Набираю Юлию — новый номер, который знаю только я и, как только слышу усталое «Ну?», выдаю претензию:

— Какого хрена?

Юлия сопит в трубку. Спала, наверное. Только и делает, что ест или дремлет. Совсем в себя ушла. Но довольная. Я ее видел недавно. Она уже мыслями там, в будущем материнстве. Даже взгляд изменился, стал мягче. Говорит, живет в своей квартире, о которой отец не знает. Время от времени мы светимся на людях, отыгрывая пару. Конечно, без поцелуев и всего прочего. Просто чтобы Тимуркины прихвостни в своих докладах нужную инфу выдавали.

— Позвонил все-таки? — выдыхает, наконец. — Вчера еще предупредить хотела, но вылетело из головы. Живот уже не скроешь, пришлось сознаться. Верит, что ребенок наш, — хихикает. — Но любой намек на развод воспринимает в штыки.

— Значит, через суд.

— Он тебя с голым задом оставит.

— Мне все равно.

— Смотри сам, — тянет равнодушно. — Но мое предложение в силе, прикрытие лишним не будет, да и полная семья — это хорошо.

— Даже без любви?

В трубке раздается насмешливое фырканье.

— Любовь — та еще задница. Нет, спасибо. Налюбилась я досыта. Больше никаких чувств. Только к сыну... А насчет папы не беспокойся. Придумаю что-нибудь. Побесится и

перестанет.

Юлия сбрасывает звонок и в кухне воцаряется тишина.

Алена не торопится закидывать меня вопросами, да я и не настаиваю. Просто хотел показать, что все серьезно.

— Какой-то бразильский сериал, — вздыхает, наконец.

Интуитивно понимаю, что она сейчас не только Юлию имеет ввиду. Но все равно чувствую себя, как на минном поле.

— Жизнь вообще очень странная штука, — отвечаю максимально осторожно.

Отношения с Аленкой только в равновесие пришли. Я успел стать частым гостем на этой кухне. Это было охренеть как здорово. И так же тяжело.

С тоской посмотрел на Аленку, которая выглядела полностью расслабленной. Она совершенно успокоилась и, кажется, вообще не думала о чем-то большем, чем дружеское общение.

А я старательно давил в себе желание схватить Аленку за плечи и опрокинуть вот на кухонный стол, чтобы...

— Так ты действительно надумал разводиться?

— Да, — отвечаю сию же секунду. — У нас не брак был, а сплошной обман.

Аленка соблазнительно прикусывает губу, а я волком вою. Мысленно. И вставать мне сейчас никак нельзя. От воздержания уже крыша едет.

— А ты не боишься, что, эм-м-м, настоящий отец все поймет? Не удивлюсь, если за тобой тоже приглядывают.

— Пусть приглядывают, — жму плечами. — Это даже хорошо. Есть повод для развода.

***

Слушаю и сама удивляюсь собственному спокойствию.

Еще летом этот разговор вывел бы меня на эмоции, а сейчас ничего.

Желания упрекнуть Демьяна во вранье тоже нет. Он действительно вознамерился порвать с женой. Не знаю, как будет выкручиваться с Оболенским, но...

— Не хочу, чтобы у тебя были неприятности, — отставляю чашку. — Оболенский вроде притих, но сдастся мне — это ненадолго.

Демьян кивает.

— Ему Агатов палки в колеса ставить начал. Пусть грызутся. Хоть какая-то польза.

Виски неприятно колет. Мне все эти подковерные игрища костью в горле. Артур, помнится, с удовольствием в подобные авантюры ввязывался — обхитрить, обойти, прижать. А я... Плохой из меня интриган, в общем.

— А что по Вале слышно? — нехотя продолжаю неприятную тему. — Все еще в поисках работы?

Сразу после Нового года я ее уволила. Для этой стервы специально подстава была организована. Агатов не должен заподозрить, что Валюшу пасли.

С каким же удовольствием я указала на дверь. И плевать было на ее рыдания в стиле «не виноватая я».

— Ищет, а как же, — усмехнулся Демьян. — Не может смириться, что ее уровень теперь это обслуживающий персонал. Еще и любовничек бросил. На кой она ему сдалась без доступа к служебной информации.

— Сама виновата, — я встаю из-за стола и отношу кружку в раковину. — Витко опять забегал. В марте приезжают потенциальные заказчики. Из ОАЭ.

Демьян хмурится, прикидывает в уме даты.

— Но ведь Ульяне примерно в это же время рожать.

— Точно.

И это пугает до колик! Не сами роды, а то, что Агатов наверняка готовит очередной выпад против фирмы Артура.

Демьян кивает в тон моих невеселых мыслей.

— Он не упустит возможность. И должен снова объявиться.

И если бы я знала, насколько это будет быстро.

Демьян

Опершись на бампер авто, смотрю как Юлия выкатывается на стоянку.

Беременность определенно идет ей. На пухлых губах улыбка, рукой то и дело оглаживает аккуратный животик. Его еще можно скрыть под курткой, но едва-едва. Юлия скрывать ничего не собирается, но мне все равно.

Перед глазами другая картина — Аленку вижу. Такую же счастливую, кругленькую. От желания видеть ее беременную нашим ребенком кроет по-взрослому. По венам растекается сладкая отравка похоти, но она не может выгравить из сердца тоску.

Алена совершенно точно не желает прыгать ко мне в руки. Я добился оттепели в наших отношениях, но на этом забуксовал.

— Что, даже не обнимешь? — фыркает Юлия, подходя ближе.

Странно видеть ее без макияжа и вечных каблуков. Никак не привыкну.

— Привет, — обнимаю без охоты.

Юлия тоже делает вид. И сразу же отстраняется.

— Давно хотела сказать: твой парфюм ужасен.

— В таком случае будем жить по разным квартирам.

— Именно, — сдувает с лица прядку, выбившуюся из пучка. — Отец весь мозг выел, так что придется в Питере побыть пару месяцев, — морщится. — Не хочу. В Москве у меня и врач хороший...

Мы садимся в машину.

— ...А ты как? — интересуется Юлия, но без энтузиазма.

— Думаю переехать в Питер, как все закончится.

Юлия жмет плечами. Ей плевать. И на меня, и на все вокруг. Только ребенок интересует. На эту тему она может говорить хоть целый день. Или молчать, но при этом исследуя просторы интернета на соответствующую тематику.

Вот и сейчас Юлия лезет в мобильник.

— Папа последнее время нервный, — бросает рассеяно. — Его наверняка отодвинут в сторону от этой твоей фирмы.

— Спасибо.

Юлия исправно мне докладывает любую информацию, которая может пригодиться. В принципе, у нас получилась неплохая команда, но жалеть о расставании не буду.

Всю дорогу молчим. Юлия просматривает возможные интерьеры детской. Прямо светится вся, увлеклась.

Н-да... Ее Тимурку можно в утиль списывать. Юлия теперь на сыне сосредоточится, его любить будет, а господин Юсупов свое счастье прощелкал.

Как будто угадав мои мысли, Юлия вновь подает голос.

— Мне недавно с незнакомого номера звонили... Опять. Я не подняла.

Киваю, не отрывая взгляда от дороги.

Юсупов обо всем доложили, конечно. Вот тогда и начались эти звонки. Не понимаю, чего он добивается. Мне хватило кратких рассказов Юлии, чтобы охренеть в самый край. Он по девушке, можно сказать, катком прошелся. Все там было — и соблазнение, и унижение, и подставы... Возможно, о чем-то Юлия и врала. Или нет. В любом случае, Март тоже

подтвердил — Тимурка тот еще отморозок.

А значит есть шанс, что звонки превратятся во встречи.

Кажется, Юлия думает о том же.

— Рожать здесь не буду. Присмотрела клинику в ОАЭ. Наверное, там и останусь. Надоела эта слякоть, — кивает на серый пейзаж. — Выучусь, как следует. Может, даже работу найду.

Мне остается только мысленно присвистнуть.

— Серьезно ты к вопросу подошла.

Ответом мне стал невеселый смех.

— Юсупов никогда так не настырничал. Это я, — прищелкивает пальцами, — по первой команде к нему летела. Хватит. Не могу больше...

Да уж... Если женщину довести, то и отдача может замучить.

— ... На алименты отказ напишу, — выдает вдруг. — Потом, когда все успокоится, с отцовством вопрос обговорим. Не думай, что я на тебя ребенка собралась вешать.

Даже кашляю от неожиданности.

— И не думал. Seriously.

Почему-то этот вопрос меня совсем не волновал. Может из-за откровенного стремления Юлии к независимости. Или ее внезапной честности.

И вновь воцаряется тишина. Так же молча мы поднимаемся в квартиру. Юлия сразу же ушла в спальню и затихла. Некоторое время нам придется пожить вместе.

Уже намереваюсь сесть за ноут, как звонит мобильный. Алена. Поднимаю без раздумий.

— Демьян, нужно встретится, — звучит ее напряженный голос. — Агатов снова объявился.

***

Вцепившись в кружку, я снова и снова читаю предоставленный мне документ. Рядом кряхтит Витко. Он свое мнение уже высказал и от этого тошно, хоть вой.

— И что, совсем никаких шансов? — переспрашиваю, будто это может помочь улучшить ситуацию.

— Шансы есть всегда, — Арнольд Денисович трет выбритый до синевы подбородок. — Но нас обойдут, задн... эм, нутром чую.

Да, Агатов сможет.

За короткое время знакомства я успела понять, насколько это хваткий и опасный человек. Вот и сейчас он вроде бы протягивала руку помощи, но во второй держал нож. И что-то мне подсказывало, Агатов не будет сильно терзаться, если я откажусь от его «мирного плана» по разделу фирмы.

— Постарайтесь, чтобы не обошли, — бормочу, возвращаясь к чтению документа. — Собери завтра всех на совещание.

Витко кивает.

— Но вы бы подумали, Елена Николаевна, — добавляет осторожно. — Условия неплохие.

— Елена Николаевна, — оживает селектор. — К вам Демьян Викторович.

— Впусти, — произношу, стараясь скрыть радость.

Так хорошо, что он не отказался приехать! Рядом с ним и умные мысли приходят чаще. Дверь распахивается, пропуская в кабинет мужчину.

Демьян все чаще теперь появляется без костюма. И ему чертовски сильно идут джинсы и свитера крупной вязки. Отвожу взгляд, пытаюсь вновь сосредоточиться на документе.

— Арнольд Денисович, — здороваюсь Демьян и идет прямиком ко мне.

Витко, пробормотав что-то о делах, тут же исчезает.

Провожая мужчину задумчивым взглядом.

— Что случилось? — хмурится Демьян и тоже вслед Витко смотрит.

— Почему он постоянно уходит, когда мы с тобой разговариваем? Я уже давно заметила....

Демьян сдавленно кашляет, ерошит волосы.

— Арнольд Денисович никак с Агатовым не связан, если ты это имеешь в виду. Я проверил.

Удивленно вздергиваю брови. Ну да, в последнее время я и сама себе параноика напоминаю. Конечно, речь про Витко и... Погодите-ка!

Дурацкая краснота печет щеки.

Да нет, не может Арнольд Денисович играть в сводника! Это не в его стиле.

В голове карусель вопросов, но, чтобы не выглядеть последней душой, я спешу подтолкнуть к Демьяну папку с распечатками.

— Агатов на мою почту прислал. Предлагает добровольно выкинуть белый флаг, — усмехаюсь мрачно.

Конечно, выражался он весьма завуалированно, пытался мимикрировать под предложение о сотрудничестве, расписывая вкусные условия, но суть от этого не менялась. Агатов хотел оттяпать кусок от пакета акций. Но, зная подобный типаж, я готова была спорить — это только начало.

— Ну и наглец, — со злостью и восхищением тянет Демьян. — Прямо сволочь мирового масштаба.

— Всего лишь бизнесмен, — устало трут виски. — Посмотри, как быстро он выбрался из своей Германии. У него же там фирма, все дела. И вдруг хоп — прямо на похороны заявился.

Демьян кивает.

— Наверняка он следил за деятельностью бывшего друга. К тому же, некоторое время Бесст... кхм, Артур Романович провел в больнице. В прессе это мусолили. В Сети тоже найти легко.

— И компромата на Агатова не так, чтобы очень, — вздыхаю тяжело.

Никаких особенных скандалов, ну кроме несостоявшейся интрижки с первой женой Артура — Софией.

— Но есть не слишком законопослушный племянник, — возражает Демьян.

— Ну и что? Это же не повод для скандала... Господи, — прикрываю глаза. — А ведь он еще не действует в полную силу...

Вздрагиваю, когда запястья касаются мужские пальцы. Демьян накрывает своей ладонью, а меня в жар бросает. Только этого не хватало! Но я не шевелюсь. Дышу — и то через раз.

— Мы обязательно найдем, чем его прижать, Алена. Вот увидишь.

От бархатного тембра по коже бегут мурашки. Я бросаю на Демьяна быстрый взгляд и прикусываю губу. Соберись, тряпка! Нужно думать о будущем, а не проваливаться в прошлое.

— Я тебе и так должна по самое не могу, — стараюсь не запинаться, но выходит плохо.

— Ничего не должна. Тем более мне продолжают поступать деньги.

Ох, а вот последняя фраза звучит с нажимом.

Демьян очень недоволен тем, что я плачу за его услуги по части безопасности и ПО. Недавно мы опять повздорили.

Но я больше не могу позволить себе быть зависимой от Ястребовского! Ни в чувствах, ни каким-либо иным образом.

Набираю в грудь воздуха, чтобы возразить, но меня затыкает трель мобильного. Хватаюсь за него, как за спасительную соломинку.

— Привет, Ульяна! А... Что?!

Подскакиваю на ноги.

А по спине холодный пот градом — в больницу положили! На сохранение!

Не разбираю, что она говорит. От страха колотит всю, а перед глазами снова тот жуткий кабинет, с белым кафелем.

— ... небольшое раскрытие...

Еще и раскрытие!

Пол под ногами качнулся, но упасть не дала крепкая хватка за талию. Демьян...

— Все будет хорошо, — выговариваю почти по слогам. — Я сейчас приеду.

— Отвезу тебя, — это уже Демьян.

Спорить с ним не решаюсь. Мне сейчас жизненно необходимо его присутствие.

Демьян

Аленка вцепилась в мою руку, что еще немного — и пальцы себе сломает. Или меня насквозь проткнет.

Лучше последнее, конечно. Успокаивающе поглаживаю ее запястье. Ледяное совсем!

— ...Явной угрозы нет, — осторожно подбирает слова доктор. — Но скорее всего будем ставить пессарий (прим. автора — медицинское изделие, которое используют в том числе и для избежание преждевременных родов).

— С ней точно все в порядке? — Алена никак не желает отпускать доктора. — Нужны какие-нибудь лекарства? Специальные процедуры? Почему это произошло? Все анализы были в норме...

— Точно никто не скажет, — доктор жмет плечами. В поблекших от старости глазах читается понимание и сочувствие. — Но переживать рано. Случай Ульяны Валерьевны не самый тяжелый. К нам доставляют с куда большими проблемами. И в итоге беременность удается сохранить. Тем более пошла тридцать вторая неделя. Последнее УЗИ показало, что ваша девочка хорошо набрала вес.

Аленка глубоко вздыхает и пытается улыбнуться.

Тихонько перехватываю ее за талию и тяну ближе.

Не сопротивляется, сама льнет. Ее мелко потряхивает — теперь я это чувствую.

— Все будет хорошо, — пытаюсь успокоить хотя бы так банально.

Не слышит. Или не обращает внимания.

— Можно ее увидеть? — спрашивает у доктора и тот кивает.

Аленка слегка оборачивается ко мне.

— Пойдем?

Черт, конечно! Я и сам ломал голову, как напроситься.

Нас приводят в отличную одноместную палату. Ручаться готов, договором Ульяне было определено все самое лучшее. Так оно и есть.

Женщина встречает нас слегка рассеянной улыбкой, но бледность лица и слегка нервные движения выдают ее страх.

— Ульяна! — Аленка моментально оказывается рядом, присаживается на краешек больничной койки. — Доктор говорит, что все хорошо будет, не переживай!

А сама такая же бледная.

Я тоже подхожу ближе.

— Моя мать до конца беременности с угрозой проходила. В больницу ехать отказывалась. И ничего, до положенного срока доносила.

Сколько я от нее наслушался о том, что лучше бы выкидыш случился — уточнять не стал.

Улыбка женщины стала чуточку веселее.

— Это я виновата, — призналась неожиданно. Прикусила губу, чуть нахмурилась, а потом как выдаст: — Мой бывший объявился.

Аленка ахнула.

— Отец Даринки?!

— Нет. В смысле — бывший муж. Видно, кто-то ему донес про то, что с финансами у

меня теперь получше будет. Даже примерно догадываюсь, кто именно. Тетка моя. Все никак не успокоится, — поморщилась, будто от зубной боли. — В общем, этот козел меня около подъезда и подкараулил. Начал вроде бы нормально — привет, как дела... А потом из него опять дерьмо полезло. Понял, что деньгами не разжиться.

Аленка возмущенно охнула, да и я кулаки сжал. Та-а-ак, надо будет с Арсом снова побеседовать, пусть и за Ульяной приглядит.

— Я его за решетку упеку, — сквозь зубы процедила моя валькирия.

Но Ульяна только головой покачала.

— За что? Он меня не бил, постеснялся перед камерами, — ухмыльнулась невесело. — Так, нервы потрепал. А я, дура, и повелась. Залетела домой, и, по привычке, за уборку принялась, чтобы в себя прийти. Идиотка... Не следовало с этой мразью и секунды проводить!..

Женщина тяжело вздохнула и разгладила мягкое одеяло.

— ...Прости, подвела тебя, — посмотрела на Алену.

— Да ну что за глупости! Ты вообще ни в чем не виновата. А о бывшем не беспокойся, больше он к тебе на пушечный выстрел не подойдет, уж я позабочусь, — добавила кровожадно.

Ульяна прыснула в ладошки.

— Ох, подвела мужика под монастырь. Да так ему и надо. Вот тут он, со своей мамашей, — показала на горло.

За спиной послышалось шуршание и в палату впорхнула молоденькая медсестричка.

— Ульяна Валерьевна, пора ставить капельницу, — пропела, сияя мягкой улыбкой. — Посторонних попрошу на выход, — взглянула строго.

Аленка почему-то перестала улыбаться и стрельнула взглядом в мою сторону.

Никак ревнует? Едва дурацкую улыбку сдержать успел. Нет, глупости. Аленка ни за что не подойдет ко мне женатому. Да и потом тоже... Но не могло же мне показаться?

Вновь смотрю на Алену, но она уже привычно собрана и спокойна.

— Постарайся хорошенько отдохнуть, — мягко улыбается Ульяне. — Сразу звони, если что-то понадобится.

И выходит из палаты.

Я следом.

А в голове мысли невеселые... Не вовремя все это! Агатов может воспользоваться подвернувшейся ситуацией. У таких ведь ничего святого, успел повидать.

Кажется, Аленка думает о том же.

— Надо еще раз с Арсом переговорить, — тянет задумчиво. — Наверняка Агатов скоро узнает, где Ульяна.

— Прямо сейчас и поговорим.

Но набрать безопасника не успеваю — телефон Алены опять дает о себе знать. На этот раз Витко. Алена удивлена и даже не пытается это скрыть.

— Да, Арнольд Денисович... Что?! В каком смысле — перенесли?

***

Пришла беда — отворяй ворота.

Нервно расхаживаю по комнате, пытаюсь сосредоточиться на предстоящем вечере. Ни черта не выходит!

— Все равно придется действовать по обстоятельствам, — звучит голос здравого

смысла.

То есть, Демьяна.

Как будто я этого не знаю! И вот надо же было сдвинуть встречу! Представители из ОАЭ какого-то черта решили прибыть раньше, насладиться культурными красотами. Заодно решить некоторые вопросы раньше запланированного.

Тяжело вздыхаю и поглядываю на часы — скоро ехать.

— Кстати, ты замечательно выглядишь, — вновь подает голос Демьян.

Пытаюсь улыбнуться, но выходит с трудом. Внешний вид меня интересует в последнюю очередь, но поддержку ценю.

— Спасибо. Но боюсь, одним внешним видом заморских гостей не очаровать.

Демьян едва заметно улыбается. Его глаза кажутся почти черными, несмотря на хорошее освещение. В них мелькает что-то такое... Необычное. Призывное.

Становится жарко.

Отворачиваюсь, делая вид, что поправляю шлейку платья. Оно действительно идет мне — благородного винного цвета, с ассиметричным подолом и кружевом по лифу.

В меру открытое декольте ненавязчиво подчеркивает грудь, делая ее визуально больше, в ложбинке блестит элегантный кулон с бриллиантом, серьги тоже легкие — изящные.

Так должна выглядеть настоящая бизнес леди — сдержанно, но все равно ярко.

Вот только уверенности это не добавляет.

Наоборот — чувствую себя самозванкой, которая раз за разом пытается натянуть неподходящую ей маску.

Мобильник тихонько тренькает — пора.

Нервно оглядываюсь на Демьяна. Когда успел подойти так близко? Совсем не заметила.

— Все будет хорошо, — понижает голос, осторожно подхватывая меня под локоть.

Ах, как хотелось бы верить, но я-то знаю, что меня ждет в ресторане — бывала на таких встречах не раз. Только если Артур сам мог сожрать кого угодно, то я себя чувствую легкой закуской перед акулами бизнеса.

Ни должного опыта, ни амбиций. Одно только «должна». И Демьян рядом...

Осторожно кошусь на мужчину.

Не передать словами, насколько я благодарна ему за поддержку. Давно бы удвоила оплату, только рискую нарваться на грандиозный скандал.

— Кстати, несколько твоих наработок приглянулись Шахову, — огорошивает Демьян, помогая надеть шубку.

Вздрагиваю от резкой смены темы. Или от легкого прикосновения к плечу.

— Там ничего особенного, — возражаю, а голос подрагивает.

Черт!

Встреча еще не началась, а я уже полностью деморализована.

— И это «ничего особенного» зацепило одного из весьма значимых людей Москвы. Серьезно, Алена. У тебя талант.

— Лучше бы я была талантлива в ведении бизнеса, — улыбаюсь нервно. — Но спасибо.

Последнее время для отдыха я беру за всякие мелкие задания по веб дизайну. Получается вроде бы неплохо. В портфолио, которое я оформила на одной из площадок, очень приятные отзывы.

Но это так — баловство.

А сейчас мне нужно сосредоточиться на действительно важном.

Демьян помогает устроиться в машине, и сам садится за руль. Включает фоном приятную музыку, а я молюсь, чтобы Агатов не появился на вечере. Пусть он ногу подвернет. Или костюм испортит...

Но моим надеждам не суждено сбыться.

Демьян не успевает запарковаться, а я уже вижу широкоплечую фигуру на крыльце ресторана. Агатов не теряет времени даром, беседует со смуглолицым мужчиной. Оба курят, выпуская плотные клубы дыма. На улице уже по-настоящему холодно. Скоро зимние праздники.

— Вот скотина, — тянет Демьян, но я всей кожей ощущаю тщательно скрытое восхищение.

Да, Агатов времени даром не теряет. И пока я с мыслями собиралась, он будущих клиентов окучивал.

Выговор вам, Елена Николаевна. И минус десять очков.

— Пойдем, — нервно дергаю за ручку двери.

Так, нужно собраться... Нельзя показывать слабость, но стоит попасть в поле зрения темно-серых глаз, как ноги делаются ватными.

Я крепче сжимаю локоть Демьяна и пытаюсь изобразить самую безмятежную улыбку.

— Вы рано, Владислав Маркович, — первой подаю голос. — Здравствуйте, — а это уже смуглому незнакомцу.

Тот отвечает на английском. Ожидаемо. Но сейчас я жалею, что не взяла с собой Марьяшу — она в совершенстве знает несколько языков.

Владислав кивает мне с воистину королевским превосходством.

— Кто рано встает, Елена Николаевна, тот и на коне, — улыбается, но взгляд холодный, как все льды Арктики.

Он знает, что на голову меня выше. На его стороне опыт и профессионализм. А еще характер. Особый склад ума, который или есть, или нет.

Научится стоять на коньках может каждый, но не всякому дано завоевать олимпийское золото. Так же и в бизнесе.

— Где же ваша супруга, Демьян Викторович, — поворачивается к Ястребовском. — Хотя, в ее положении должно быть трудно посещать подобные мероприятия.

— Типа того, — хмыкает Демьян. — Говорит, ее мутит от приезжих постных рож.

И смотрит очень выразительно. Я прячу улыбку — Демьян в своем репертуаре. Агатов остается невозмутим, но в глазах мелькает тень. Очень нехорошая.

— Сочувствую. Очевидно, ей надо к психологу.

— Ну, вы более опытны в этих делах. В вашем то возрасте.

Ох, а вот сейчас мне становится страшно.

— Еще увидимся, — скалюсь Агатову и тяну бесстрашного самоубийцу внутрь ресторана.

— Ты с ума сошел! — шиплю Демьяну. — Он тебя в ближайших кустах прикопает!

Агатов хоть и перешагнул отметку сорока, но выглядит бодрее некоторых молодчиков. Подтянут, широкоплеч и явно знаком с кулачным боем.

— Беспокоишься? — воркует мой дурачок.

Фыркаю.

— Где-то я уже это слышала. Seriously, Демьян. Агатов шутить не станет.

— Так ведь и я смеяться не собираюсь. С такими сволочами нужно по жесткому. Они

только силу понимают.

Угу... Нашелся тоже, боец невидимого фронта.

А уголки губ вверх так и тянет. Защита Демьяна приятна. Но я бы не хотела, чтобы он подвергал себя риску.

Вместе мы следуем к центру зала, где стоят столы. Я киваю знакомым, останавливаюсь перекинуться с ними парой фраз, но мой путь лежит к группе мужчин, в характерной арабской одежде.

Ох... Английский то я знаю, только язык одеревенел. Демьян успокаивающе касается запястья, и все же тревога не уходит.

А потенциальные партнёры — вот они. Мужчины замечают нашу пару. Смотрят оценивающе, но на их лицах нет интереса. Черт, это будет нелегко.

Пытаюсь изобразить самую безмятежную улыбку.

— Добрый вечер, — здороваюсь на английском.

Арабы обмениваются взглядами, и стоявший с правого краю отвечает.

— Добрый вечер и вам.

И без того никакая уверенность в своих силах уходит в крутое пике и проламывает дно. Все плохо! Никакого комплимента или чего-то, способного дать надежду на неформальное общение.

Эта вежливость сродни мягкому посылу. Во мне совершенно не заинтересованы.

— Я являюсь представителем «Ориона», — продолжаю улыбаться. — Много о вас слышана.

Мне достаются отшлифованные улыбки и кивки. Но, клянусь, внимание мужчин сконцентрировано в большей степени на Демьяне, а я так — довесок.

Хочется развернуться на сто восемьдесят и бежать, однако сдаваться — это подвести Артура.

Я толкаю заученную речь. Расхваливаю «Орион» на все лады, выжимаю из себя максимум. Выражение лица, жесты, фразы... И чувствую, что не дотягиваю.

Не могу ухватить ту нить, которая вытягивает многомиллионные контракты. Я — словно отличница на экзамене, но далеко не гений. И мужчины это чувствуют.

Они вежливо поддерживают диалог, кивают, и вроде бы действительно заинтересованы, но...

— Один добрый опыт важнее семи правил мудрости (прим. автора — арабская пословица), — звучит позади бархатный голос. — Уважаемая Елена, как приятно видеть, что вы не прячетесь за спинами своих заместителей...

Ах ты... сволочь! И меня душой выставил и своими знаниями перед гостями козырнул!

Вижу, как заблестели глаза мужчин, а улыбки стали шире. Всей кожей ощущаю интерес, пробудившийся от одной лишь фразы.

— Не привыкла быть на вторых ролях, — возвращаю шпильку Агатову, но он никак не реагирует.

— «Вест Вега», очень приятно, — протягивает руку гостям.

Те жмут с явным удовольствием.

Ну конечно! Перед ними ведь мужик! Сто процентный эталон самцовости! Агатов начинает разговор. Так плавно и в тему, что я окончательно теряю надежду — мне никак не переиграть профессионала. Нет ни опыта, ни умений.

Я просто никто, с большой буквы «Н»!

Пытаюсь вставить свои пять копеек, но с каждым разом выходит все более убого. На Демьяна тоже не обращают внимания, хоть он старается помочь изо всех сил.

Через пол часа беседы сдаюсь окончательно.

Агатов меня просто растоптал.

Нарочно позволил испробовать силы, а потом швырнул с небес на землю.

От злости и досады хочется реветь, как будто я маленькая девочка, у которой из-под носа увели самую красивую куклу.

По залу прокатываются нежные звуки фортепиано — звучит медленный танец. Агатов поворачивается ко мне, но на талию ложится обжигающе-горячая ладонь.

— Потанцуем? — шепчет на ухо Демьян.

***

Демьян

Видит бог, я готов был порвать ублюдка в клочья. Просто устроить кровавый мордобой, только бы подправить лощеную рожу Агатова.

Он натурально топил Аленку. Знал, что она не дотягивает, хоть и старается. Красовался на ее фоне, ублюдок конченный. И ни капли сострадания!

Это ведь жена его бывшего друга, черт возьми! Ну хоть что-то человеческое должно остаться в этой глыбе, закованной в серо-стальной костюм тройку?

Риторический вопрос.

Агатов — эгоистичная тварь, готовая клыками и когтями рвать свой кусок пирога.

Веду Аленку на танцпол, где собираются пары.

Она такая красивая... И ужасно расстроена, хоть пытается держаться молодцом. Но я-то ее знаю. Нет, не так — чувствую.

— Ты была великолепна, — перехватываю тонкое запястье и делаю первый шаг.

Алена следует за мной, а в огромных глазах, на самом доньшке, прячутся бессильные слезы.

— Недостаточно великолепна, — шепчет, пытаюсь улыбнуться. — Нет опыта.

— Это дело наживное.

— Только времени нет.

И это правда. Нельзя по щелчку пальцев стать акулой бизнеса. К этому идут годами, а Аленка ведь по сути еще совсем молоденькая.

Да и никогда не горела толкаться плечами с такими, как Агатов.

— Зато есть парочка компроматов на одного избалованного мажора.

Имею ввиду племянника Агатова, и Аленка это понимает.

— Не слишком густо.

— Но лучше, чем ничего.

Музыка звучит, пряча нашу тихую беседу. Я напряженно раздумываю, чем бы еще помочь, Аленка же украдкой осматривает зал. Ищет новых клиентов.

Упрямая!

Даже если шансов почти нет, до конца стоять будет. И все же... Это глупо. Я вижу, насколько ей не подходит директорское кресло «Ориона». Конечно, она не даст фирме захиреть, но и на уровень Бесстужева не вытащит.

Это правда жизни.

На своей шкуре испробовал.

— Вон там, — шепчет, указывая взглядом на танцующую в нескольких метрах пару. —

Я знаю его — бывший партнер Артура... Он присылал письмо на прошлой неделе.

Знаю, не слишком крупный заказ, но сейчас Алене надо хоть за что-то уцепиться.

— Это его жена?

— Да. Не помню, какая по счету.

Понятно. Насыщенная жизнь у мужика. Впрочем, не мое дело. Музыка заканчивается и Аленька прямым курсом следует к мужчине. Я за ней. Главное сейчас — выжать из этого вечера максимум.

На столе исходит паром пузатый заварник, Демьян хрустит печеньем, нагло заграбастав всю вазочку, а я смотрю в окно.

Небо уже светлое.

Уснуть так и не получилось. После возвращения я еще час искала пятый угол, наэлектризованная прошедшим вечером по самое не могу.

Голова гудит, в глаза хоть спички вставляй, но возбуждение никак не желает спадать. И это далеко не эйфория.

— Алена, хватит, — подает голос Демьян. — Неплохо же все прошло, что ты так вцепилась в этих арабов?

Тяжело вздыхаю. Демьян, в общем-то, прав. В последний момент мне удалось подцепить на крючок довольно жирную рыбешку. По крайней мере, расстались мы чуть ли не лучшими друзьями, но...

— Это другой уровень, понимаешь? Статус, реклама... Не говоря уж о возможности избежать загребущих лап Агатова. Он ведь свалит обратно к себе, в Германию. Будет давить до посинения. Не могу это просто так оставить. Артур... Он столько для меня сделал. Я обязана сохранить «Орион».

В глазах Демьяна мелькает странное выражение, а может, мне только кажется.

— Не думаю, что он хотел бы видеть тебя такой замученной. Это всего лишь фирма.

— И наследство нашей дочери!

Демьян отворачивается, но всей кожей чувствую — тема для него не из легких. Пусть так. Я не собираюсь делать вид, что ребенок — это нечто абстрактное. Наденька — моя дочь. И полноправная хозяйка «Ориона».

— Я понимаю твое упорство, Алён, — усмехается невесело. — Но подумай, а вдруг Агатов дойдет до угроз ребенку?

Уже думала! Это выматывает меня, треплет нервы.

Не знаю, на что способен этот человек, но боюсь — на многое, если его разозлить. Пока он не включился в игру, как следует. И даже сегодня, уверена, это была показательная порка.

Я со стоном роняю голову на сложенные руки.

Господи! Ну за что мне все это? Бегаю, словно белка в колесе. Гоняю себя до сбитого дыхания, а пользы никакой.

Попробовать что ли подставить Агатова на почве сексуальных домогательств?

От этой мысли прихожу в ужас. В кого я превращаюсь?!

На плечо ложиться теплая ладонь. Вздрагиваю. Не слышала, как Демьян подошел. Хочу дернуться, сбрасывая его руку, и не могу пошевелиться. А сердце почему-то ускоряет бег. И щекам жарко.

— Не переживай, Аленка. Что-нибудь придумаем. Хрен Агатову, а не «Орион».

От мягкого тембра мурашки по коже. Сама не понимаю, что делаю, но тянусь пальцами и касаюсь ими мужских. Ох, какой горячий!

Живое тепло впитывается под кожу, растекаясь в крови приятной негой. Тревога отступает. Мне так хочется верить Демьяну!

— Спасибо, — шепчу непослушными губами.

И вдруг зеваю.

Кажется, мне и правда нужно вздремнуть.

— Пойдем, — Демьян осторожно приобнимет за плечи и тянет вверх, помогая встать. — Надо отдохнуть. Ты выложились на сто процентов и даже больше.

Вместе идем в спальню. Хочу сказать Демьяну, что дальше справлюсь сама, но и тут он опережает.

— Спи. Дверь я захлопну.

И уходит. А я, кое как выпутавшись из одежды, падаю носом в подушки. И сразу же засыпаю.

***

Демьян

— Я и так не сплю! А ты топаешь, как слон.

Юлия недовольно кривит губы, а руки сложены под грудью, подчеркивая внушительный бюст. У нее красивая тройка, а сейчас и того больше, но в который раз ловлю себя на мысли, что эта женщина не вызывает у меня вообще никаких эмоций. Да и другие тоже.

— Точно, — наливаю себе кофе. — Нужно было переночевать в отеле.

Делаю глоток и направляюсь в душ.

Врубив на полную режим «тропический ливень», закрываю глаза и возвращаюсь мыслями в прошедший вечер, на танцпол. Память яркими мазками рисует гибкое тело в моих руках, блестящий взгляд серых глаз и одуряюще-вкусный запах Аленкиных духов.

Вдоль позвоночника бежит жаркая волна возбуждения.

Представляю, что Аленка стоит позади меня. Прижимается обнаженным телом, гладит ладошками. Она такая нежная и горячая... Отзывчивая.

Голову ведет, как будто по венам плеснули спирт.

Задыхаюсь от возбуждения, уплывая от сладких воспоминаний. Их так много. Пошлых, ярких, горячих... Ее губы на моей коже, сбитое дыхание, срывающееся шепотом «хочу».

Пах скручивает мучительной судорогой, выбивая из горла стон.

Разрядка приходит позорно быстро, и я утыкаюсь лбом в плитку. Проклятье! У меня такого перерыва в интима не было со времен службы. Но не хочу никого, кроме Аленки. Которая едва ли замечает мои жадные взгляды.

Выдираюсь из ванной и долго тру кожу полотенцем, до красноты.

Все равно добыюсь! Как только развод получу, смогу действовать так, как хочется. А пока нельзя Аленку тянуть в отношения, даже если мой брак — всего лишь игра.

— Ну ты и дошел, Ястребовский, — фыркает Юлия, которая, видимо, специально меня ждала в гостинной.

— Только не ври, что ревнуешь.

— Не собираюсь. Парень, ты конечно, неплохой, но... Меня Тимур нашел.

Даже кашляю от неожиданности.

— Что?

— Я в торговом центре была. Сегодня. Ну знаешь, всякие там распашонки-чепчики. Как-то потеряла бдительность. Разворачиваюсь, а вместо консультанта — он, — Юлия морщится.

Но я вижу в ее глазах боль. И панику.

— Почему охрану не взяла?

— Взяла. Этот идиот в туалете зависал. Не важно. В общем... Папочка мог бы мною гордиться. Отшла в лучшем виде. Сказала, что от его запаха тошнит, — хихикнула

невесело. — Видел бы ты эту рожу.

Да уж, представляю. Такой удар по самолюбию.

— Чего он хотел?

Юлия жмет плечами.

— Сама не знаю. Но выглядит неважно... Или мне кажется. В любом случае, я боюсь, что Тимур может догадываться. Он втирал про то, что тебя только деньги интересуют. Сам налево ходишь, а мне мозги пудришь.

Черт. Тимурка наверняка успел заметить, что с Аленой я провожу достаточно времени.

— А ты?

— А я посоветовала не судить по себе. Тут и охранник пришел, заставил уйти. Да плевать. Мне нужно уезжать срочно. Билеты я уже заказала, с отцом сама поговорю. Так что приготовься выдержать моральный прессинг. Возможно, папа заявится лично.

И Юлия скрывается в своей комнате.

— Черт, — шиплю, с силой потирая лицо.

Только Оболенского для полного счастья не хватало.

***

В приемном покое светло и тихо. По коридору то и дело прогуливаются будущие мамочки и их сопровождающие. Одни на выписку, другие с вещами... Я жду Ульяну.

Слава богу, хоть в этом вопросе все наладилось. Ей установили пессарий, с дочкой все хорошо. Поверить невозможно, что через четыре недели беременность будет считаться доношенной. И тем более, что нижний порог — тридцать две недели — Ульяна благополучно прошла.

Мобильник вибрирует.

Спорить готова — это Демьян. У него теперь новый номер, который сто процентов конфиденциальный. Открываю сообщение и улыбаюсь. Опять прислал смешную картинку. Он последнее время часто так делает. В прошлом, я бы возмутилась — запрещая такую фривольность, а сейчас...

Ох, кажется, я снова превращаюсь в Алену. Но не могу себе в этом отказать.

Все эти пустяки, вроде картинок или вкусностей, которые Демьян тащил к чаю всякий раз, как приходил в гости — это так мило.

Хочется улыбаться, а в груди разливается тепло. Я опять чувствую себя юной и беззаботной.

— Елена Николаевна, здравствуйте, — звучит над головой.

Вздрагиваю, выныривая из приятных размышлений.

— Здравствуйте! — вскакиваю на ноги. — Что-то случилось?

Передо мной врач Ульяны. И я до начинаю нервничать, когда он смотрит так внимательно и цепко.

— Разве что выписка, — жмет плечами. — Я здесь чтобы дать несколько рекомендаций. Состояние пациентки стабилизировалось, но я настоятельно рекомендую полный покой. Как физический, так и моральный. Никаких волнений, долгих прогулок и тем более уборок, стояния у плиты тоже, — произносит с нажимом.

Киваю, словно болванчик. Будет выполнено. Сегодня же найму для Ульяны помощницу.

— Так же ей прописан курс некоторых препаратов. Принимать строго по расписанию. На этом все.

И, попрощавшись, доктор уходит.

А я оседаю на кресло. Ох, прямо в пот бросило. Нельзя так реагировать, иначе нервов никаких не хватит.

Но страх за малышку не дает мыслить здраво. Мне кажется, что я делаю недостаточно. Что можно еще лучше... Паранойя развилась незаметно и стремительно. Не могу потерять этого ребенка. Пусть не я вынашиваю, но... Ох, Наденька — моя дочь.

Мобильный снова вибрирует.

Не хочу поднимать, но взглянув на экран — тяжело вздыхаю.

Оболенский... А ему что надо?

— Здравствуйте, Георгий Георгиевич, — здороваюсь максимально сухо.

— И вам не хворать, Алена Николаевна...

Вздрагиваю, понимая, что Оболенский нарочно назвал меня моим прошлым именем.

— ... жду вас в ресторане, — называет адрес, — через час. Есть разговор.

И отключается.

Вот же черт!

Сердце барабанит о ребра так, что перед глазами темнеет. Вдох-выдох. Я не должна нервничать. Непонятно, чего хочет Оболенский, но сделать он ничего не сможет. Надеюсь.

Мучительно размышляю, а не позвонить ли Демьяну. Может, он что-то знает? Хотя обычно звонит сам, если какие-то новости.

Но в итоге отметаю эту идею в сторону. Нет. Не стану его впутывать, пока не узнаю, чего хочет Оболенский.

Оглядываюсь и замечаю Ульяну. Она уже в холле. Идет ко мне, на губах легкая улыбка. Я тоже пробую улыбнуться. И даже выходит правдоподобно — женщина, кажется, не замечает моего состояния.

— Уф, эти больницы, даже самые хорошие — такое испытание, — замечает беззлобно. — Домой?

— Да, конечно. С врачом я говорила, он рекомендовал полный покой. Сегодня скину список с анкетами помощниц. Будут готовить.

Ульяна не слишком довольна — чувствую. Кухарить она любит, по части уборки к ней и так клининговая компания заезжала, но вот еду женщина готовила сама, за исключением периода токсикоза.

— Как скажешь.

И поправила легкий рюкзачок.

Водитель быстро доставил нас до дома Ульяны. Тепло попрощавшись в ней, я прошу отвезти в ресторан. А саму колотит. Но совсем не от промозглой погоды за окном. Не хочу встречаться с Оболенским! Ничего хорошего он мне не скажет.

Предчувствия не подводят. Едва официант подвел меня к столику, вместо приветствия в меня летит полный презрения и ярости взгляд.

Оболенский пытается маскировать его улыбкой, но выходит откровенно паршиво.

— Здравствуйте, Алена Николаевна, — скалится, точно волк.

— Елена Николаевна, — поправляю равнодушно. И видит бог, чего мне это стоит! — Хотя в вашем возрасте с памятью могут быть проблемы.

Оболенский щурится. Лицо сереет, в тон делового костюма. На краткое мгновение мне кажется, что он ударом кулака перевернет столик, но мужчина только слегка меняет положение тела.

— Проблемы не больше ваших, уважаемая Елена Николаевна. Или все-таки Алена? Те

самая, которая залетела от некоего молодого и очень амбициозного мальчика Демьяна.

Это как удар под дых. Кидает в пот, в голове тысяча вопросов: откуда узнал? Кто слил информацию? Как давно?

Но я возвращаю Оболенскому его же выражение лица — холодное и злое.

— Если вы тут, для того чтобы предъявлять какие-либо обвинения, то на этом и закончим. Идите в суд, или к журналистам, или куда-нибудь еще. А мне не интересно.

Пытаюсь уйти, но запястье перехватывают стальные пальцы.

— Ты, дрянь, посмела в семью лезть, — шипит, выкручивая кисть до синяков. — Не стыдно?! Моя дочь беременна!

Ох, знал бы Оболенский, от кого! От этой мысли становится вдруг весело. Смеюсь, наслаждаясь искренним удивлением Оболенского.

— Я сейчас охрану позову и побои зафиксирую, — дергаю рукой, и Оболенский отпускает. — Еще раз — все претензии оформляйте через суд. Только учтите — мне тоже есть, что рассказать о чрезвычайнобурномпрошлом вашей дочери, — и ухожу.

Да уж, коротенькая встреча получилась, даже меню открыть не успела.

— С*ка, — летит в спину.

Не оборачиваюсь. Меня конкретно потряхивает, но я рада, что не потащила на встречу Демьяна. Он бы с Оболенским миндальничать не стал.

За все то время, что мы провели вместе, я успела убедиться — Демьяна и Юлию ничего не связывает.

Только Оболенский, похоже, этого не замечает. Ему важно, чтобы все как у всех, а еще дочка в надежных руках. Понимаю... Демьян, если разобраться, был бы прекрасным отцом и, как следствие, мужем.

Из размышлений опять выводит мобильный. Да что ж за день сегодня такой, суматошный?

Поднимаю.

— Аленка, ты где?!

Голос Демьяна звучит так взволнованно, что я даже улыбаюсь. Нервное напряжение немного отпускает.

— В ресторане.

Кажется, Демьян удивлен.

— У тебя встреча? Не важно... Оболенский в Питере, только что приехал.

— Знаю, именно с ним я и встречалась.

В трубке повисает звенящая тишина. Но ненадолго.

— Адрес! А, все, у меня уже.

Охрана слила, не иначе. Арс и за мной приглядывает. Быстро отработал — я ведь никому не говорила, для чего в ресторан еду. Может, пообедать. Но встреча заняла не более десяти минут.

— Демьян, все в порядке, — успокаиваю взявшего разгон Ястребовского. — Просто Оболенский решил предъявить мне за наше прошлое. Семью вашу защищает, — хмыкнула, но получилось не весело.

Демьян зашипел ругательства.

— Да, семью. Ему просто не хочется искать для Юлии очередную партию, заодно бесплатного работника. Агатов это сделал, спорить готов.

Я тоже так думаю. Этот урод будет душить до последнего. И я не удивлюсь, если начнет

срывать сделки.

Время игр закончилось. Вот только передо мной такой противник, что не всякому хищнику по зубам. И от этого делается дурно.

— Дём, приезжай на чай, — прошу и сама пугаюсь.

Назвала Демьяна старым прозвищем! Зарекалась ведь произносить!

— Приеду, — торопливо вздыхает трубка. — Прямо сейчас приеду.

И отключается. А я иду к машине. И больше мозгового штурма мне нужен Ястребовский рядом.

Демьян

В аэропорту шумно. Люди снуют, как муравьи, и Юлия опасливо прикрывает живот — бережет ребенка, как самое ценное. Так оно и есть

— Начинается посадка на рейс...

Диспетчер проговаривает заученный мною наизусть набор цифр. Юлия вздрагивает, но это могу заметить только я, как и лихорадочно-тревожный блеск глаз.

— До встречи, милый! — кидается мне на шею.

Осторожно обнимаю.

Псы Тимура Юсупова бродят рядом, а может, и он сам. Не знаю, что двигает этим мужчиной, да и знать не хочу. Юлию он просрал, и, возможно, это чувствует. Оболенский не станет выносить сор из избы, трепаться о том, что дочь на развод намекает. Так что для окружающих мы — парочка влюбленных, которая нежно прощается.

— Через месяц жди носок, — шепчет мне. — Я сегодня заявку на развод подала.

Шутить пытается. Оказалось, моя будущая бывшая жена с ума сходит по сказкам типа Гарри Поттера. Там был персонаж домовой, Добби, который носок получил, как символ своего освобождения от рабства.

— Боюсь, этот носок твой отец не оценит, — хмыкаю.

— Это его проблемы. Денег у меня на счету хватит и без его поддержки прожить год-полтора, а потом на работу выйду.

Да, Юлия оказалась той еще штучкой. Оболенский знатно удивится, когда узнает, что дочь может прожить и без его содержания.

Но сдается мне, ради внука он клыки спрячет.

К тому же успел обточить их об меня. Вчера вечером состоялся неприятный разговор. Неприятный для Оболенского, разумеется. Я занял позицию Алены — если что-то не нравится, пусть идет в суд. А больше сказать мне нечего.

— Фото малого пришли, — отступаю на шаг.

— Ага, обязательно, — поправляет балахонистую одежду. — Сразу после того, как свадебными поделишься.

Кашляю, от неожиданности и прячу руки в карманы джинс.

— Буду стараться.

Юлия кивает. А выражение лица самое серьезное. Тоже чувствует, что если мы и увидимся, то очень нескоро. Развод можно через адвокатов оформить, с отцовством тоже разберемся.

И пусть я к Юлии не испытываю больше ни симпатии, ни привязанности, все равно в груди слегка давит.

Это не тоска перед расставанием. Просто сейчас заканчивается то, что нас когда-либо связывало.

— Пока, Демьян, — шлет мне воздушный поцелуй и, развернувшись, идет к стойке регистрации.

Грива темных волос забрана в высокий хвост, в руках легкий рюкзачок. Со спины выглядит совсем юной девушкой. Почти подростком. И не скажешь, что беременна.

Хмыкаю и направляюсь в противоположную сторону.

Оболенский не хотел отпускать Юлию. Но она — совершеннолетняя, а трепать нервы беременной дочери он опасался. Все же, как отец, Оболенский был неплох.

Только очень упрям.

Нельзя сохранить то, чего никогда не существовало.

А между нами было что угодно, кроме любви. Жаль, что я понял это слишком поздно.

Сажусь за руль и еще некоторое время задумчиво провожаю взглядом взлетающие самолеты.

А мысли уже выются совсем в другой плоскости.

Юлия права — Оболенский просто так с меня не слезет. И, при содействии почти-бывшей, он мог бы оттянуть момент развода, но сейчас нет.

И все же крови попьет. Боюсь за Алену... Очень скоро она станет мамой, и нервничать ей никак нельзя.

А у меня, как на зло, затык по всем фронтам. На Агатова нарыть ничего не получается. Даже Март бессилён. Тащит всякую мелочь типа любовниц, сплетен и прочего... А в это время ублюдок потихоньку жмет «Орион» к стенке. Уже и на планерках звучит, а не лучше ли под его крылышко перейти.

Аленка сопротивляется изо всех сил. Упорная.

У нее есть своя группа поддержки, но их мало. Пока размышляю, на телефон приходит сообщение.

Фото румяных пышек.

Намек понят. Завожу машину и выдвигаюсь к Аленке. Но на полпути замечаю за собой хвост.

***

«Прости, у меня незваные гости».

И смазанное фото внедорожника. Тяжелого такого, хищного.

Меня бросает в холодный пот. Агатов. Точнее, его псыны. Но зачем? Хочет запугать? И без того отлично получается.

Встаю и нервно прохаживаюсь по комнате. После встречи с Оболенским прошло полторы недели. В тот вечер Демьян примчался взъерошенный и злой.

А еще немного испуганный. И уже потом, размышляя, я поняла почему.

Он испугался. Но не ссоры с тестем, а моей реакции. Она была, конечно. Только вместо претензий я предложила чай.

Да, вот так банально.

За кружечкой ароматного напитка мы осудили, что делать дальше.

Но сейчас совсем не знаю, чем ему помочь!

А вдруг Агатов се-таки решится подстроить несчастный случай?!

Дрожащими пальцами набираю номер Арса. Демьян ведь без охраны не ходит. Теперь уже нет.

Мужчина сразу же поднимает.

— Не волнуйтесь, Елена Николаевна, — рапортует без лишних расшаркиваний. — Мои ребята держат ситуацию под контролем.

Слегка выдыхаю.

Арс не подведет. Этот богатырь за два метра ростом слов на ветер не бросает. Если сказал — значит так и будет.

И действительно, через некоторое время Демьян перезванивает сам.

— Представляешь, — смеется в трубку, — почувствовал себя прямо агентом 007. Вокруг столько кипиша.

Выдыхаю.

— Давай, агент. Тебя ждут на базе.

— М-м-м, звучит многообещающе, — тянет наглец.

— Не надейся, я хочу узнать, кто это был.

— Обязательно.

И Демьян отключается.

А я наконец-то могу дышать спокойно. От нахлынувшего облегчения даже голова кругом.

Круто разворачиваюсь и иду в кухню. Надо водички выпить. И заодно прочистить мозги. Наши отношения наладились — это чудесно, но еще раз на те же грабли? Нет, спасибо. Меня первыми едва не пришибло.

А лицо почему-то начинает гореть. И мысли разбредаются, не давая сосредоточиться на важном — кто же все-таки преследовал Демьяна.

За своими метаниями не сразу замечаю, как срабатывает домофон. Дисплей выдает улыбчивого Демьяна, который трясет бутылкой вина.

А у меня просто руки чешутся стукнуть его этим пузырем по темечку.

Медленно сосчитав до пяти, открываю дверь незадачливому Джеймсу Бонду.

— Алена, — вваливается через порог, сияя улыбкой. — Как насчет отметить?

— Предлагаю вариант поинтереснее — прилюдная порка. О чем ты думал? — завожусь, игнорируя ехидный взгляд. — Тебе надо было переться в этот долбаный аэропорт?!

Демьян только руками разводит.

— Всего лишь прикрытие. Арс говорит — Юсупов бесится. Никак бедняга не поверит что его карманная зверушка ускакала. Да еще и беременная.

Ухмыляется самодовольно.

Я только глаза закатываю. Неисправим! Все ему хиханьки да хаханьки.

— Пойдем, — вздыхаю. — Буду чаем отпаивать.

Демьян оставляет бутылку в прихожей и довольно вздыхает.

— А может, посмотрим что-нибудь? — предлагает, кивая на вазочку с печеньем.

Жму плечами. Почему бы и нет? За окном разыгралась непогода. Так и хочется нырнуть под теплый плед.

— Фильм выбираешь ты, — произношу на автомате и тут же прикусываю язык.

Еще одна фраза из прошлого! А впрочем... У Демьяна всегда получалось найти что-нибудь интересное. Так почему бы и нет?

Вместе мы быстро переносим вкусности поближе к дивану.

Демьян лукаво блестит глазами и выдает:

— Нет ничего лучше бессмертной классики. Пятый элемент!

Едва держусь, чтобы не запустить в него подушкой. Прохиндей! Отлично помнит, что это мой любимый фильм.

— Я рассчитывала на более интересный выбор, — ворчу, но только из-за вредности.

Демьян жмет плечами.

— Прости.

А в голубых глазах ни капли раскаяния. Смотрит на прищур, как хищник. И мне становится вдруг жарко. Диван кажется западней, но такой манящей.

Мысленно ругаю себя дурой.

Это просто фильм! Как будто я собираюсь заниматься чем-то бесстыдным. Посидим не много рядом, посмотрим на экран телевизора, и все!

Усаживаюсь, но уже через секунду от бывшего запала не остается и следа — Демьян тоже садится. И очень близко.

— Держи, — вручает мне чашку чая, а потом...

— Демьян! — возглас выходит не громче писка полузадушенной мыши.

Подхватив мои ноги, этот засранец укладывает их к себе на бедра, а потом ловко укрывает пледом.

— Так теплее, — улыбается мне.

И врет же! Нутром чувствую. Но вместо того, чтобы пнуть как следует, замираю.

От кончиков пальцев струится мягкое тепло, и голову ведет, как будто вместо чая выпила целую кружку вина.

Демьян больше не наглет — чувствует, что и так по краю гуляет. Быстро щелкает пультом и находит фильм.

— Давай посмотрим, — окидывает меня тягучим, как патока, взглядом. — Так давно не смотрел... соскучился.

Отворачиваюсь, пытаюсь скрыть жаркий румянец. Демьян сейчас не о фильме. И от этого губы сами собой складываются в улыбку.

Мне приятно.

И на самом деле хочется расслабиться. Впереди очередная грызня с Агатовым, Оболенским, и черт знает кем еще.

Устраиваюсь поудобнее и тянусь за печеньем. Сегодняшний вечер обещает быть чудесным. А я имею право им насладиться.

Демьян

Глаз не свожу с Аленки. Она что-то втолковывает сидящим перед ней мужчинам. Хмурится, показывает на интерактивную доску с графиками, но смысл до меня не доходит.

Откровенно люблюсь девушкой и одновременно пытаюсь обуздать взбесившееся либидо.

Вечерний киносеанс стал для меня настоящей проверкой на прочность.

На моих коленях возлежали стройненькие ножки, обтянутые соблазнительными бежевыми лосинами. И видит Бог, чего мне стоило делать равнодушный вид. В паху скручивало от желания, но я держался изо всех сил.

Нельзя.

Не имею права, хотя бы потому, что до сих пор официально женат. Пусть сегодня утром мне и пришло оповещение о начале бракоразводного процесса.

С трудом давлю желание ослабить галстук.

Юлия медлить не стала. У нее уже был прикормленный адвокат, который начал процесс. Оболенский пока прибывает в счастливом неведении. И хорошо. Все внимание оттягивает на себя Агатов.

Сжимаю ручку так, что чуть не ломаю.

Ублюдок перешел к активным действиям.

Сегодня утром «осчастливил» Аленку известием, что переманил к себе заказчика, которого ей удалось подцепить на том треклятом вечере.

Просто купил его. В ущерб себе, но все же...

— ... К вечеру жду отчеты, — звенит напряженный голос.

Аленка зла. И очень нервничает. Я буквально вижу, как она пытается втиснуться в шкуру стальной леди, но выглядит это так себе.

Нет в ней того самого стержня, который поможет фирме удержаться в лидерах. Под ее руководством «Орион» не пропадет, конечно, но в итоге превратится из флагмана в «одного из».

А это сокращения персонала, понижение зарплаты и прочие «прелести».

И все об этом знают, включая Алену.

Как только последний из участников покидает конференц зал, она обессилено падает на стул.

— Кошмар, — шепчет едва слышно.

У меня горло спазмом перехватывает. Все бы отдал, чтобы избавиться от Агатова! Но эта сволочь хитра сверх всякой меры. Озаботился о чистоте репутации на пять баллов с плюсом.

Встаю и подхожу к Аленке.

Трогаю хрупкое плечо. Под пальцами прохладный шелк строгой белой блузки, а меня в жар кидает.

— Алён... — начинаю, но меня обрывают неловким взмахом руки.

— Сегодня Витко настаивал на сотрудничестве, — отзывается глухо. — Последний шанс, представляешь?

Чуть сжимаю пальцы. А потом, плюнув на все, присаживаюсь рядом и сгребая Аленку в объятия.

Не сопротивляется. Лынет ближе, утыкается лбом в плечо, но в наших объятьях нет никакого подтекста — Аленка ищет простой человеческой поддержки.

— Он меня раздавит, — шепчет едва слышно.

— Как-нибудь разберемся. Знаешь, а что если этого Данилу привлечь?

— Угу. В качестве киллера.

Тихонько хмыкаю. Да уж... Если этого персонажа уговорить, то церемонится он не станет. Я справки уже навел. Криминальное у него прошлое, один раз сидел даже, по малолетке. Ларек какой-то вынесли, ну его и взяли за мягкое место. А потом... тоже ничего хорошего. Бизнес он поднял на игровой индустрии. Вроде все по закону, но были шероховатости. Теперь же завязал с криминалом накрепко. И причина тому — Вита Илларионовна. Та беременная девушка, которую мы в клинике встретили. И по совместительству — сердечная боль Данилы.

— Киллер — это выход, — пытаюсь шутить.

Но Алена только вздыхает. Уютней устраивается на моем плече и молчит.

Ей плохо, понимаю. Она не из этого мира, не получает удовольствия от работы, один только стресс. А впереди еще материнство...

Словно в издевку над моими мыслями, телефон Алены начинает трезвонить. Ульяна звонит.

Приходится разжать объятья.

— Да? — поднимается на ноги Аленка. И тут же падает обратно. — Ч-что? К-как... рожаеть?!

У меня внутри все так и обрывается. Рано! Тридцать пять недель всего!

— Уже еду, — свистящим шепотом чеканит Алена и скидывает звонок. Вскакивает, бежит к выходу.

И я следом.

— В мою машину, — командуя, стараюсь чтобы голос звучал уверенно.

И Алена не возражает.

***

Секунды кажутся бесконечностью. Я кусаю губы, стараюсь сосредоточиться на позитивных моментах, но ни черта не выходит!

— Алён... Ты опять дрожишь.

Голос Демьяна тих и нежен. В его объятьях страх чувствуется не так остро, но все равно подкатывает.

Глубоко вздыхаю, пытаюсь расслабиться.

Ульяне сейчас хуже. Схватки, роды... Господи, только бы все обошлось! Тридцать пять полных недель — это ведь неплохо. Это почти норма! Выхаживают ведь совсем крохотулечек, а моя дочка совсем большая! У нее приличный вес, рост, и...

— Все будет хорошо, — вклинивается в заполошенные мысли голос Демьяна.

Широкая ладонь скользит по спине, прогоняя нервный озноб.

— Я не могу ее потерять, — шепчу, с трудом удерживая слезы.

Это мой ребенок! Пускай его носила другая женщина, но дочь — моя! Я люблю ее! Осознание этого пришло незаметно, но именно сейчас я чувствовала это особенно остро.

— Ты ее не потеряешь, — шепчет Демьян, не прекращая наглаживать меня словно замерзшего и напуганного котенка. — Спорим, я лучше тебя сумею поменять памперс?

Едва слышно фыркаю. Незатейливая шутка. Но она мне нравится.

— Не смейся. Я серьезно. Чувствую в себе дар быть нянечкой и...

— Елена Николаевна?

Голос врача звучит как гром среди ясного неба. Подскакиваю, едва не бросаясь на мужчину.

— Как все прошло?!

На лице врача не дрогнул ни один мускул. Но мне не стыдно за порыв!

— Все хорошо, не переживайте. Ульяна Валерьевна и ребенок чувствуют себя нормально. Роды преждевременные, но обошлось без осложнений как для роженицы, так и для ребенка. Апгар семь и восемь.

Пол медленно уплывает из-под ног. Если бы не Демьян — рухнула бы к ногам врача.

— Присядьте! — сразу же засуетился доктор. — Нашатырь нужен?

Мотаю головой.

— Хочу видеть дочку.

Я должна убедиться, что с ней все в порядке!

— Конечно, можете посмотреть. Но только через окно. Все же, она считается недоношенной и пока находится в кувезе. Ненадолго, — добавляет торопливо.

Дорога к ребенку смазывается в одно бесконечное мгновение. Вроде иду, но топчусь на месте. А в голове уже мелькает мысль просить Ульяну о грудном вскармливании. Женское молоко гораздо полезнее смесей!

К окну, за которой находятся дети, прилипаю намертво и не сразу могу сообразить, где дочка.

Из груди рвется протяжный вздох, когда, наконец, вижу ее — в одном памперсе. Какая крохотная! До ужаса хочется взять ее на руки, но я могу только смотреть.

— На тебя похожа, — шепчет Демьян, мягко привлекая меня ближе.

Кутаюсь в его объятия, как в теплый пуховый платок.

Напряжение тихонечко отпускает. С Наденькой все хорошо. На ее ручках только датчики, никаких капельниц и прочего. Значит, она может сама дышать и есть тоже. Надеюсь.

— Прямо ты разглядел, на кого похожа, — бормочу, только чтобы поддержать разговор. Это отвлекает. Заставляет собраться.

— Очень даже разглядел. Носик твой, губы, глаза... И пятки такие же розовые.

Чувствую, как уголки губ тянуться вверх. А Демьян осторожно гладит меня по спине, прижимая крепко и нежно. Чувствую, как под тонкой тканью гулко колотит сердце. Он тоже переживает? Или... нет. Сейчас не хочу об этом думать.

Смотр на крошечную девочку. Моя дочка. Моя! Так хочется взять на руки... Но нужно потерпеть еще немного.

Тяжело вздыхаю и все-таки отстраняюсь.

— Надо навестить Ульяну... Ей пришлось несладко.

И я знаю, о чем говорю. Сама пережила ситуацию намного хуже.

Демьян коротко кивает. Сопровождает меня до палаты женщины, но сам не заходит. Понимает, что вряд ли ей захочется видеть мужчину.

— Привет, — улыбаюсь, присаживаясь рядом с неподвижной Ульяной.

Сердце болезненно сжимается — она выглядит такой бледной и поникшей!

— Привет, — старается улыбнуться искусанными губами. — Я...

— Ты молодец, — ободряюще сжимаю ее руку. — И с Наденькой все хорошо. Главное

— не волнуйся и набирайся сил. И если разрешишь, я тоже буду тебя навещать.

Ульяна вздыхает с облегчением.

— Спрашиваешь тоже, — ее голос звучит гораздо бодрее. — Кажется, мы неплохо поладили...

— Очень неплохо. И я была бы рада поддерживать отношения.

Похоже, мне удалось ободрить Ульяну. Ее лицо по-прежнему уставшее, но глаза уже блестят.

— С Наденькой точно все хорошо? — спрашивает пытливо.

— Врачи говорят, что да. И я так думаю, — добавляю уверенно. — Она такая красивая... Маленькая и немножко смешная. Почти лысенькая.

Ульяна тихонько смеется.

— А Даринка родилась сразу с роскошными черными кудрями. Даже акушерки удивлялись.

Волосы у девочки очень красивые, это точно.

Мы еще несколько минут болтаем о пустяках, а потом я ухожу. Ульяне надо отдохнуть. Насчет грудного молока поговорим позже, ей сейчас не до того. Да и не было в контракте этого пункта, так что Ульяна не обязана.

Демьян ждет меня в приемном покое.

Уходить не хочется. Ноги просто прилипают к полу, но я заставляю себя двигаться вперед. Наденька под присмотром. Здесь врачи, специально обученный персонал. Артур выбирал эту клинику очень тщательно, с возможностью посещений и длительного пребывания.

Но толку от меня сейчас никакого.

Врач сказал, что некоторое время дочка будет под наблюдением.

Не помню, как добираемся до дома. Демьян что-то рассказывает, пытается отвлечь. И на кухне сам организовывает чай. Приносит прямо в спальню. Я как раз выхожу из душа, но теплая вода не помогает расслабиться.

Вновь лезут дурацкие мысли, а взгляд липнет к кроватке и планальному столику.

Я обустроила этот уголок не так давно. Стоило бы вернуться в наш с Артуром дом, но в итоге решила — сделаю это позже, когда станет тепло.

А сейчас даже в квартире зябко...

— Иди сюда...

Демьян хлопает по кровати, на которой расстелен теплый плед. Заботливый какой... Но я и правда очень устала. Не физически — морально.

Позволяю завернуть себя, как куклу. Делаю несколько глотков чая и оставляю в сторону — не лезет.

Плюну на все, устраиваюсь поудобнее на мужском плече и закрываю глаза.

Демьян молчит. Уютно так, ненавязчиво. Гладит медленно по плечам, но большего себе не позволяет.

Постепенно приходит расслабленность. А за ней сонливость.

Моргаю раз, другой, а на третий проваливаюсь в мягкую темную трясиину. И перед тем, как заснуть, мне мерещится легкое прикосновение к губам.

***

Демьян

Не сдержался.

Хотел поцеловать в щеку, но искушение попробовать нежные губы на вкус снесло крышу. Остановился только, когда почувствовал, что еще немного — и одним поцелуем не ограничусь.

Как наживую себя отрывал. Аленка все такая же сладкая и нежная. Пахнет солнцем и от этого голова кругом, а в паху скручивает так, что искры из глаз.

Нужно валить домой. А я не могу.

К черту все.

Прижимаю Аленку крепче и утыкаюсь носом в макушку. Не отпущу! Моя она. И дочка ее тоже моя. Как можно игнорировать ребенка женщины, с которой я хочу быть?

Напряженно разбираю свои ощущения и не нахожу в них ревности.

Никогда не страдал предубеждением насчет женщин с детьми, и теперь не собираюсь.

А малышка забавная. И на самом деле очень похожа на Аленку. Носик и пятки — точно.

Прикрываю глаза. И снова возвращаюсь в прошлое. К нашему ребенку, который так и не появился на свет.

А ведь я бы любил его. И, может, эта ниточка вновь связала бы нас с Аленкой.

Задумчиво перебираю светлые пряди.

Алена уже во всю посапывает. Такой стресс, да и ожидание родов было долгим. За это время вся извелась — смотреть больно. За долгое время я чувствовал себя абсолютно беспомощным. И волосы дыбом встают, как представляю, что однажды Алена пережила все это одна.

Но теперь я буду рядом.

Осталось только получить развод. И поискать информацию по уходу за младенцами.

Мысли постепенно замедляют бег.

Рядом с Аленой меня переполняет фейерверк эмоций. Но усталость дает о себе знать. Уже глубокая ночь, завтра опять ранний подъем.

Полежу еще немного и пойду на диванчик. Надеюсь, Алена не будет против... Возможно... Со вкусом зеваю и устраиваюсь удобнее. Еще только минуточку...

***

Мне снится лето.

Запах свежей травы и теплого, наполненного солнцем ветра. Он нежный и такой вкусный. Не могу надышаться.купаюсь в нем, как будто в ласковом океане. Волны ласкают кожу. Просачиваются внутрь, наполняя мягким томлением.

Между ног приятно и голодно тянет. Хочется большего. Обнять ветер. Прижаться покрепче и...

— Хм-м-м. Доброе утро.

Распахиваю глаза и падаю прямым в небо. Небесно-голубое, сонное.

— Демьян!

Отталкиваю мужчину, и он отпускает. Сразу становится холодно, а на голову рушатся воспоминания дня. Роды Ульяны, маленькая Наденька в кувезе.

Вскакиваю, забыв о том, что еще секунду назад хотела высказать Ястребовскому все, что думаю по поводу его нахождения в моей кровати.

Где телефон?!

Мне срочно нужно позвонить, узнать как дочка и Ульяна.

— Еще рано, — летит в спину. — Даже будильник не сработал.

Закипаю моментально.

Мало того, что в моей постели, так еще и советы раздает? А не офигел ли немножко?!

Но мой гневный взгляд Демьян встречает с невозможно обаятельной улыбкой.

— Извини, я хотел уйти. Просто вымотался и тоже заснул. Готов искупить вину.

Ну и что ты будешь делать? Вчера был действительно очень сложный день.

— Иди уже, — шиплю, набирая номер. — На работу скоро.

Демьян встает с постели. Заснул в чем был — джинсы и свитер. Весь помятый, но все равно уютный и такой... знакомый. До слабеющих коленок.

— Сделаю чай. Но Алён... Может, отдохнешь? Не каждый день мамой становишься.

— Иди уже!

Демьян послушно выходит.

А я набираю выученный наизусть номер.

— Здравствуйте, Елена Николаевна, — щебечет медсестра, а я ловлю себя на мысли, что слышать «Елена» стало вдруг совсем дискомфортно. — С вашим ребенком все хорошо. Ульяна Валерьевна так же чувствует себя нормально.

Выдыхаю.

— А когда можно будет забрать дочку?

— Это вам скажет врач.

Ну что ж, на большее я не рассчитывала.

— Спасибо. Я сегодня заеду.

Отключившись, еще некоторое время сжимаю в руках телефон. Взгляд падает на зеркало, и я вздрагиваю. Лохматая, заспанная, еще и макияж вчера плохо смыла — под глазами характерные черные круги.

Ужас!

Срочно в душ, приводить себя в порядок.

Через полчаса выхожу из ванной комнаты. Чувствую себя довольно бодро. К собственному удивлению обнаруживаю на кухне Демьяна. Надо же... А я думала — чай попил и ушел. Пытаюсь скрыть невесть откуда взявшееся волнение за равнодушным:

— В ванной есть одноразовые щетки.

Но Демьян не понимает намеков. Или делает вид

— Умылся тут, — кивает на раковину. — Извини, печь я не умею, поэтому организовал бутерброды. Как Ульяна и дочка?

— С ними все хорошо...

Никак не получается справиться с волнением. Оно расплзается по телу теплой щекоткой, заставляя взгляд бегать по кухне, словно это я в гостях.

Спасает звонок мобильного.

— Черт, — ругаюсь, едва взглянув на экран. — Витко... Алло?

— Доброе утречко, Елена Николаевна, — частит трубка. — Не могли бы вы приехать пораньше?

Дважды черт! Я рассчитывала навестить сначала Наденьку и Ульяну.

— Эм... Что-то срочное?

— Да. Я все понимаю, у вас событие, — вздыхает. И я мысленно. — Но есть кое-какие проблемки на объекте. Без вашего участия никак.

— Я приеду.

Мужчина рассыпается в благодарностях и вешает трубку.

А я с тоской смотрю на Демьяна и наблюдаю в его взгляде ту же мысль, которая только

что посетила меня.

Работа не даст мне нормально заботиться о дочери. По крайней мере, пока рядом Агатов.

Идея приходит неожиданно.

Настолько безумная, что ноги подкашиваются, и я оседаю на стул.

— Аленка? — тут же подскакивает ко мне Демьян.

Сжимает руку, заглядывает в глаза.

Сегодня его слишком много... Запах, прикосновения, голос. Все как уже было однажды.

Но сейчас мысли несутся в совершенно другом направлении.

Кажется, я уже готова прыгнуть в пасть к тигру. И посмотреть, что из этого будет.

— Дём, мне нужно все-все, что есть на Агатова, — стискиваю горячие мужские пальцы. — Сколько времени займет сбор инфы?

— Да почти нисколько. За сегодня управлюсь. А что такое?

Улыбаюсь непослушными губами.

— Да так... Решила попробовать совместить неприятное с полезным.

И глянула на телефон. Думаю, Агатов слегка удивится настолько раннему звонку.

— Признать, не ожидал вашего приглашения, Елена Николаевна. Да еще и в ресторан. Заинтриговали...

Агатов щурится, словно кот, поймавший мышь.

Так оно и есть. Я для него — обычное недоразумение. Он и не таких уделывал, что ему девчонка без опыта и амбиций? На один зуб.

— Давайте без прелюдий, Владислав Маркович, — делаю крохотный глоточек чая.

Специально ничего не заказывала, кусок в горло не лезет.

Агатов слегка выгибает бровь. Рисуетя.

Да-да, я в курсе, как вы хороши, Владислав Маркович. Особенно в этом твидовом костюме цвета мокрого асфальта, явно пошитом на заказ. Каждый стежок идеален. Как и весь мужчина. Но такой идеал меня пугает.

— ...У меня к вам несколько вопросов, — смотрю точно в переносицу оппонента. Так легче выдержать взгляд. А он у Агатова, как у удава. — Что вас связывало с Софьей?

Мой вопрос нацелен на эффект неожиданности. Рассчитываю хоть так пронять Агатова, но мне прилетает полное спокойствия:

— Любовь.

Мужчина не обескуражен и даже не смущен. Он хищник, а я — его жертва. Но очень упрямая. И Агатов это знает.

— Вы забыли уточнить, что невзаимная, — улыбаюсь холодно.

— Возможно. А может, и нет. Ведь бывает такое, что люди сами не могут разобраться в своих чувствах.

В его словах слышится намек. Но думать я об этом буду позже.

— Ах, бросьте, Владислав Маркович. Один намек — и вы бы горы свернули, но свое не упустили.

— В те времена я был гораздо моложе. И глупее, — добавляет, пристально меня разглядывая.

А вот это уже понятно. Что ж... Пора переходить к следующему вопросу.

— И в отместку за упущенный шанс вы решили забрать фирму вашего соперника.

Мужчина фыркает. И от его короткого смешка крохотные волосики становятся дыбом. Но я держусь. Второго шанса не будет.

— Как примитивно, Елена Николаевна. Мстить умершему через его вдову? Я оскорблен. Нет, не из-за этого, конечно.

— А, значит все еще примитивнее. Деньги.

— Нет, не деньги, — опять режет улыбкой, как ножом. — Вы, Елена Николаевна. Исключительно вы.

На мгновение теряюсь. Чашечка с тихим звяканьем ударяется о блюдо — не могу удержать.хлопаю ресницами, словно дурочка, а хищник напротив меня с явным удовольствием смакует каждую эмоцию.

— ...Вот видите, — замечает сочувственно. — Небольшая пикировка — и вы уже теряетесь. На месте руководителя Ориона должен быть кто-то более опытный. Ведь это не просто рядовая строительная организация.

— И вы решили поиграть в Робин Гуда, так?

— Угадали, — Агатов не пытается скрыть довольства. — Взамен гарантирую более чем щедрую оплату.

Наглец. Беспринципный, расчетливый, эгоистичный и... правый в своих утверждениях.

Даже если не брать во внимание отсутствие в моем характере задатков лидера и желания управлять строительной империей, то даже при всем моем усердии я не готова. Опыт приходит с годами кропотливой работы. А у меня, к тому же, маленький ребенок на руках.

Именно Наденька стала причиной того, что я сейчас здесь, в этом чертовом ресторане с мужчиной, от которого хочется бежать.

— У меня есть предложение поинтереснее, — улыбаюсь Агатову. — Я вас нанимаю.

Мужчина чуть склоняет голову. В его серо-стальных глазах мелькает что-то похожее на любопытство. Впервые за этот вечер.

— Очень интересно... Но я не ищу работу.

— И зря. Оплата будет более чем щедрая, — возвращаю шпильку.

Откинувшись на спинку стула, Агатов скрещивает руки на груди и коротко смеется.

— Знаете, все-таки я ошибся. Самую малость. Упорства вам не занимать.

— Приятно, что вы оценили. И с таким же упорством я буду держаться за фирму мужа. Не надо врать про ваши дружеские отношения. За все время размолвки вы даже не увиделись ни разу...

Взгляд Агатова мгновенно становится острым и цепким. Но мужчина молчит.

— ... А теперь вещаете мне про благородные мотивы по спасению фирмы. Может быть из-за того, что ваша себя чувствует не очень? Крупный заказ был сорван по вине племянника. Кстати, дело на него уже закрыли? — интересуюсь невинно.

Прямо чувствую, как от Агатова тянет холодком.

— А Демьян Викторович неплохо постарался... Все для любимой девушки. Или замаливает грешки прошлого?..

На мгновение теряюсь. Для любимой? Отмахнуться бы от этого бреда, но нет — не могу. И от этого стройный ход мыслей опять сбивается.

— ...Вы правда не замечаете, как он на вас смотрит? — добивает Агатов. — Мило...

— Не уходите от темы, — с трудом беру себя в руки. — Ну так что по поводу моего предложения?

Некоторое время Агатов молчит. Изучает меня пристально, а на лице ни единой эмоции.

— Встретимся завтра, в вашем офисе, — бросает небрежно и, оставив на столе крупную купюру, уходит.

Провожая взглядом широкую спину и, только когда мужчина скрывается за дверью, позволяю себе перевести дух.

Взмокла — хоть платье выкручивай!

Какой тяжелый, все-таки, человек. Говорят, у людей должна совпадать энергетика — тогда чувствуешь к человеку расположение. А у нас с Агатовым, похоже, полный резонанс.

И несмотря на это — он лучшее, что можно сейчас сделать для фирмы. Осталось только суметь удержать поводок.

Взгляд цепляется за купюру, лежащую на столе.

Тут много для одной чашки кофе. Агатов заплатил и за меня тоже. Да еще и на чаевые больше половины. Ну и ладно. Вертеть носом я не собираюсь.

Допив чай, встаю и иду к выходу.

Демьян ждет на стоянке... Против воли вспоминаю слова Агатова о «любимой девушке». Не то, чтобы я обманывалась насчет интереса Демьяна, но любовь?

Дыхание сбивается, а сердце начинает отстукивать чечетку.

Идиотская реакция.

И ситуация тоже.

Демьян женат. То есть, в процессе развода, и все-таки не свободен. А что касается чувств. Обычная физиология. Ну, может, капельку ностальгии.

Только уверенности по-прежнему нет, а та маленькая девочка, которую я давным-давно оставила в прошлом, вновь дает о себе знать. С восторгом хлопает в ладоши и требует большего, чем просто дружба.

Ох, опять эти глупости! Ни за что!

Я не собираюсь больше играть в игры. И если заведу отношения, то с человеком, который будет принимать и мою дочь тоже.

Выхожу на стоянку, а Демьян уже идет навстречу широким шагом.

— Алена! — подходит в плотную. На мгновение кажется, что он хочет меня обнять, но вместо этого лишь касается рукава. — Я уже начал волноваться. Как все прошло?

Почему-то становится неловко. Демьян хотел пойти со мной, но я его тормознула, и он остался ждать в машине.

— Все хорошо. Наверное. Завтра встречаемся с Агатовым в офисе.

Демьян недовольно поджимает губы, но не комментирует. Хорошо. Я и сама знаю, что моя затея шита белыми нитками.

— Теперь к дочке? — спрашивает, подводя к машине и помогая устроиться. Черт... Я скоро начну воспринимать это за ухаживания. Щекам снова становится жарко.

— Да, пожалуйста. Привезу Ульяне немного вкусного. И поговорить надо...

***

Демьян

День проходит в совершенно суматошном ритме. Пока Аленька сражается с Агатовым, я отбиваюсь от Оболенского.

Кто-то донес ему о разводе. Причем это была не Юлия. Она потом обещала позвонить отцу, успокоить. Но перед этим тот клялся оставить меня с голым задом. Ну что ж, удачи ему.

У меня уже была финансовая подушка, до которой не дотянутся загребущие лапы почти бывшего тестя.

Думал, трубка в руке расплавится.

Оболенский совершенно не желал воспринимать, что развод — обоюдное решение. Только если дочери он побоялся выносить мозг, то я получил за двоих.

Пусть так.

В итоге он ничего не сможет сделать. Зато я очень скоро стану свободным.

— Еще чаю? — оборачиваюсь к Алене.

Та напряженно всматривается в экран ноутбука.

Работает над очередной задачкой по веб-дизайну. У нее реально круто получается. Но, кроме того, от работы Аленька получает удовольствие.

Ей бы не цифрами-отчетами заниматься, а посвятить себя любимому деду. Начать развивать свой талант — он ведь несть, и не маленький! Но я не лезу.

Она — взрослая девочка. И сама все прекрасно знает.

— Да, наверное, — бормочет, кидая на меня рассеянный взгляд.

Давлю в себе желание наплевать на чай и заняться куда более интересными вещами.

Аленка до невозможности милая в своей серо-лавандовой пижаме и шерстяных носочках. У нее всегда зимой ноги мерзнут, я помню.

Усесться бы рядом, схватить в охапку и... Отворачиваюсь и иду на кухню. Не очень хочется продемонстрировать свою вполне определенную реакцию. И хоть я сейчас запросто могу склеить какую-нибудь девушку для разрядки, но нужна мне одна. Поэтому — сжимаю зубы и терплю.

— Спасибо, — благодарит Аленка, когда приношу то, что она просила.

— Покажешь?

Устраиваюсь рядом. Не могу себе отказать.

— Да, ничего особенного, немного подправить визитки мебельного магазина. Шрифт тут просто аховый. Ну и кое-что еще...

Хм, действительно. Работа Алены смотрится куда приятнее. Стильные.

— Супер, — хвалю абсолютно искреннее. — Тебе пора брать за работу деньги.

Алена только вздыхает.

— Боюсь, у меня скоро не будет времени на это баловство.

Точно... Сегодня врач сказал, что вполне вероятно выписка Наденьки состоится через несколько дней.

Несмотря на преждевременные роды, ребенок чувствовал себя хорошо и не нуждался в долгом наблюдении.

— Это не баловство, — замечаю мягко. — К тому же я буду рядом.

Алена поворачивается ко мне. Наши лица очень близко, и я из последних сил заставляю себя не смотреть на ее губы.

Черт, как же хочется...

— Будешь нянчить чужого ребенка? — слегка выгибает бровь.

Вроде бы шутит, но по глазам вижу — ждет ответа. Правдивого.

— Это не чужой ребенок. Наденька, твоядочь. Для меня это главное.

Алена соблазнительно прикусывает нижнюю губу.

Не могу удержаться, осторожно запроляю выбившийся локон за ухо. И не встречаю сопротивления. С ненормальным восторгом фиксирую, как ее зрачки расширяются, а дыхание сбивается.

А, пошло все к черту!

Наклоняюсь и целую желанные до сердечных судорог губы.

***

Поцелуй обжигает до головокружения. Неожиданный, непривычный и такой... сладкий. На мгновение теряюсь в водовороте охвативших эмоций, а когда прихожу в себя понимаю — мои руки обвивают шею Демьяна, а язык вытворяет совершенно немыслимые вещи, сплетаясь с другим в чувственном танце.

Низ живота прошивает острым разрядом желания.

Дыхания нет и сил оттолкнуть тоже.

Мышцы разом превращаются в студень, а вместо крови жгучее вино, от которого голова кругом.

Родной до невозможности запах окутывает жарким коконом.

Руки Демьяна везде. Гладят напористо, даже жестко. Жадно. И от этой жадности меня сшибает цунами ответного желания.

Из горла рвется стон. Такой громкий — сама пугаюсь. И это придает сил.

Сдаю назад, и, к огромному разочарованию, Демьян отпускает.

— Прости, — хрипит, а у самого глаза темные, до синевы.

Между бедер голодно тянет. О, как хорошо я знаю этот взгляд! Демьян буквально в шаге от того, чтобы не бросится на меня, наплевав на все запреты.

— Нам нельзя, — пытаюсь выровнять дыхание. — Демьян, я... не думаю, что мы...

«Что мы» что? Не сможем быть вместе? Правильно делаем? Готовы к отношениям?

Сама теряюсь от множества вопросов. Тону в них, путаюсь... Не хочу отношений! Особенно с Ястребовским! Он — пройденный этап! Или нет?

«Все для любимой девушки», — издевательски шепчет над ухом голос Агатова.

С силой тру лоб и отсаживаюсь дальше. Не верю. Не могу больше.

— Это слишком быстро, понимаю, — криво улыбается Демьян. — Я должен сначала развестись, а потом...

— Никаких потом! — вскидываю ладони. — Давай не будем портить отношения, окей?

Демьян мрачнеет.

Да что я такого сказала? Мы ведь и правда отлично общаемся. Но если перевести это в горизонтальную плоскость, боюсь даже представить, что будет. За себя боюсь.

Поэтому нет. Хватит. И вообще — у меня дочь!

Но как на зло в память намертво вклинились слова Демьяна о том, что ребенок — мой, а остальное для него не важно.

И опять скептик внутри меня упирается всеми лапами.

Я уже ныряла в омут с головой. И едва в себя пришла. Второй раз на те же грабли наступать не собираюсь.

Хватаю ноут и опять пытаюсь сконцентрироваться на работе.

Демьян никуда не уходит.

Это слегка нервирует. Но явного протеста не вызывает. Скорее, я чувствую смущение. И непонятное предвкушение. А еще немного дискомфортно — трусики успели промокнуть, а сходить в ванную — значит дать Демьяну понять, что моя реакция далека от простой растерянности или любопытства.

Черт!

Пока я бездумно пялюсь в экран, Ястребовский уходит в кухню и там хозяйничает.

Слышу, как звонит его мобильный.

И фактически кожей чувствую сгустившееся напряжение.

Демьян нервничает. Мне даже не нужно его видеть — достаточно приглушенного тембра голоса. Все во мне реагирует на Ястребовского

О боже... Когда это закончится?

Сердито стучу по клавишам.

Заставляю себя работать до тех пор, пока Демьян снова не объявляется в комнате. Выглядит хмурым и собранным.

— Шахов в Питере, — поясняет недовольно. — Зачем-то понадобилось встретиться.

Шахов... А, это же тот самый, с которым Демьян сотрудничает. Но уже вечер. Что за спешка?

Вопросительно смотрю на Демьяна. Однако он, похоже, сам не знает. Торопливо

прощается и покидает квартиру.

А мне самое время вздохнуть от облегчения.

Только совсем не хочется.

А на губах до сих пор горит сладкий, как мед, поцелуй. И внизу живота голодно тянет.

Вздохнув, плетусь в спальню. Нужно ложиться. Мне еще завтра с Агатовым разговаривать.

Утром меня забирает Демьян. Уже в привычку это вошло... Даже как-то неудобно. Иногда я отказываюсь, но сейчас очень хочу его компании.

Агатов наверняка ждет. Заявится, как только я усядусь в кресло, некогда принадлежавшее Артуру.

Ежусь. Совсем не готова к новой стычке! Но за меня никто этого не сделает.

— Если что, я рядом, — спокойно напоминает Демьян. — И всегда готов начистить эту самодовольную рожу.

Пытается развеселить, но моя улыбка выходит нервной.

— Спасибо... Надеюсь, я справлюсь сама.

— Думаю, что справишься, — кивает уверенно. — Как дочка и Ульяна?

— Пока хорошо.

Это единственное, что меня сегодня радует. Врач говорит, что скоро дочка будет дома, но до этого момента я обязана решить все вопросы.

— А ты вчера как? — интересуюсь вяло. — Решил вопросы?

— Угу... Шахов в Питер перебраться решил. В спешном порядке обустроивается на новом месте. Похоже, приехал за девушкой...

Неопределенно хмыкаю. Да уж... Если ради дамы сердца сорвался, значит дело серьезное.

— ...Выкупил фирму, где она работает, а ее в личные помощники перевел. Я вера стал невольным свидетелем скандала.

— Живут же люди, — бормочу, внутренне готовясь к неприятной встрече.

На самом деле мне глубоко плевать на Шахова. Чем ближе офис, тем сильнее я нервничаю.

В кабинет захожу, как в логово дракона.

— Елена Николаевна, может, вам кофе? — щебечет Марьяша. — Только мне в бухгалтерию еще сбегать надо, кое-что занести.

— Беги, — разрешаю ей. — А потом кофе.

Марьяша стучит каблучками по плитке. В белой блузке и узкой голубенькой юбке она кажется совсем юной студенткой, хотя разница в возрасте у нас небольшая.

Усаживаюсь в кресло и пытаюсь сосредоточиться. Но только успеваю немного выдохнуть — стук в дверь. Марьяша вернулась?

А секундой позже уже цепляюсь за подлокотники кресла. Нет, не Марьяша.

Агатов собственной персоной.

— Не хотелось бы без приглашения, но ваш секретарь задерживается, — улыбается лучезарно. — Похоже, ей срочно понадобилось застирать блузку от пятен кофе.

Смысл сказанных слов доходит с трудом. Давлю из себя вежливую и максимально холодную улыбку.

— И вам доброе утро.

Моя шпилька проходит мимо Агатова. Элегантный и чертовски бодрый, он с видом хозяина оглядывает кабинет.

И это мне не нравится.

Похоже, предстоит борьба. Только пусть не рассчитывает на легкую победу! За фирму я

буду драться до последнего и лучше продам ее кому-нибудь другому, но только не этому холеному киборгу.

— Где договор? — оглушает неожиданным вопросом.

Растерянно хлопаю ресницами.

— Ч-что?

Ой, ну что за мямля! Одна хищная улыбка — и язык прилипает к небу. У этого мужчины дьявольская энергетика.

— Договор, — терпеливо повторяет Агатов. — Я согласен поработать на вас, Елена Николаевна...

Дух перехватывает.

Вот так просто?! Не выдерживаю и с силой тру виски. Мне мерещится. Агатов наверняка задумал какую-то гадость. Подозрительно смотрю на мужчину, силясь прочесть в его глазах хоть намек на издевку.

Но нет. Владислав Маркович абсолютно серьезен.

— ...Не ищите в моих словах подвоха, — продолжает ровно. — Возможно, вам не понравятся встречные условия.

— Фирму не отдам.

Это не только память о муже, но и наследие нашей с Артуром дочери. Агатов может сразу закатать губу.

Мужчина снисходительно фыркает.

— Условия оплаты и труда.

Хм, вот это больше похоже на реальность.

— И какие же у вас условия?

— Восемьдесят процентов чистой прибыли мои. И этот кабинет тоже. Так и быть, вместе с секретаршей.

Распахиваю рот, чтобы возразить, но тут же закрываю обратно.

Даже если мне достанется двадцать процентов, то на жизнь хватит с лихвой, но...

— Шестьдесят.

— Согласен.

Черт! Агатов наверняка рассчитывал получить меньше и поэтому специально завысил планку. А я повелась.

Мужчина фыркает.

— Не смотрите так сердито, Елена Николаевна. Каждый хорош в своем.

— Очевидно, комплименты не ваш конек, — шиплю уязвленно.

Мужчина равнодушно жмет плечами. Ему все равно.

— Предлагаю приступить к оформлению документов. Время — деньги, как говорится.

— В любом случае я дам проверить бумаги моим юристам. Фирму вы не получите.

Но и это не трогает Агатова. Кажется, он всерьез настроен обосноваться в этом кабинете, пусть даже на правах временного руководителя... Ох, нужно будет предупредить Марьяшу. Переведу ее на другую должность, если Владислав Маркович вздумает вести себя плохо.

Глубоко вздохнув, тянусь к телефону — обрадовать Витко. Он точно поддержит мое решение.

Внутри все еще скребется тревога, но отступить поздно. Это — лучший выход для всех.

***

Демьян

Шарики, цветы и огромная сумка с разными детскими игрушками. Ее я оставил в машине. Остальное взял с собой. И не зря.

Аленка ахает, увидев меня с подарками.

— Демьян, не стоило!

— Очень даже стоило. Ульяна, это вам — вручаю букет женщине. Та с удовольствием принимает подарок. — Алена, — протягиваю второй молодой мамочке, но та легонько качает головой.

— Заняты руки, — отвечает с улыбкой.

— Вообще то я рассчитывал подержать.

Аленка удивленно вздергивает брови. Но, поколебавшись, протягивает перевязанный розовой ленточкой конверт.

Там, в теплом одеяльце и фланелевых пеленках мирно сопит Наденька.

— Очень на тебя похожа, — бормочу, рассматривая щекастое личико.

— Вот и я говорю, — смеется Ульяна. — А ты мне не веришь.

Аленка смущенно смеется. А сама будто светится изнутри, сияет. И в глазах совершенно особенное выражение.

Вместе мы направляемся к машине.

Сначала отвозим Ульяну, как раз по пути. Женщины тепло прощаются. Знаю, что Алена хочет попробовать давать Наденьке грудное молоко. Врач разрешил, да и желающие поделиться нашлись.

— Теперь домой, — шепчет Алена, когда Ульяна скрывается в подъезде.

— С удовольствием.

Мы возвращаемся в квартиру. Речь о переезде обратно за город пока не идет. Может, это и хорошо.

— Ох, не верится даже, — шепчет Аленка, переступая порог.

Аккуратно несет дочку в комнату и укладывает на пеленальный столик.

Трусь рядом. После того, как Алена каким-то чудом уломала Агатова работать на Орион, мы с ней переключились на подготовку квартиры к присутствию ребенка. То есть, все и так было практически готово, но кое-что требовало доработки.

Наденька недовольно кряхтит, когда Алена вытаскивает ее из конверта, а потом и вовсе начинает громко плакать.

На лице Алены растерянность. А еще страх. Она пытается укачать дочку, но та заводится лишь сильнее.

— Можно мне? — прошу осторожно. — А ты пока переоденься.

— Да, точно... — осторожно передает мне девочку.

Та не собирается затихать.

Я вышагиваю вдоль комнаты, покачивая ребенка и пытаюсь вспомнить хоть одну детскую сказку или песенку.

С этим у меня туго — получается отсебятина, но Наденька, кажется, не слишком привередлива.

Хныканье становится тише.

А потом появляется Алена с теплой бутылочкой молока.

— Вот, — улыбается нервно. — Ей покушать надо. И памперс сменить.

В четыре руки дело идет быстро. Наденька периодически высказывает недовольство,

особенно при смене подгузника.

— Господи, какие крошечные пальчики, — шепчет Алена, меняя носочки на более легкие.

Разделяю ее восторг. Наденька похожа на игрушку, только очень голосистую. Но все равно хочется потискать.

Наконец, девочка засыпает.

Аленка смахивает с лица выбившийся локон и нервно улыбается.

— Похоже, мне нужно в душ. Семь потов сошло.

— Брось, ты отлично справляешься.

— Все равно страшно. Чувствую себя такой... беспомощной.

И опять нервная улыбка. Плюнув на все, подхожу и заключаю Аленку в объятия. Прямо млею от ощущения, что она сама ко мне льнет.

— Ты — прекрасная мама, — веду ладонью вдоль хрупкой спины. — И всему научишься.

Знаю, что первое время сюда будет приходиться няня для подстраховки. Алена очень боится сделать что-то не так, хотя посещала родительские курсы. Там показывали, как правильно купать и пеленать. Но одно дело — тренироваться на кукле, а другое — живой ребенок.

Мне тоже страшно. Но по другому поводу. Боюсь, что Алена решит, что моя помощь — это лишнее. А я хочу остаться в этой квартире. Желательно, надолго.

Тихонько вздохнув, Аленка отстраняется.

— Давай поедим? Я голодная, просто ужас. А завтра еще и простав на работе.

Да уж... Алена не хотела шумной выписки. Говорит, счастье любит тишину. Согласен. Никогда не любил шумные сборища. И тяга к тусовкам, на которые вечно меня тащила Юлия, очень быстро ушла.

Так что небольшой сабантуй в кругу коллег — самое оно.

Я уже решил все организационные вопросы.

Идем с Аленкой в кухню, но только присаживаемся за стол, Наденька снова подает голос.

Аленка бежит к дочке. А я отчетливо понимаю — эта ночь простой не будет. Останусь как я лучше здесь. Думаю, мне не откажут.

***

Глаза слипаются.

Я автоматически улыбаюсь, принимая поздравления, но веки так и норовят захлопнуться, а вон тот диванчик в углу так и манит прилечь.

— Узнаю этот взгляд, — хитро щурится Витко. — Моя первая жена тоже сомнамбулой ходила, и я заодно. Сын давал нам жару.

Улыбаюсь. Арнольд Денисович в своем репертуаре.

— Я очень надеюсь на режим.

Но Витко только рукой взмахивает.

— Мы тоже надеялись. А вышло как вышло. Все-таки правильно вы поступили, Елена Николаевна, — указывает взглядом на Агатова. — Орион в надежных руках.

Да уж, и возразить нечего. Владислав Маркович в работу влился, будто свой. Не скажу, что это приятно осознавать, но такова правда. Он опытнее, я — нет. Да и приоритеты у меня другие. Зато вот уже несколько приглашений на стажировку в качестве веб дизайнера. И я

очень хочу попробовать. Эта работа приносит мне радость.

Взгляд скользит по немногочисленной толпе. Рядовых сотрудников я отпустила, на каждый отдел было куплено по вкусному подарку. А вот начальники тут в полном составе... Только Агатов где-то бродит.

Странно, еще пять минут назад видела его здесь.

Тревожное чувство подстегивает идти поискать пропажу. Глупо. Может, он в туалет отлучился? Вряд ли новоиспеченный руководитель Ориона будет занят попытками развалить фирму. Наш договор составлен максимально качественно. Чем лучше фирме, тем лучше Агатову, а за недобросовестное исполнение обязанностей солидные штрафы.

Но ноги несут меня к выходу из конференц-зала.

Дойти не успеваю — мужчина входит обратно.

Обоняния касается легкий запах табака.

Понятно. Выходил покурить.

— Уже покидаете нас, Елена Николаевна? — интересуется вежливо.

Прямо образец добродушия! И не скажешь, что еще совсем недавно пытался захватить фирму Артура.

— Да, пора возвращаться к дочке. До свидания, — обхожу мужчину.

Антипатия к нему все еще скребется на доньшке сердца. Не думаю, что она исчезнет скоро.

В кармане вибрирует мобильный. Демьян.

Улыбаюсь, глядя на экран. Как будто чувствовал, что я собираюсь уходить.

— Алло?

— Аленка, — в голосе Демьяна звучит затаенная радость. — Как ты насчет гонконгских вафель?

Смеюсь. Знает, чем купить.

— Только если дома. Наденька с няней, но не хочу ее надолго оставлять.

— Договорились. Жди с корзинкой.

И отключается.

Ох ты... Что случилось такое? После бессонной ночи Демьян исчез по делам. Что-то там с его инвестором-коллегой Шаховым. Я так и не поняла, какого рода у них договор.

Ну а я поехала на работу, решать оставшиеся вопросы.

И после сегодняшнего дня с чистой совестью могу возвращаться домой. Теперь мое присутствие в фирме будет сводиться к нескольким часам в день.

Водитель везет обратно, ненавязчиво рассказывая про то, как растил с женой своих деток. А я чувствую приятную усталость.

Хочется скорее к дочке, и чтобы там ждал Демьян...

Сонливость как рукой снимает. Беспokoйно ерзаю на сидении. А внутри дрожит и разливается до боли знакомое тепло. Ох нет... Только не снова. Но сопротивление разума не находит отклика в сердце.

И попытки сосредоточится на том, что Демьян женат, просто смехотворны. Он уже вот-вот разведется...

Нет. Не вот-вот, а уже.

— Сегодня двойной праздник, Аленка, — Демьян встречает меня на парковке с широкой ухмылкой и корзинкой, полной всяких вкусностей. — Давай отметим первый мой день свободной жизни. Не представляешь, как я этого ждал.

И мне достается очень многообещающий взгляд.

Демьян

Мне срочно нужно привыкнуть, что если у тебя есть планы, то они очень быстро могут быть нарушены одной хорошенькой, но очень капризной девочкой.

— Не пойму, что я делаю не так, — чуть не плача шепчет Алена. — Сухая, сытая... Может, врача?

— Не думаю, — я шагаю из одного угла комнаты в другой, пытаюсь успокоить малышку. — Она просто адаптируется.

— Она плачет!

— Все младенцы плачут.

— Дай мне, — требовательно протягивает руки.

Не очень хорошая идея. Дети чувствуют настроение родителей, но я отдаю. Наденька заходится пуще прежнего. Алена изо всех сил пытается ее успокоить. Качает, поет, но в итоге сдается — и девочка снова в моих руках.

— Ты просто напряжена, — замечаю мягко. — Все хорошо.

Аленка злится. Я вижу в ее глазах отчаянье и немного зависти. Понимаю, ей хочется быть супер-мамой, но это так не работает.

— Знаешь, я в детстве очень хотел брата или сестру, — признаюсь тихо. — Представлял, как буду нянчить младенца, гулять с ним, менять пеленки. И в то же самое время понимал, что его жизнь будет такой же отвратной, как моя. Я ведь даже не помню, когда меняебили. Как еще жив остался, черт его знает... И поэтому приходилось довольствоваться куклой...

Брови Аленки удивленно взлетают. В глазах появляется интерес и немного расслабленности. Наденька тоже притихла. Только кряхтит.

— ... Да, именно куклой, — улыбаюсь криво. — Нянчил ее, подальше от чужих глаз. Даже платье шить пытался.

— Ох, Демьян...

— Да ладно. Тебе признаться не стыдно. Это теперь я понимаю, что только ты принимала меня таким, как есть. Со всеми заморочками и тараканами.

Щечки Алены слегка розовеют.

— Наши тараканы просто сдружились. У меня, знаешь ли, была куча комплексов из-за предательства матери.

— Ты с ней по-прежнему не общаешься?

— Нет. И не хочу. Ей было плевать на дочь до тех пор, пока деньги не понадобились. Я отправила, сколько посчитала нужным и просила больше не беспокоить. Для меня эта женщина — просто биологическая родительница.

И Аленка зевает, прикрывая ротик ладонью.

— Вот видишь, — сам передаю задремавшую Наденьку девушке. — У вас начинают совпадать био-ритмы. Ничего, вот начнутся колики...

На меня сердито шикают. Алена осторожно переносит Наденьку в постельку. Колыбелька стоит вплотную с двуспальной кроватью, бортик снят. Алена может не вставая с постели протянуть руку и коснуться девочки.

— Останешься с нами? — шепчет вдруг.

Сердце делает кульбит и ухает о грудную клетку.

— Конечно, останусь. Но Алена... я бы хотел остаться насовсем.

***

На мгновение перехватывает дыхание. Не знаю, как реагировать, а Демьян в два счета оказывается рядом и сгребает в охапку.

Слабо трепыхаюсь.

— Демьян, я...

— Все еще злишься?

— Нет.

Слово срывается прежде, чем успеваю подумать. А ведь я действительно не злюсь. От прошлой боли остался лишь пепел, он не тревожит.

Но и глуповато-восторженной Аленки тоже больше нет.

— Тогда почему? Не нравлюсь?

Вдыхаю, чтобы ответить, но не могу. Не могу врать.

Демьян толкует мою заминку иначе. Небесно-голубые глаза темнеют.

— Сейчас проверим, — шепчет угрожающе и, склонившись, целует.

Голову моментально ведет. Цепляюсь за широкие плечи, чтобы оттолкнуть, но вместо этого позволяю мужскому языку скользнуть внутрь.

Идиотка!

Нельзя подпускать близко! Хватит! Одного раза было достаточно! Мы же... он... он не...

Мысли путаются, будто я перебрала с алкоголем. Мягкое тепло бежит вдоль позвоночника, вслед за мужской ладонью, и сворачивается внизу живота раскалённой пружинкой.

Меня встряхивает.

Демьян отвечает сдавленным стоном и набрасывается с таким напором, что ноги подгибаются.

Господи! У нас же никогда не было так... Не целовал он так жадно и долго.

Под попой оказывается край стола. Его руки в наглуую шарят под кофточкой, а я не могу оторваться от изумительно-желанных губ. Это слаще, чем первый поцелуй. Намного! Сердце колотится в груди райской пташкой и, наверное, я бы просто плюнула на все и позволила себе забыться, но слуха коснулось тихое хныканье.

Дочка!

Демьян среагировал моментально. Отпустил и даже отступил на шаг. А глаза темные от страсти, шальные. И от этого взгляда ноги подгибаются, а по коже бегут теплые мурашки.

Чуть не промахнувшись мимо двери, сбегая к дочке.

Но нет, ложная тревога. Наденька просто выплюнула соску, но стоило вернуть пустышку на место, сладко зачмокала и вновь уснула.

Опершись на бортик кровати, перевожу дыхание.

Так Алена... То есть Елена... Черт! Не важно. Сейчас нужно собраться, перевести дух и...

— Алён, — шепчет за спиной бархатный голос. Демьян приближается и мягко обнимает за талию. — Будь моей девушкой.

***

Демьян

Аленка каменеет. Я и сам дышу через раз. Все силы уходят на борьбу с желанием послать благородство к чертям собачьим и повалить свою женщину на постель.

Да, именно свою.

Нахрен мне больше никто не нужен, и клянусь, до последнего биться буду, только бы вернуть.

— Демьян, — пытается аккуратно освободиться, — я...

— Погоди, не отвечай сейчас...

Буквально наступая себе на горло, я размыкаю объятья. Аленка отстраняется, но вреда бы не намерена гнать меня взащей. Уже хорошо.

— ... Давай я предложу еще раз, но позже? — продолжаю, внимательно отслеживая каждую эмоцию. — Знаю, ты мне не доверяешь. Как мужчине, — добавляю поспешно. — Но дай шанс доказать, что...

«Что я тебя люблю».

— ... что мы сможем быть вместе как пара. Настоящая.

Аленка снова вздыхает. Бросает быстрый взгляд в сторону дочки.

— И Наденька меня тоже не смущает, — добавляю, верно истолковав тень, промелькнувшую в серых омутах. — Она твоя дочка. Часть твоей жизни. И я правда очень хочу в этом участвовать.

Черт! Как же криво звучит! Но от волнения язык в узел завязывается.

Аленка трет лоб. Опять глядит на дочку, потом на меня. По спине пот градом, жду ее решения, как приговора.

— Мне подумать надо, — шепчет наконец.

И я с облегчением вздыхаю. Подумать — это хорошо. Хотела бы меня Аленка послать — уже бы это сделала. Значит, не все так плохо!

— Сколько угодно, — соглашаюсь легко. — Но предупреждаю сразу — я буду ухаживать.

***

В дверь звонят.

Не глядя на экран могу сказать — опять курьер с цветами или подарком. Не знаю, что в этот раз придумал Демьян.

— Ну чего застыла? — Ульяна игриво выгибает бровь. — Открывай.

Наденька весело чмокает соской. Она согласна со своей будущей крестной мамой.

— У меня скоро вазы закончатся, — бурчу, а у самой пульс зашкаливает.

Демьян осаживал меня по всем фронтам. Подарки, комплименты, намеки...

Но я все медлила. Нет, не из-за желания «поломаться». Просто мне чертовски необходимо как следует взвесить все за и против.

Не уверена, что смогу заново себя собрать, если вдруг у нас не сложится. Да и в прошлый раз меня вытянул Артур. То есть, мы друг другу помогли... Не важно!

В общем, я боюсь.

Глупо, сама знаю, но страх быть брошенной въелся в подкорку.

За дверью, ожидаемо, топчется курьер.

— Здравствуйте-распишитесь-за-посылку, — тараторит юноша, подсовывая мне планшет.

Чтобы не задерживать, быстренько ставлю подпись и забираю коробку, обернутую в плотную коричневую бумагу.

Уже интересно... Что Демьян придумал на этот раз? За мной никогда так не

ухаживали... Даже с Артуром все прошло без особой романтики. Мы оба были тогда к этому равнодушны. А теперь...

— У тебя глаза блестя, как звездочки, — смеется Ульяна.

И вдруг тихонько вздыхает. Ее взгляд туманится воспоминаниями о прошлом.

Почему-то мне кажется, что она до сих пор не смогла забыть Тамира. Вернее, Тамерлана. Теперь я знаю полное имя отца ее дочери. И даже нашла его в интернете. То есть, думаю, что нашла... Но по внешности мужчина подходит. И он действительно очень красив. Даринка очень на него похожа.

— Ну, открывай же, — торопит Ульяна.

И я с удовольствием выполняю ее просьбу.

— О господи, — ахаю, не веря своим глазам. — Это же...

Называю имя знаменитого итальянского мастера, но Ульяна только плечами жмет. Она о таком не слышала.

— Не важно, в общем. Это коллекционная вещь. Очень дорогая. Нет, такое я принять не могу.

— Тут записка еще.

Ну куда уж без нее! Аккуратно беру кусочек картона, украшенный тиснением.

«Не вздумай отказываться. Иначе пришлю еще несколько штук. P.S. Очень рассчитываю на поцелуй благодарности. Или, хотя бы, чашечку чая».

И смайлик.

— Вот наглец, — качаю головой, но не могу сдержать улыбки.

Демьян знает меня, как облупленную. И это волнует и завлекает.

Но радость от неожиданного, но очень желанного подарка меркнет вместе с неожиданным звонком от начальника охраны коттеджного поселка.

— Здравствуйте, Елена Николаевна, — озабочено гудит мужчина. — Могли бы вы сегодня подъехать? Ваш дом, кхм, пытались поджечь.

Я чуть телефон не роняю. Только этого мне не хватало!

***

Демьян

— Ты знаешь, что делать, — Шахов двигает ко мне флэшку.

А я по лицу вижу, не о работе думает, а о девушке, минуту назад скрывшейся в дверях. Кажется, это его личная помощница. Эффектная, надо сказать. Но ее красота нетипична. И уж точно безо всякой вульгарщины. А те взгляды, которые она кидала на мужчину... как еще Шахов не превратился в кучку пепла?

Между этими двумя искрило так, что хотелось закрыть голову руками и поскорее валить — как бы не перепало!

— Будет готово через недельки две. Хорошие у вас безопасники, — хмыкаю, отмечая работу людей, взломавших мою прогу.

Обычная процедура — я пишу программу, а специально обученные люди находят в ней брешь. Исправляю, и снова. До тех пор, пока заказчика не устроит результат.

— Да, неплохие, — Шахов откидывается на спинку кресла и окидывает взглядом кабинет.

Но по лицу вижу — ему моя похвала до одного места. Черные брови нахмурены, на лице застыла маска, из-за которой то и дело прорывается нетерпеливое раздражение.

Да уж. Видать хорошенько его помощница умеет нервы на кулак мотать.

Прощаюсь и выхожу из кабинета.

Девушка сидит за столом.

Собой она владеет гораздо хуже Шахова, поэтому без труда считываю в ее глазах ярость.

Еще немного, и эта малышка выпустит когти и начнет шипеть

— Уже уходите? — интересуется нервно.

А сама косится на дверь.

— Да. Спасибо за чай.

— Пожалуйста.

— Ангелина, я все еще жду кофе, — оживает селектор.

Девушка едва слышно ругается. И вновь смотрит на меня.

— Пожалуй, прогуляюсь с вами...

— Э-э-э, нет. Я очень спешу.

И сбегая от девушки в прямом смысле этого слова.

Извини, Ангелина. Я тебе сочувствую, но подставляться не хочу. Задницей чувствую, Шахов меня сожрет за один косой взгляд в сторону его помощницы.

Сажусь в машину и достаю мобильный. Нужно набрать Алёнке. Мой подарок уже должны были доставить.

А в груди тревожно екает. Чувствую себя, как на минном поле. Алёна не отталкивает, но и с ответом не торопится.

Наши отношения в прошлом закончились болезненно. И наверняка она не хочет повторения прошлых ошибок. И сейчас я пытаюсь всеми силами убедить ее, что как раньше уже не будет.

— Привет! — первой здоровается Аленка. — Извини, я немного... эм, занята.

Вроде бы говорит, как обычно, но я чувствую тревогу в ее голосе

— Что случилось?

Аленка замаялась. Ненадолго.

— С домом проблема, — выдыхает наконец. — Его подожгли.

— Кто?!

— Да есть тут одни... Я перезвоню, ладно? Составляем протокол... нужно осмотреть повреждения.

— Сейчас приеду. Будь там.

И сбрасываю вызов.

До поселка добираюсь в рекордные сроки.

Охранник меня пропускает без возражений. Похоже, Алена его предупредила.

Добираюсь до нужного дома и сразу же отмечаю выбитое окно и подкопченную стену.

Урон вроде бы невелик, но посмотрим, как там внутри.

На крыльцо выходит Алена. Губы недовольно поджаты, брови нахмурены.

Даже не пытаюсь сдержаться — подхожу и заключаю в объятия.

— Дурные малолетки, — шипит моя валькирия. — Понапиваются, идиоты...

Я облегченно вздыхаю. Признаться, подумал на Оболенского. Что-то он притих последнее время. Агатов, конечно, обещал разобраться, но в искренние мотивы этого индюка в костюме слабо верилось.

— Это дети устроили? — уточняю все-таки.

— Да какие дети! Лбы здоровые! Вечеринка у них тут, оказывается. Ну и вот... Повеселились! Один идиот другому спор проиграл.

— А твой дом тут причём?

— Ни причём! Выбрали случайно. Решили во взломщиков поиграть. А в итоге еще и подожгли. Влезли через окно, светили себе зажигалками. А у меня тюль...

— Так. Ясно. Что с сигнализацией?

— Убрали ее. Отец виновника торжества фирму по сигналкам держит. Вот юные дарования свои силы и опробовали. Закоптили мне всю гостиную! Теперь воняет ужасно. С тюли огонь перекинулся на панно, которое рядом висит. Оно большое. Было... Теперь во всем доме пластиком пахнет!..

Смотрит на меня гневным взглядом.

— ...Детки же от страха сбежали! Даже потушить не пробовали. А я уже думала сюда переезжать обратно. Чтобы Наденька воздухом свежим дышала и...

— Кхм, Елена Николаевна, можно вас? — кашляет кто-то сзади.

Вот черт. Приходится разжать руки.

У входа стоит мужчина в возрасте. Очевидно, один из жильцов поселка.

— Здравствуйте, Эдуард Федорович, — сухо здоровается Аленка. — Как раз собиралась вам звонить.

— Я представляю, с какой целью. Поэтому решил лично принести извинения за сына. И предложить оплатить ремонт, а также на это время пожить в новом доме. Я приобрел его не так давно. В этом же поселке, рядом с ручьем. Хотел отселиться, подарок сыну на совершеннолетие сделать, — усмехнулся криво и поправил очки. — Но теперь думаю, что обойдется. Нужно мальчика воспитывать.

Алена тушуетя.

— Мне как-то неловко... Есть квартира, где я живу. Все в порядке.

— Пожалуйста, не отказывайтесь. Я очень хочу загладить неприятный инцидент. Дом абсолютно новый и готов к проживанию. Обустраивайтесь там на свой вкус.

И, шагнув к нам, мужчина протягивает ключи.

Кинув быстрый взгляд на Алену, беру предложенное.

— Спасибо, — благодарю совершенно искреннее. — Мы воспользуемся вашим предложением.

Лицо Эдуарда Федоровича смягчается. Он явно рад это слышать.

— И огромная моя благодарность, что вы не писали заявление, Елена Николаевна. Мой балбес и сам в шоке от произошедшего. Получилось случайно.

— Ничего. Я... я все понимаю.

Эдуард Федорович кивает и, сдержанно попрощавшись, уходит.

— Ты не писала заявление? — хмыкаю, оборачиваясь к Алене.

Она ежится.

— Тарские тут пять лет как живут... Я его балбеса еще подростком знала.

— Ну, тогда пошли осматривать дом, — звеню ключами.

— Демьян...

— Ничего не знаю. Наденьке свежий воздух нужен. И будет где няню разместить. А то ты скоро дойдешь от бессонницы.

— Другие и без нянь справляются, — бурчит Аленка, но послушно спускается с крыльца.

Перехватываю ее под руку, с удовольствием отмечая, что отстраняться она не спешит.

Вместе мы идем вверх по улице. Новый домик находится у самой кромки леса, около

небольшого ручья. Место благоустроенное, для прогулок с коляской подойдет отлично.

Похоже, Алена со мной солидарна.

Чувствую ее беспокойство и восторг, когда мы заходим в дом.

Он небольшой, в два этажа. Очень уютный, выполнен в деревенском стиле.

— Я думала, тут все в деловом стиле будет... Ну знаешь, вроде хай-тек, все дела...

— Может, Эдуард Федорович любит дома под старину. Не важно. Но он прав, сына нужно воспитывать. А тебе сюда переехать. На время. Тем более ты сделаешь человеку приятное. Он не будет чувствовать за собой вины.

— Я смотрю, ты у Генриха Вольфовича хлеб отбираешь, — бурчит Аленка.

Смеюсь, оценив ее шутку про немца. А потом сгребаю свою бедовую красавицу в охапку и целую.

Волна жара облизывает с головы до ног, а голову ведет с такой силой, что дышать невозможно.

Аленкины губы — как самый сладкий на свете хмель. Пью его жадно, пока не отобрали. Ладони скользят по узкой спине и хрупкой талии, зарываюсь пальцами в распушенные локоны. Че-е-ерт... Как же хочется почувствовать их снова длинными. Намотать на кулак, потянуть слегка и...

— Д-демян, — тихонько стонет Алена.

Опять!

Каждый раз отталкивает, и мне приходится подчиняться! Через силу заставляю себя отстраниться.

— Не удержался.

Голос звучит хрипло, отрывисто. Обвожу пальцем припухшие губы, с удовольствием замечая, как зрачки Аленки расширяются.

Она тоже реагирует. Ей хочется большего. Но не подпускает... Черт. Может, нам обоим к психологу? Вот немец рад будет.

— Нужно заняться переездом, — Аленка отходит от меня на несколько шагов и скрещивает руки на груди.

В глаза не смотрит. А щеки все красные и дышит нервно и часто.

С трудом дается ей равнодушие, вижу-вижу. Да только и я уже на пределе.

— Займемся, — обещаю многозначительно. — Вот прямо сегодня.

— Да, не так я себе представляла новоселье...

Наденька беспокойно хнычет, в сотый раз выплевывая пустышку, а я наматываю круги по гостиной.

Нанятая мною няня неожиданно приболела. Поэтому приходится справляться самой.

Я не жалуясь. И плачь дочки меня совсем не раздражает. Но эта беспомощность... Я ужасно хочу помочь хоть чем-нибудь! Уже и капельки дала, и пеленку теплую на животик клала — ничего не помогает.

Наденька куксится и пачкает памперс.

— Ну что, малышка, давай переодеваться...

Кладу свою красавицу на пеленальный столик. Начинаю переодевать, а у самой прямо горло перехватывает! Какая же она все-таки маленькая и хорошенькая! Хочется обнять, поцеловать и с рук не спускать!

— Не надо плакать, — шепчу, намазывая попку кремом. — Бабушка говорила, что я тоже животиком страдала. Мама с отцом как-то гостили все лето в деревне... Там очень хорошо. Домик все еще стоит, и мы туда обязательно съездим.

Дочка прислушивается к моей болтовне. Ей вообще очень нравится, когда с нею разговаривают.

Особенно Демьян.

Внизу живота приятно тянет и дыхание сбивается.

С каждым днем мне все труднее выдерживать дистанцию, но и в омут без оглядки я тоже не могу! А Ястребовский как чувствует. Все время он рядом, прикасается, обнимает, целует...

Наверное, его надо попросить этого не делать. Мне просто нужно еще немного времени подумать.

В мятущиеся мысли вклинивается перезвон домофона.

Кто это может быть? Уже почти полночь. Но чужих бы не пропустил охранник, это значит... Сердце стукнуло радостно и тревожно. Обругав себя тряпкой, я подхватила Наденьку и пошла к двери.

Так и есть. У ворот топтался Демьян.

— Ты с ума сошел, — прошипела, нажимая кнопку вызова. — Уже поздно!

— Я тоже рад тебя слышать, Алён. Впустишь?

Что за вопросы? Открываю дверь.

Демьян заходит, принося на своей одежде ночную прохладу.

— Привет, — улыбается, а у меня коленки слабеют.

— Привет, — шепчу, взглядом указывая на притихшую Наденьку.

Дочка еще не спит. Ее заинтересовал ночной визитер.

— Я видел, то у тебя свет горит. Решил заехать.

— Может это няня не спала.

— Видимо, мне повезло.

И Демьян идет мыть руки.

— Можно? — спрашивает, когда мы возвращаемся в гостиную.

Жму плечами и отдаю дочь. Мне хотя бы в душ надо сбегать, да и глаза слипаются.

Наденька кряхтит о чем-то своем, но быстро замолкает под воркование Демьяна. Усевшись на кресло, он легко держит девочку одной рукой, а второй подхватывает погремушку и начинает играть.

На мгновение зависаю, рассматривая эту чудесную картину.

Сейчас Демьян прямо как настоящий отец... Пугаюсь этой мысли и сбегая в ванную.

Пока стою под душем, успеваю передумать кучу бредовых мыслей. И все равно не могу понять, как Ястребовский настолько спокойно принимает нас обоих. Ведь это не его ребенок... Можно было бы уличить Демьяна в попытках «подкатить», но я успела убедиться в абсурдности этих домыслов. Ведь общение через силу — оно чувствуется. А Демьян всегда с такой охотой брал Наденьку на руки или погулять.

Так может... попробовать?

Тру полотенцем кожу до красноты.

Я буквально в одном шаге от отношений, о которых мечтала всю юность. И немного потом... Сколько раз представляла, что Демьян вдруг прозреет и кинется к моим ногам. А как только отпустила ситуацию — получите-распишитесь. И что теперь с этим делать? Страшно до ужаса!

Промакивая волосы полотенцем, захожу в комнату.

— Ох, — срывается с губ.

Наденька дремлет, распластавшись на руке Демьяна «самолетиком».

Ястребовский смотрит на меня, и его взгляд медленно съезжает вниз к чуть приоткрывшемуся декольте и голым коленкам.

Внезапно мне становится жарко в легком шелковом халате. Нужно было надеть пижаму. Зачем ее в стирку засунула?! Ну и пусть на ней пятна от молока и еды...

— Уложим ее?

Голос Демьяна хриплый, вибрирующий.

От него кружится голова и слабеют колени. Я знаю это чувство. Оно мне знакомо даже слишком хорошо.

— Да, наверное, — едва ворочаю языком.

Сейчас он Наденьку уложит, а потом попрошу его уйти. Так будет правильно. Как он вообще додумался приехать сюда так поздно? Он же на работе последнее время задерживался подолгу. С Шаховым.

Пока я размышляю, Демьян укладывает дочку. Бережно, очень по... отечески.

Прикусываю губу, силясь унять беспокоящее меня чувство восторга, а Демьян оборачивается и делает шаг вперед.

Такой красивый, с растрёпанными волосами и горячим взглядом. Его глаза почти черные... Как два омота. И я не хочу снова в них утонуть. .Ч.и.т.а.й. .н.а. .К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

Набираю воздух в легкие для короткого «Тебе пора», но Ястребовский быстрее.

Пикнуть не успеваю, Демьян прижимает меня к стене, а сам нависает сверху.

— Не могу больше, — хрипит едва слышно и впивается в мои губы поцелуем.

***

Демьян

Крышу сносит моментально. Меня встряхивает от желания, кровь толчками бьет в пах.

Хочу ее. Не могу... Люблю... Ладони скользят по шелковистой коже бедер, жадно сминая халатик. Думал ведь просто проехаться, посмотреть — как она? Новый дом, первая ночь тут... А витоге сейчас прижимаю к стенке самую охрененную девушку на свете и до

дрожу боюсь услышать «Нет».

Поменялись мы с тобой местами, Аленка моя. Когда-то ты целовала меня жарко, вздрагивая от страха и нетерпения, а теперь наоборот.

Короткими рывками пью кислород, только чтобы не дать ни мгновения передышки.

Все, кончилось терпение. Не могу ждать — это пытка, которой больше не вынесу. Пусть решает. Сейчас.

Аленка дышит рвано и часто. Ее пальчики мнут рубашку на моих плечах, ногти приятно царапаются.

Но я чувствую — она беспокойна. Не может расслабиться, позволить себе больше. Скорее угадываю, чем понимаю, что причина не во мне. Точно. Спальня... то есть, детская... а, черт! Не здесь нужно! Разбудим ребенка!

Подхватываю Аленку на руки и несу в комнату напротив. Там кабинет рабочий. Плевать.

Опять прижимаю к стенке и, уже совершенно потеряв всякий контроль, ныряю ладонью под короткий подол халатика.

Стону от восторга, почувствовав, как там все мокро и горячо.

Все такая же отзывчивая, маленькая моя. Такая же... сладкая. И, дав волю кипевшим внутри чувствам, дергаю за шелковый поясик, оставляя любимую без одежды.

***

В себя прихожу уже на диване.

Мы с Ястребовским оба голые и мокрые от пота. Демьян облапил меня, будто медведь, ногой придавил и все еще внутри, будто хочет лишний раз доказать, что случившееся — не сон.

Боюсь пошевелиться.

Не знаю, как реагировать на собственную слабость.

На языке вертится банальное: «это ничего не значит». Но мне кажется, что стоит заикнуться — и Демьян в прямом смысле заедит меня до самого рассвета, чтобы не осталось сил на разговоры.

— Я тебя люблю, — нежный шепот звучит оглушающе.

Застарелые шрамы дают о себе знать — вспыхивают тянущей болью. Любовь... Больше не верю этим глупостям. Всего лишь похоть, в том числе и у меня. Я ведь живая женщина, с нормальным либидо. Интима у меня не было почти год. Вот и все.

Ястребовский все понимает, стискивает крепче.

— Не веришь, да?

Гладит по обнаженной спине, перебирает волосы на затылке. Часть меня хочет растаять у ног мужчины и послать все сомнения к черту, но другая не дает. Мы оба слишком изменились. Нового Демьяна я не знаю, а со старым связываться не хочу.

— Дём...

— Постой, не говори ничего. Я понимаю, что... Черт, — выдыхает зло. — Что все непросто. Но я все равно буду рядом. Ты не сможешь прогнать — я просто не уйду. И Наденька — она тоже дорога мне. Как дочь.

До боли прикусываю губу. Сладкие слова! Но ребенок — это не игрушка.

— Давай поговорим позже, — пытаюсь увильнуть.

Демьяну это не нравится. Чувствую его злость и недовольство. А как же! Аленка не бросилась на шею, захлебываясь ответным признанием.

Но он прав — все не просто. Мне нужно еще немного времени. А секс... Что ж, это еще не повод для отношений.

— Какая-то ты сонная... Опять дочка концерты устраивала?

Вроде бы голос Ульяны звучит заботливо, а в глазах хитринка. Я вновь широко зеваю, чтобы хоть так скрыть смущение.

— Н-нет... То есть да. Маленькие дети такие беспокойные. Ну ты знаешь...

— И взрослые дяденьки тоже, — смеется Ульяна, а я все-таки краснею.

— Очень заметно, да? — интересуюсь вяло.

— Да он так на тебя смотрит, что просто ух! Как на тебе платье еще держится?

Ульяна во всю веселится. В легком сарафане и с распущенными волосами — она напоминает богиню плодородия: веселую, фигуристую и безумно красивую. На нее оборачиваются мужчины. А женщины провожают восхищенными и завистливыми взглядами.

Я тоже немного завидую, по-доброму.

Ульяна собирается начать свое дело, маленькую ферму хочет. Уже и участок земли присмотрела, очень удобный. Идет оформление документов.

Она вся в приятных хлопотах, а я...

— Как я еще на ногах держусь, — бурчу, делая крохотный глоток чая. — Это не мужчина, а секс-террорист какой-то.

Ульяна только глаза закатывает, но не комментирует. А что тут скажешь?

При любой удобной возможности Демьян спешил доказать, кто моему телу хозяин. Не то, чтобы мне не нравились подобные методы... Щеки заливаает румянец. Кому я вру?

То, что происходило с нами в горизонтальной плоскости нельзя было назвать нормальным. Даже в прошлом Демьян не проявлял такого пыла, а я не отвечала так жарко.

Если бы не Наденька, мы бы просто заперлись в комнате на месяцок-другой, выбираясь только поесть или попить.

Кстати о еде.

— Салат у них испортился, что ли, — морщусь, отодвигая тарелку с цезарем. — Как ты его ешь?

Ульяна моментально подбирается, смотрит так, что я даже пугаюсь.

— Что такое? — ерзаю на стуле. — Это мне не повезло, да?

— Смотря как сказать... У тебя критические давно были?

Распахиваю рот, и тут же закрываю обратно. Кидает в жару, а потом в лютый холод. Отвожу глаза, силясь сосредоточиться на элегантно обставленной кафетерии. Я пришла сюда перекусить после работы. Заодно и с Ульяной повидаться.

Видимо, зря. Сегодня подруга странно себя ведет. И вопросы у нее дурацкие.

— Ульян, я же...

— Помню-помню. Ну так что? Когда были?

А вот это уже начинает злить. Встать бы и уйти, но рука тянется к телефону. Там календарь. А в календаре...

— Полторы недели задержки, — шепчу не своим голосом.

А стол вдруг уплывать начинает. Картинка смазывается, и последнее, что я помню — испуганный крик Ульяны.

— Девушка... Девушка... Очнитесь.

В нос тычет что-то очень вонючее. Стону, пытаюсь отмахнуться от едкого запаха, но едва шевелюсь. Что со мной? Где я?

И вдруг как обухом по голове, на меня валятся воспоминания.

— Сидите, сидите! — пытается удержать меня молоденькая девушка.

Администратор, наверное.

— Сейчас приедет скорая, вам стало плохо, — тянет меня обратно.

Я в полнейшей прострации. Ни говорить, ни думать не могу. Салат воняет, задержка в неделю...

У меня и раньше были задержки! Это все из-за нервов. Не могу же я... Рука сама ложиться на живот. Нет, совершенно точно не могу. У меня бесплодие.

— А вот и врачи, — звенит где-то сбоку голос Ульяны. — Подожди немного, — мягко подхватывает меня под руку, не давая встать. — Ох, извини... Я такая дура. Сказала не подумав. Не волнуйся, я уже за все заплатила.

Язык, как из ваты, сил нет спорить. Я в полнейшем душевном раздрае. Не могу поверить в предположение Ульяны. Но как же хочется! Безумно, до острой сердечной боли.

— Давление у вас низкое и пульс повышен, — сообщает девушка-фельдшер, когда заканчивает осмотр. — Поедем в больницу?

Но я мотаю головой.

— Нет, спасибо. Мне уже лучше. Просто... переволновалась.

Фельдшер нехотя соглашается. Видимо, у нее еще много работы. А я достаю телефон и набираю очень хорошо знакомый мне номер.

— Здравствуйте, Елена Николаевна, — звучит в трубке мягкий голос Анны Ивановны — моего гинеколога. — Хотите записаться на осмотр?

— Хочу приехать прямо сейчас. У меня, эм... задержка, — понижаю голос.

Хотя рядом с нами уже никого нет.

— Приезжайте, жду.

И врач отключается.

— Сможешь поехать со мной? — обращаюсь к Ульяне. — Ненадолго.

Это трусливо, знаю. Но сейчас мне жизненно необходима поддержка.

— Конечно. Что за вопросы?

И мы вместе идем к машине, чтобы через сорок минут поняться по ступеням частной клиники. Меня немного потряхивает. Не могу ни о чем думать, кроме как о скорейшем приеме у врача. Мне это нужно. Даже если все это — просто стечение обстоятельств, но неизвестность — хуже всего.

— Здравствуйте еще раз, — приветствует меня Анна Ивановна.

Как всегда собранная, аккуратная и со строгой прической пучком. Ей уже почти пятьдесят, но выглядит очень молодо.

— Значит, у вас задержка, — переходит сразу к сути, двигая мне стакан воды.

— Д-да... — запинаясь, не зная, как описать все случившееся. — Видите ли, у меня есть, эм... друг. То есть...

— Половой партнер.

Киваю, заливаясь краской. Как неловко! Не то, чтобы я переживаю насчет траура по мужу — почти год прошел. Но все равно чувствую смущение.

— А тест вы делали? Нет? Ладно, сейчас сделаем.

Анна Ивановна встает и идет к шкафчику, стоящему в углу. Достает оттуда несколько

нежно-розовых коробочек.

— Вот, — кладет передо мной. — Это очень хорошие тесты, точные. С инструкцией, думаю, разберетесь?

Киваю и на негнущихся ногах иду в уборную.

Как назло, по-маленькому совсем не хочется. Буквально заставляю себя, а потом... Потом я не могу подняться с унитаза. Как дура смотрю на две ярких ровненьких полоски и не могу поверить своим глазам.

Это... это... это гормональный сбой. Я не могу быть беременна! Просто не могу!

— Елена Николаевна, все в порядке? — стучится ко мне врач.

Она обеспокоена. А я в полном нокауте.

— Не-е-ет, — блею не своим, тонким голосом. — Тут, — запинаясь, — тут две поло-о-оски!

Из глаз текут слезы. Почему я плачу?!

Женщина все-таки заходит в уборную и, убедившись, что я не собираюсь падать в обморок, осторожно берет тесты.

— Все ясно, — спокойно рассматривает каждый из них. — Сейчас возьмем кровь на ХГЧ. Сделаем экспресс-тест.

***

Демьян

Аленка не отвечает на звонки.

Набираю ее снова и снова, но добиваюсь лишь «Абонент вне зоны доступа». Да что ж такое? Паника кружит голову, несмотря на попытки мыслить рационально.

Первым делом набираю начальника охраны офиса Орион. Тот рапортует, что Елена Николаевна ушла в обед и больше не появлялась.

Потом звоню Агатову. Разговор начинаю на повышенных тонах — этот хрен до сих пор вызывает раздражение, остро приправленное ревностью, но в ответ слышу удивленное.

— Нет, я действительно не в курсе. Но при мне Елена Николаевна звонила какой-то подруге.

Ульяна!

Сбрасываю не попрощавшись.

Быстро набираю женщину и — какое счастье! — она поднимает.

— Ульяна, добрый день. Алена с вами?

На том конце провода слышится тихий вздох, а потом осторожное.

— Да, со мной.

От облегчения опускаюсь на один из стоявших в коридоре диванчиков. Очень грамотно их Шахов здесь расположил.

— Она на звонки не отвечает. Где вы?

Ульяна снова мнетя. И мне это кажется чертовски подозрительным.

— Да так, заехали по делам, — отвечает наконец. — Скоро, эм, Алена, поедет домой.

Меня распирает от подозрений и желания закидать Ульяну вопросами. Останавливает лишь понимание, что это глупо.

Даже Оболенский отстал и не пытается пакостить.

Агатов ли с ним разобрался, или Юлия дождала, но бывший тесть успокоился. Не упустив при этом возможности содрать с меня по максимуму в качестве моральной компенсации. Плевать.

Я был слишком рад отделаться от этого брака.

Но еще больше меня бы обрадовал звонок от Алены.

— С ней точно все в порядке? — интересуюсь с нажимом.

— Более чем. Ох, простите, мне пора.

И отключается.

А я сижу еще некоторое время, силясь собраться с мыслями. Мимо меня проносится взъерошенная помощница Шахова.

Вид встрепанный и злой. Ее босс тоже последнее время не в духе. Чтобы не попасть под горячую руку — сваливаю. Но не на рабочее место, а к своему авто. Пусть мне потом выговор влепят, но я должен узнать, что случилось.

Поеду сразу к Алене домой. Там и разберемся.

***

Сижу на диванчике и гипнотизирую взглядом плакаты.

На них счастливые будущие мамочки, советы, как вести себя во время беременности, а также подготовиться к зачатию. О последнем я перелопатила, наверное, тонну информации. Не могла смириться с диагнозом.

А ведь он был! Не один, а несколько врачей говорили, что шансы на беременность практически нулевые — слишком паршиво закончилась чистка.

И вот я тут... в уютной комнатке ожидания. Жду результатов, а еще Ульяну с чаем. Увидев меня — бледную и растерянную, подруга бросилась в кафе, купить что-нибудь бодрящее.

Краем глаза замечаю какое-то шевеление у входа.

Дверь открывается и входит девушка. Даже просторный сарафан не может скрыть ее большого живота.

— Здравствуйте, — улыбается полными губами.

Ее внешность необычна. Не назвала бы эталонной красавицей, но есть в ней что-то такое, цепляющее. Аристократичное.

— Здравствуйте, — отвечаю растерянно.

Голос предательски срывается, и я отворачиваюсь.

Боже... Если анализы покажут, что беременности нет — не выдержу. Я ведь уже хочу этого ребенка! Ребенка от Демьяна... Поверить невозможно.

На плечо ложиться теплая ладонь.

— С вами все в порядке?

Вздрагиваю. А беременная девушка садится рядом и мягко продолжает:

— Если вам нужна помощь, то могу посоветовать хороший центр для женщин и детей «Эдем». Я, кхм, хорошо знакома с его работой.

Качаю головой.

— Н-нет, спасибо. Я тут... Я просто анализа жду. На ХГЧ, — добавляю зачем-то.

— Понимаю... Случайная беременность?

— Нет! То есть... Да. Но это не важно. Мне нужен этот ребенок.

Кажется, девушка расслабляется. Ее голос теплеет еще больше.

— Значит, все хорошо.

— Не хорошо! — начинаю злиться. — У меня не может быть детей!

Но вопреки ожидаемому «извините» или, хотя бы, молчанию, незнакомка оглушает неожиданным признанием.

— Однажды я тоже думала, что бесплодна. Оказалось, бывший муж пичкал меня противозачаточными. Без моего ведома, разумеется.

— Светлана! Вот ты где!

Мы обе вздрагиваем и разворачиваемся к говорившему.

В дверях стоит молодой атлетически сложенный мужчина. Под стать девушке, он весьма хорош собой, но как раз в привычном, классическом понимании этого слова. Породистые черты лица, пронзительный взгляд, копна светло русых волос и модная нынче щетина.

— Илья! — девушка протягивает к нему руки.

Замечаю на безымянном пальце обоих одинаковые кольца.

— А я немного отдохнуть решила...

— Могла бы предупредить, — беззлобно упрекает Илья и, подойдя ближе, присаживается перед своей женой на корточки. — Ты же знаешь, как я волнуюсь, — ласково убирает за ушко блестящий светло-ореховый локон.

У меня сердце щемит. Сколько в его жесте любви! А вот в мою сторону мужчина смотрит с прохладным любопытством.

— Твоя новая знакомая? — интересуется у жены.

Уже хочу ответить, но нас прерывает медсестра.

— Елена Николаевна, пройдемте к врачу.

Сердце ухает о ребра. На негнущихся ногах встаю и на автомате забираю визитку Светланы. Кажется, она просит позвонить, если возникнут трудности.

Не важно!

Светлый коридор мерещится дорогой на эшафот. Сейчас я войду в кабинет, и...

— Анализ показал, что вы беременны, — оглушает меня врач. — Но срок еще мал. И нам нужно исключить внематочную. Через неделю сделаем УЗИ. Вы не против?

Ошарашено киваю. Не против.

— А почему не сейчас?

— Маленький срок, — терпеливо повторяет Анна Ивановна. — Скорее всего, овуляция случилась позже, чем обычно.

— Но ведь я бесплодна! — вырывается почти криком.

А врач мягко накрывает мои ледяные пальцы ладонью.

— Елена Николаевна, скажу честно — за время своей практики я с чем только не сталкивалась. Даже с беременными девственницами. Да-да, петтинг может иметь очень неожиданные последствия. А ваша матка и яичники на месте, организм молодой. И, полагаю, партнер тоже молод...

Растерянно киваю. Да, Демьяну едва за тридцать.

— ... Очень может быть, что у него чрезвычайно активные сперматозоиды. Зачать получилось быстро?

— Мы, э-э-э, несколько недель вместе, — краснею.

— Это действительно чудо, — улыбается Анна Ивановна. — Но оно иногда случается. Просто поверьте.

А что мне еще делать, когда перед носом лежат результаты анализа?

Благодарю и покидаю кабинет. За дверью ждет обеспокоенная Ульяна. Начинает извиняться за очередь в кафе, спрашивает о результатах.

Рассказываю, конечно. И вижу торжество в ее светло-серых глазах.

— Вот увидишь, все хорошо будет, — подхватывает меня под руку. — А пока давай домой, хорошо? Тебе нужно успокоиться и настроиться на позитивный лад.

Демьян

Аленка приезжает спустя несколько часов ожидания.

Я успеваю поиграть с Наденькой и даже уложить ее спать. Няня, радуясь передышке, занимается домашними делами. Рассказывает о чем-то своем, кажется, дети к ней приезжали с внуками, что-то там привозили... Я даже не пытаюсь вникнуть.

И когда за окнами раздается шум мотора, нервы мгновенно скручивает в дрожащий от напряжения узел. Где Алена была? Мне нужно знать ответ. Срочно

Выхожу в прихожую, встречать.

Дверь распахивается, и Аленка замирает на пороге. А в глазах испуг напололам с удивлением.

— Демьян? — шепчет, почему-то отступая на шаг. — А ты, кхм...

— А я тебе звонил раз сто, наверное.

Аленка тушует. Взгляд начинает бегать. Это мне охренеть как не нравится!

— Занята была...

— Врешь.

Алена вздрагивает. Косится на меня и неожиданно воинственно вздергивает подбородок.

— Ты зачем приехал вообще? — швыряет сумочку на банкетку.

От желания взять Аленку за плечи и как следует встряхнуть немеют кончики пальцев. Да она издевается! Или с ума меня свести хочет. За все то время, что мы делим постель, ситуация яснее не стала.

Аленка как будто специально держит меня на расстоянии, с лихвой давая прочувствовать то, что однажды ощутила сама. Неуверенность, страх и дикое желание быть рядом. Никакая физическая близость не могла заменить душевную.

— К любимой девушке приехал, — скриплю зубами. — А что? Или решила завязать с играми?

— Не понимаю, о чем ты, — Аленка скидывает полусапожки и пытается просочиться мимо, но я быстрее.

Прижимаю ее к стенке и впиваюсь в желанные до сердечных судорог губы.

Волна тягучего возбуждения окатывает с головы до ног. Меня ведет на раз два, и в паху становится жарко.

Она ведь тоже это чувствует!

Каждая совместная ночь хлеще кастинга на порно. Наши тела идеально подходят друг другу, но дальше постели дело не идет.

И я чертовски от этого устал!

— Дём-м-м, — стонет любимая, и сама углубляет поцелуй, но я отстраняюсь.

— Завтра на первую половину дня ничего не планируй, договорились?

Аленка удивленно хлопает ресницами.

— Почему?

— Пойдем в ЗАГС, заявление подадим.

Любимая отшатывается, как от чумного.

— Иди ты со своими шутками!

— А я не шучу.

Но в ответ звучит короткий смешок, от которого хочется как следует садануть кулаком по стене. Ну сколько еще она будет меня мучить?!

— Демьян, мне кажется, у нас и так все неплохо. Давай не...

Речь обрывает стук упавшей сумочки — Алена неаккуратно задевает ремешок, свисавший с банкетки, и содержимое оказывается на полу.

Аленка охает, и бросается собирать выпавшую мелочь, но я оказываюсь быстрее.

Пальцы сами выхватывают пластиковую палочку с двумя красными полосками.

— Отдай!

В голосе Аленки паника. А я... я не знаю, чего хочу больше: наорать на нее или обнять до хруста костей.

— Ты беременна? — голос хрипит, ломается.

В ответ звучит резкое:

— Это тебя не касается.

Как пощечина. Отшатываюсь, глядя на Аленку как будто в первые. Не касается значит... Хорошо. Через силу разжимаю пальцы и, не говоря ни слова, иду к двери.

— Демьян! — летит в спину взволнованно.

Но я не отвечаю. Просто уйду. Нам обоим сейчас это нужно.

***

Не волноваться. Ни в коем случае. Мне совсем нельзя волноваться.

Трясу над Наденькой погремушкой, а сердце в такт колотится.

Господи, ну почему я такая дура? Демьян точно не заслужил разговора в подобном тоне, а случившаяся беременность... Это только моя зона ответственности!

Нужно было спокойно все объяснить, но я настолько растерялась, что по привычке решила оттолкнуть.

Потому что так проще.

Я научилась жить одна. И до дрожи боюсь снова впустить в свою жизнь Ястрбовского. Или хочу?

Прикрываю глаза, вспоминая короткое, но такое счастливое время. Демьян ведь вел себя совсем не так, как однажды в прошлом. Тогда он только брал, а сейчас дарит так много, что я просто купаюсь в заботе и внимании.

Но никак не могу сделать последний шаг.

Наденька радостно гулит.

Ее не тревожит нервные вздохи мамочки и ее рассеянность.

Кошусь на телефон, отчаянно мечтая поучить от Демьяна хотя бы смс, но экран пуст.

Глубоко вздыхаю.

Так. Надо успокоиться. Я виновата, нужно признать. И извиниться.

Отложив погремушку, быстро набираю несколько неловких слов и отправляю сообщением. Позвоню потом. Как соберусь с мыслями. Или, может, Демьян ответит?

Но нет.

Проходить пять минут, десять... пол часа, а Ястребовским молчит.

Внутри медленно зреет до ужаса паскудное ощущение. Что если это было последней каплей? Демьян не обязан за мной бегать. У нас вообще очень, кхм, специфические отношения. Он может просто уйти, ведь вокруг полно нормальных, свободных девушек.

Сердце сжимается так, что на глазах выступают слезы.

Стоит представить его с другой — и перед глазами мелькают черные мушки, а внутри тянет до ужаса знакомой болью.

Не могу... Нет, не хочу!

— Господи, — шепчу пересохшими губами.

Влюбилась.

По коже бегут противно-холодные мурашки, а сердце натужно ворочается в груди. До боли в пальцах стискиваю погремушку, а внизу живота неожиданно больно тянет.

Это действует лучше всякой пощечины.

Глубоко вдыхаю и считаю до десяти.

Никакие чувства не стоят жизни моего ребенка. Я хочу его выносить и родить. И сделаю это!

Уж не знаю, чудо это или самовнушение работает, но постепенно успокаиваюсь. С Демьяном я еще встречусь. Поговорим, обсуди все как следует. Мне даже алименты не нужны, отчество ребенку по имени своего отца дам, так что все будет хорошо.

Повторяю это, как мантру.

Мне нужен позитивный настрой.

Ну и пусть Демьян не звонит уже час... Два... Все равно. То есть, вру, конечно, но запрещаю себе думать о тревожащем факторе.

Однажды я допустила страшную глупость.

Пошла на поводу у чувств и рванула в Москву, чтобы искать личной встречи. А могла бы сидеть дома. Взять себя в руки, рассказать обо всем бабушке — она бы меня поддержала. Может, тогда удалось сохранить беременность.

Но моя несдержанность стоила слишком дорого. Больше я не собираюсь повторять ошибок прошлого. Даже если чувства так незаметно для меня самой окрепли и набрали силу.

Справлюсь.

Ради своих детей.

В мятущиеся мысли вклинивается звонок домофона.

Сердце радостно подпрыгивает, но мысленно уговариваю себя, что это курьер. Или кто-то по работе, мало ли.

Но нет, стоит мне нажать кнопку — и вижу стоящего перед дверями Ястребовского.

Глубоко вздыхаю.

Ладно.

Значит, поговорим сейчас.

Однако все, что я успеваю открыть — это дверь. Демьян вваливается в прихожую и, не дав сказать слово, вытаскивает из кармана джинс бархатную коробочку.

— Выходи за меня, Алена, — смотрит так, что я не выдерживаю и присаживаюсь на пуфик. Под коленками слабость.

— Ч-что?

— Выходи за меня. И это не просьба.

Демьян

Тишина давит на уши. Аленка смотрит на меня, потом на коробочку и снова на меня.

— Знаешь... — начинает тихо, но я обрываю.

— Знаю, что ты трусишь. И никогда не легла бы со мной, если бы не хотела. С остальным мы справимся.

Алёнка вспыхивает.

— Это физиология.

— Сама-то веришь?..

Нет, по глазам вижу.

— ... Я уже все понял, — шагаю к ней и, не давая сбежать, заключаю в объятия. — Тебе проще убежать или сделать вид, что ничего не происходит. Как мне однажды. Но дальше так продолжаться не может. Я не отступлю. Хотя бы потому, что нравлюсь тебе.

Аленка вскидывает голову. А в глазах упрямство и сомнение.

— Ты потрясающе самоуверен! — шипит и сразу же тушует.

А я подхватываю девичью кисть и, открыв коробочку, достаю кольцо. Надеваю на тонкий пальчик.

— Да, я буду самоуверен за нас двоих, любимая... — целую хрупкое запястье.

Аленка вздрагивает, но не отстраняется.

— ...И не дам нам обоим натворить глупостей.

Ответом становится протяжный вздох.

А потом Алёнка оттопыривает пятерню и любуется легким, но очень изящным колечком.

— Глупостей, говоришь, — тянет задумчиво. — Вообще-то я подумала пригласить тебя на УЗИ... Нужно убедиться, что с ребенком все хорошо... Господи, — разворачивается и утыкается лбом мне в плечо. — Я так боюсь...

Нежно обнимаю самую чудесную девушку на свете. Мою Аленку!

— Не бойся. Все будет хорошо.

Любимая вздыхает и льнет ко мне всем телом.

— Не уходи больше, — шепчет едва слышно. — Я... Ты мне очень нужен.

***

(спустя некоторое время)

— У вас все хорошо.

Анна Ивановна улыбается, поворачивая к нам с Демьяном монитор.

— Пол знать хотите? — интересуется между прочим.

— Да.

Наш ответ звучит одновременно.

Демьян ласково сжимает мою ладонь, и сердце в груди райской пташкой трепыхается. Как будто в сон попала! Счастливый и так долго желанный.

— Мальчик, — сообщает врач.

И я не могу сдержать радостного вздоха. Когда-то давно мечтала, что у нас с Демьяном будет сын.

— Можете подниматься, следующее УЗИ в тридцать недель. Препараты пока оставляем.

Демьян помогает мне подняться с кушетки. Сам вытирает порядком округлившийся живот и оправляет кофту. Беременность далась мне не слишком гладко — все же последствия чистки никуда не делись. Плацента низко, почти заползает на шейку матки, постоянный тонус.

Несколько месяцев я провела на сохранении. За Наденькой ухаживал Демьян, и ни разу я не видела в его глазах усталость или недовольство.

Наверное, именно это и стало для меня решающим аргументом в вопросе отношений.

И сегодня я собиралась сделать последний шаг.

— Как ты думаешь, ЗАГС сегодня работает? — произношу задумчиво, едва мы выходим

на крыльцо клиники.

Демьян сжимает мою руку крепче. Осторожно, как хрустальную, поворачивает к себе и заглядывает в глаза.

— Если не работает, я его открою.

Вроде бы шутит, а взгляд такой, что пробирает до костей.

— Охотно верю, — улыбаюсь и первая тянусь к желанным губам. — Просто я тут подумала. Сегодня отличный день, чтобы выйти замуж за любимого мужчину.

(десять лет спустя)

— Мам, посмотри — рыбка! Давай купим рыбок, а? Ну совсем немножечко? И хомяка.

Наденька скачет около меня резвым мячиком. Тычет пальцем в витрину и обещает, что это — ну точно самый-самый последний раз.

Тяжело вздыхаю. Вот угораздило же меня пойти именно в этот гипермаркет именно этой дорогой! Могла бы догадаться, что здесь встретится зоомагазин, который Наденька ни за что в жизни не пропустит.

У дочки просто ненормальная страсть к животным. В доме уже целый зверинец — две кошки — Лиза и Анфиса, огромный лабрадор Валик, который души не чает в маленькой хозяйке, зубулефар Митя, морская свинка Соня, улитка-ахатина Кузя и вот теперь рыбки! И, возможно, хомяк...

— Но милая, за рыбками надо ухаживать, — пытаюсь съехать с темы, заранее понимая всю тщетность этих попыток.

Наденька родилась с любовью к братьям нашим меньшим. Еще в младенчестве предпочитала игрушки, так или иначе связанные с животными. Никаких кукол, погремушек и пирамидок. Если они, конечно не в форме котика или собачки.

Ох, видимо — Агатов может спать спокойно. Наденька вряд ли захочет возглавлять строительную фирму. Впрочем, мужчина на нее и не посягает. Мы ведь в некотором смысле теперь родня... Я стала крестной мамой его первенцу.

— Я буду за ними ухаживать! — выдерживает из раздумий дочь.

— А я помогать! — вступается за сестру сын.

Устало тру лоб.

Эти двое спелись, не иначе.

Олег хоть и не испытывает столь фанатичной тяги к животным, но за сестру горой. Правда. Так было не всегда. Маленькие — они часто дрались и спорили, но как пошли в школу, сначала одна, потом второй, так и размолвки сошли на нет.

— Очень интересно, — раздается за спиной до боли любимый голос. — И почему я не удивлен?

Оборачиваюсь.

— Папа! — хором кричат дети.

А я шагаю в распахнутые для меня объятия и крепко прижимаюсь к мужу.

— Ты приехал, — вздыхаю счастливо.

А ведь еще несколько дней командировки — я точно помню.

— Соскучился ужасно! — шепчет, тиская самым наглым образом. — К черту заключительный вечер, чего я там не видел.

— Но приличия...

А Демьян только фыркает.

Его совершенно не заботит, как будет расценено его выходка. Оно и понятно — за эти годы муж успел стать очень востребованным специалистом. Его фирма развивается и крепнет, а я этому немного способствую...

— ... Ну и ладно, — соглашаюсь быстренько. — У меня будет время показать тебе парочку новых проектов.

Я все так же работаю на фрилансе. Не хочу никем руководить. И работать в чужой компании тоже, хоть меня активно пытаются сманить. Может, однажды я и поддамся уговорам, но сейчас дети важнее.

Хотя, надо признаться иногда меня терзает беспокойство, стоит ли засиживаться дома? Особенно после того, как бывшая Демьяна объявилась в Питере.

Юлия Оболенская, к счастью, не лезла в нашу семью, как и ее отец. Родив ребенка, она надолго пропала с радаров, а потом вернулась в Россию, причем уже с кольцом на пальце. И все равно мне было не слишком комфортно время от времени наткаться на новости об этой девушке. Она стала довольно узнаваемой светской львицей, которая помогала организовывать приемы и различного рода вечера.

Поговаривают, запись к ней забита на год вперед.

Я не завидовала, поскольку тоже нашла свою нишу, но и общения не искала.

— Пап, — отвлекает меня голос Наденьки. — Мы тут решили рыбок купить...

— И хомяка, — добавляет Олег.

— Мы?! — удивляюсь такому нахальству, и дети радостно кивают.

Знают, что уж если рядом папа, то мама не откажет.

Демьян ерошит волосы. Умоляющие глазки — его слабость. Детей он любит до безумия и готов их баловать. А это вредит воспитательному процессу!

— Но сначала для рыбок надо подготовить место, — начинает осторожно. — И вообще, я соскучился и проголодался. А дома подарки ждут.

Хитер!

Олег тут же теряет к рыбкам интерес, но Наденьку так просто не проймешь. Дочь с сомнением косится в сторону отца и недовольно теревит поясok платья. Это у нее от Артура... Пусть Наденька — вылитая моя копия, но повадки и характер — здесь у нее очень многое от бывшего мужа.

— Подарки — это что-то связанное с рыбками? — уточняет незамедлительно.

— Ну... можно и так сказать. Помнишь энциклопедию, которую ты давно хотела? А еще очень красивый кулон. И вот он точно связан с животными... — добавляет загадочно.

Ну все, Наденька заинтригована.

Бросив прощальный взгляд на рыбок, она нехотя кивает. Но по мордашке вижу — эта тема еще всплывет.

— Поехали домой! — просит Олег и вместе мы направляемся к выходу.

Но на полпути Демьян притормаживает и смотрит куда-то в сторону.

— Погляди, — шепчет мне тихонько. — Это же Данила. Ну, браток тот... Помнишь?

Конечно, помню! Такой типаж вряд ли забудешь! Кручу головой и натыкаюсь на воркующего над коляской Данилу. Мужчина нас не замечает, полностью сосредоточен на младенце. Рядом с ним девочка, ровесница Наденьки. А около витрины с игрушками стоит та самая Вита и держит за руку мальчика.

— Во дает, — восхищенно прицокиваю языком. — Рада за них...

— Да уж, — хмыкает Демьян. — Сдается мне, этот ребенок не последний... У Шахов третий на подходе, кстати. А мужик уже о четвертом мечтает. По ходу у него фениш на беременную жену.

— У Марьяши и Агатова второй недавно родился, — хихикаю в ответ. — Да и Ульяна еще об одном подумывает... — запинаясь, чувствуя многозначительный взгляд Демьяна, и мотаю головой. — Не-е-ет... Сейчас, что ли?

Демьян легонько прижимает меня ближе.

— А когда? — шепчет искушающее. — Демографическая ситуация, все дела... Аленка.

Я от тебя еще детей хочу.

Краснею до кончиков волос.

— Забыл, как Олежку по ночам укладывал?

Наденькины капризы оказались просто невинной забавой по сравнению с тем, что нам устроил сын. Первые полгода были настоящим испытанием на прочность. И Демьян никогда не отговаривался работой или усталостью. Наше прошлое помогало избегать ошибок в настоящем.

Так что сейчас я с уверенностью могу сказать, что отец из Демьяна идеальный. И его мало чем можно напугать.

— Готов пройти через это еще раз, — улыбается лукаво. — Сегодня же займемся этим вопросом.

За меня отвечает радостный детский смех. Чей-то ребенок радуется игрушке. Девочка...

Переглядываемся с любимым. Вижу, что он думает о том же. Хороший знак! Так почему бы не попробовать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net